

ЕВРЕЙСКИЕ БЕЖЕНЦЫ И ЭВАКУИРОВАННЫЕ В СССР 1939–1946

Сборник статей,
документов и свидетельств

Примерно полутора миллионам евреев на территории СССР удалось в годы Второй мировой войны избежать уничтожения от рук нацистов – они смогли спастись и выжить в тыловых районах страны. Историй бегства, эвакуации и выживания столь же много, сколько было и самих беженцев...

В этой книге делается попытка по возможности широко осветить различные стороны героизма и выживания еврейских беженцев и эвакуированных в советском тылу военных лет, – аспекты, многие из которых до сих пор не были в достаточной мере описаны и исследованы. Выходу этой книги в свет предшествовала научная конференция **«Истории, воспоминания и наследие: еврейские беженцы и эвакуированные в Советском Союзе в годы Второй мировой войны»**, прошедшая в Еврейском университете в Иерусалиме в 2014 году при поддержке Фонда Claims Conference и ассоциации Хазит ха-кавод с участием ведущих специалистов из Израиля, России, США и Канады.

Книга состоит из трех частей: научные исследования, документы и свидетельства очевидцев. Сопоставление этих трех плоскостей позволяет читателю познакомиться с предметом тремя разными способами: через научные статьи, написанные разными учеными, изучившими предмет с разных точек зрения; через неопубликованные ранее аннотированные архивные документы и через некоторые личные свидетельства очевидцев, представивших в кратких описаниях пережитое ими в годы войны. Взаимодействие этих трех частей позволяет читателю сопоставить общее и частное – с одной стороны, видеть картину в целом, с другой – познать ее «от первого лица», то есть через документы и через свидетельства тех, кому удалось пережить порой невыносимые трудности тех военных лет.

ISBN 978-965-599-326-4

9 789655 993264

ЕВРЕЙСКИЕ БЕЖЕНЦЫ И ЭВАКУИРОВАННЫЕ В СССР, 1939–1946

Сборник статей, документов
и свидетельств

Редактор Зеэв Левин

JEWISH REFUGEES AND EVACUEES
IN THE SOVIET UNION, 1939–1946
Studies, Documents and Testimonies

Edited by Zeev Levin

.....
פליטים ומפונים יהודים בבריה"מ,

1939–1946

מחקרים, מסמכים ועדויות

בעריכת זאב לוין

עמותת חזית הכבוד
אגודה ישראלית למדענים עולים
ירושלים 2020

ЕВРЕЙСКИЕ БЕЖЕНЦЫ И ЭВАКУИРОВАННЫЕ В СССР, 1939–1946

Сборник статей, документов
и свидетельств

Редактор Зеэв Левин

Ассоциация
Хазит ха-кавод

Союз ученых-репатриантов
Израиля

И е р у с а л и м 2 0 2 0

ЕВРЕЙСКИЕ БЕЖЕНЦЫ И ЭВАКУИРОВАННЫЕ В СССР, 1939–1946

Сборник статей, документов и свидетельств

Издание этой книги стало возможным благодаря
помощи и поддержке:

Claims Conference

The Conference on Jewish Material Claims Against Germany

Helping Hand Coalition for Israel

המשרד לשוויון חברתי

Министерство социального равенства

Научный редактор: *ד-ר זעב Левин*

Ответственный редактор: *Хаим Долгопольский*

Редколлегия: *Зев Левин, Александр Берман, Леонид Прайсман, Хаим Долгопольский*

Переводы и редакция: *Бен-Цион Димерский, Хаим Долгопольский*

Корректор: *Ирина Турунцева*

Дизайн: 2W-design.com

ISBN 978-965-599-326-4

© Ассоциация Хазит ха-кавод (В защиту достоинства), 2020

© Союз ученых-репатриантов Израиля, 2020

Охраняется законом об авторском праве. Воспроизведение или любое иное использование текста, дизайна и оформления данной книги, полное или частичное, запрещается без предварительного письменного разрешения.

СОДЕРЖАНИЕ

Сведения об авторах.....	7
--------------------------	---

Введение.

<i>Зеэв Левин.</i> Евреи в СССР в годы Второй мировой войны: депортированные, беженцы и эвакуированные	9
---	---

Часть I

СТАТЬИ

Зеэв Левин

Еврейское население СССР накануне нацистского вторжения: депортации и начало эвакуации	23
---	----

Марина Потемкина

Эвакуация и евреи: стратегии выживания в военном социуме	53
---	----

Мачей Вонс

Как воспринимались другие: некоторые наблюдения в отношении воспоминаний польских евреев о пребывании в Средней Азии в годы войны.....	76
--	----

Эмма Шкурко

Эвакуированные евреи в Башкирской АССР (1941–45 гг.) Демографические, культурные и психологические аспекты	104
---	-----

Виктор Белоус, Ольга Радченко

«Мы живем в страшное время». Судьба семьи Игельник по материалам личной переписки и судебно-следственного дела НКВД	125
---	-----

Часть II

ДОКУМЕНТЫ

Зеев Левин

Еврейские беженцы и эвакуация в СССР, 1941–1946:

Собрание архивных документов. *Введение* 137

Зеев Левин

Аннотированная подборка документов и комментарии 141

Список документов 211

Часть III

СВИДЕТЕЛЬСТВА

Александр Берман

Жгучая память об эвакуации. *Введение* 215

Яков Айзенберг 228

Гарри Фельдман 238

Любовь Горелик 245

Ефим Кипнис 250

Яков Либерман 257

Анна Лобачевская 260

Виктор Розенцафт 264

Семен Верновский 268

Михаил Винер 273

Исаак Заславский 276

Вадим Менделевич 282

Любовь Лернер 289

Рива Фукс 293

Библиография 301

Индекс географических названий 313

ENGLISH INTRODUCTION AND SUMMARY

Zeev Levin

Jews in the USSR during World War II:

Deportees, Refugees, and Evacuees 319

Сведения об авторах

Виктор Борисович Белоус – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Государственного архива Кировоградской области, Украина. Автор монографии «Язык и революционные преобразования» (2008); сборники эссе «Мы одной крови» (2003), «Теплая река» (2011) и сборник стихов «Франко мотивы» (2001).

Александр Берман – кандидат биологических наук, инициатор создания (1994) и многолетний директор Союза ученых-репатриантов Израиля, инициатор проекта «Опаленное детство» по сбору и изданию воспоминаний беженцев и эвакуированных в эпоху Холокоста (начиная с 2009 г.), а также – один из инициаторов проведения первой международной научной конференции, посвященной еврейским беженцам и эвакуированным в СССР (Иерусалим, 2014). Президент общественного движения «Хазит ха-кавод», занимающегося продвижением прав репатриантов, переживших войну и Холокост.

Мачей Вонс – независимый исследователь и лектор в области истории СССР и восточно-европейского еврейства. Учился в университете г. Маастрихт (Нидерланды), Свободном университете Берлина, выпускник Европейского университета Виадрины во Франкфурте-на-Одере (кафедра истории Восточной Европы). Темы исследований и публикаций – инфраструктура и технические элиты в СССР, мобильность, миграции, депортации и репрессии в странах Восточной Европы.

Зеэв Левин – научный сотрудник Института им. Трумана в Еврейском университете в Иерусалиме, а также заведующий отделом по исследованию бухарских евреев в Институте им. Бен-Цви в Иерусалиме. Докторат и пост-докторат защитил в Тель-Авивском университете на кафедре истории Ближнего Востока и Африки. Специализация – современная история Средней Азии.

Марина Николаевна Потемкина – профессор истории в Магнитогорском государственном техническом университете им. Г. И. Носова. Специалист по социальной и военной истории, истории повседневности. Автор монографий и статей по вопросам эвакуации, истории XX века, теории и методологии исторической науки.

Ольга Николаевна Радченко – кандидат исторических наук, доцент Черкасского государственного технологического университета им. Богдана Хмельницкого, Украина. Автор книг и статей по истории туризма, истории Второй мировой войны, истории евреев Украины.

Эмма Александровна Шкурко – преподаватель Уфимского медицинского колледжа, Лауреат премии СОЕК «За заслуги в просветительской деятельности» (2003), член Союза журналистов РФ и РБ (Россия, г. Уфа). Занимается изучением еврейской диаспоры Башкортостана. Автор научно-популярного издания «Очерки истории жизни евреев в Уфе и Башкортостане» (1998, 2000), научного издания «Евреи в Башкортостане: полтора века истории» (2007). Опубликовала свыше 30 научных статей по истории евреев региона.

ВВЕДЕНИЕ

Евреи в СССР в годы Второй мировой войны: депортированные, беженцы и эвакуированные

.....

Зеэв Левин

Настоящее издание появляется после 10-летней работы над исследовательским проектом, начатым мною в 2010 году в рамках моего пост-доктората в Тель-Авивском университете, который осуществлялся при щедрой поддержке Фонда семьи Бек.

В 2014 году в Еврейском университете в Иерусалиме мною была организована международная конференция, на которую собрались ведущие исследователи с трех континентов для обсуждения темы эвакуации и депортации евреев в СССР в годы Второй мировой войны. Конференция осуществлялась при партнерском содействии Фонда Claims Conference и ассоциации «Хазит ха-кавод». Некоторые материалы этой конференции увидели свет в специальном тематическом выпуске журнала *East European Jewish Affairs*, посвященном еврейским беженцам и эвакуированным¹. Частью этого научного форума и очень плодотворного обмена мнениями была его общественная фаза – встреча, в которой приняли участие сотни ветеранов и бывших беженцев. В 2016 году в

.....

1 Shneer D., Shternshis Anna, Levin Zeev (eds). *East European Jewish Affairs* special issue: Jews in the Soviet Union during World War II: German occupation, Soviet evacuation, and the imagined relationship between these two experiences, 46(1) (2016).

Еврейском университете я стал организатором еще одной конференции, основное внимание на которой было уделено вопросам, касающимся беженцев и их соседей. Несмотря на то, что с момента начала работы прошло уже достаточно много лет, я продолжаю заниматься вопросами и источниками, связанными с темой эвакуации евреев в СССР, и до сих пор не могу сказать, что эта тема для меня полностью раскрыта. Множество вопросов все еще остаются открытыми, и дальнейшие исследования были бы весьма желательны.

В настоящем издании представлены три раздела: научные статьи, сборник документов и личные свидетельства. Такой формат представляет междисциплинарный подход и может быть прочитан как многоуровневое повествование, базирующееся на научно-справочном аппарате, в сочетании со свидетельствами очевидцев, и подкрепленное подборкой прокомментированных архивных документов.

Сборник посвящен особой странице в истории выживания евреев в эпоху Холокоста. Здесь рассматриваются официальные стратегии советского руководства и их реализация, использование эвакуированных евреев в политических целях на международной арене, а также общие настроения, которые были свойственны эвакуированному еврейскому населению и окружавшей его среде.

За прошедшие годы на эту тему было опубликовано несколько исследований, касавшихся как собственно советских евреев, так и евреев, депортированных с территорий, оккупированных Советским Союзом в 1939–1940 гг. Однако всеобъемлющей монографии по этому конкретному вопросу еще не появилось.² В опубликованных же исследованиях в первую очередь рассматривались евреи, которые были депортированы с аннексированных территорий Польши, Румынии и Прибалтики. Дело в том, что большая часть исследовательской работы была проведена до

.....
 2 В монографии, посвященной Холокосту на территории СССР, беженцы обычно упоминаются лишь вкратце. См.: Itshak Arad, *toldot ha-shoa bi-vrit ha-mo'atsot vha-shtahim ha-mesupahim* (Jerusalem, 2004).

того, как советские архивы стали доступны западным исследователям.³ После распада Советского Союза было опубликовано лишь несколько статей. Внимание там по большей части уделяется тем или иным конкретным аспектам эвакуации евреев или достаточно кратким общим обзорам.⁴

Процесс эвакуации может послужить призмой, позволяющей рассмотреть советскую национальную политику: как она формировалась и в какой степени ее положения были реализованы региональными и местными инстанциями. Организация депортации была направлена на ужесточение контроля на советской территории, которая, по мнению властей, находилась под угрозой враждебной инфильтрации, распространения инфекционных заболеваний и внутренней дезинтеграции. Столкнувшись с массовым и в значительной степени неконтролируемым передвижением людей, советские власти пытались закреплять людей за местом их проживания, тем самым стирая различия между эвакуированными и депортированными. Эвакуация проливает свет на обширную промежуточную зону между вынужденной миграцией и добровольной миграцией в советском обществе в эпоху сталинизма. Кроме того, работа специалистов в этом направлении предоставляет возможность для более глубокого изучения темы депортаций по национальному признаку в Советском

.....

3 Ben-Tsion Pinchuk, *yehudei brit ha-mo'atsot mul pnei ha-shoa: mehkar bi-ve'ayot ha-haglaia ve-hapinui* (Tel-Aviv, 1979); Dina Porat, *rikuz ha-plitim ha-yehudiim be-vilna be-shanim: 1939–1943*, M.A. Thesis, Tel-Aviv University (1973); Kalman Nusbaum, *helkam shel ha-yehudim be-irgun uvi-p'ilut ha-lehima shel ha-tsava ha-polani bi-vrit ha-mo'atsot* (Tel-Aviv, 1979); Shimon Redlich, *The Jews under Soviet rule during world war II*, PhD dissertation, New-York University, 1968; Yosef Litvak, *plitim yehudiim mi-polin bi-vrit ha-mo'atsot 1939–1946* (Tel-Aviv, 1988); Shlomo Kless, *gvulot mahteret u-vriha* (Moreshet, 1989).

4 Mordechai Altshuler, "Escape and evacuation of Soviet Jews at the time of the Nazi invasion: policies and realities" // *The Holocaust in the Soviet Union* (Jerusalem, 1993) 77–104; Vadim Dubson, "On the problem of the evacuation of Soviet Jews in 1941 (new archival sources)" // *Jews in Eastern Europe*, 3 (1999) 37–56; С. Швейбиш, «Эвакуация и советские евреи в годы Катастрофы» // *Вестник Еврейского университета в Москве*, №2 (9) (1995) 36–55. Albert Kaganovich, "Jewish Refugees and Soviet Authorities during World War II", *Yad VaShem Studies* 38 (2) 2010, pp. 85–210.

Союзе, темы, в отношении которой ведется все более обширная исследовательская работа.⁵

В последние годы было опубликовано несколько монографий, посвященных общим вопросам эвакуации. Тема была в центре внимания ряда исследований как в России, так и на Западе. Исследования, проводившиеся в этой области в Российской Федерации, чаще всего касались происходившего в отдаленных от центра регионах (особенно в Сибири и на Дальнем Востоке). Похоже, что в этих регионах рост интереса к теме эвакуации связан со стремлением осветить вклад этих периферийных районов в победу в Великой Отечественной войне Советского Союза – вклад, который на протяжении многих лет игнорировался советскими историками. В последнее время была предпринята попытка вырваться из засилья «исследований 1930-х годов», что проявлялось главным образом в некотором всплеске интереса к происходившему в послевоенные годы. Эпоха же собственно военного времени исследователями практически не затрагивалась.⁶

Это отражает общую тенденцию изучения истории в нынешней России. Социальная, культурная и политическая история Советского Союза обычно рассматривается вплоть до 1940 года, и ее изучение возобновляется только уже в отношении к послевоенному периоду. Беспрецедентным образом, период войны в Советском Союзе остается в значительной степени заповедной зоной лишь военной и политической истории. Современная литература фокусируется почти исключительно на солдатах, ветеранах и населении оккупированных территорий, в то время как исследования, касающиеся ситуации в тылу, все еще весьма ограничены.

.....

5 О депортациях по национальному признаку см.: Aleksandr M. Nekrich, *The Punished Peoples: The Deportation and Fate of Soviet Minorities at the End of the Second World War* (New York, 1978); Robert Conquest, *The Nation Killers: The Soviet Deportation of Nationalities* (London, 1977). Об исследованиях архивов, проведенных в последние десятилетия см.: Бугай Н.Ф., Л. Берия – И. Сталину. «Согласно Вашему указанию» (Москва, 1995). Подробное изучение довоенной советской национальной политики и ее последствий дается в публикации: Terry Martin, *An Affirmative Action Empire: Ethnicity and the Soviet State, 1923–1938* (Chicago, 1996).

6 Amir Weiner, “Saving Private Ivan: From What, Why, and How?” // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* 1, no. 2 (Spring 2000), 305–36.

В целом, документации и исследованию эвакуации евреев не уделялось должного внимания, и эта тема игнорировалась и затенялась объемной литературой о «Великой Отечественной войне», изданной в СССР и издаваемой в его государствах-преемниках. На сегодняшний день существует только несколько русскоязычных книг на эту тему, большая часть которых посвящена эвакуации предприятий, а не людей.⁷ Некоторое внимание теме эвакуации было уделено и на Западе – здесь исследования, как правило, сосредоточены на отдельных эпизодах, однако не так давно вышло как минимум две докторские диссертации на эту тему, одна из которых была опубликована в виде рукописи.⁸ Цель данного сборника – как-то помочь заполнить этот пробел.

Данный сборник также проливает свет на значение, которое в советском обществе имели как формальные, так и неформальные сети социальных отношений. В контексте эвакуации также резко

.....

7 И. И. Белоносов, «Эвакуация населения из прифронтовой полосы в 1941–1942 гг.» // *Эшелоны идут на восток* (М., 1966) 15–30; М.И. Лихоманов, *Партийное руководство эвакуацией в первый период Великой Отечественной войны, 1941–42* (Ленинград, 1985); Г.А. Гончаров, «Трудовая армия» на Урале в годы Великой Отечественной войны (Челябинск, 2006); М.Н. Потемкина, *Эваконаселение в Уральском тылу (1941–1948)* (Магнитогорск, 2006); Л.И. Снегирева (сост. и отв. ред.), *Во имя победы: эвакуация гражданского населения в Западную Сибирь* (Томск, 2005). Публикации на тему эвакуации регулярно появляются в научной периодике, однако в первую очередь они касаются эвакуации промышленности. Статьи, которые касаются именно гражданского населения, немногочисленны – Ш.М. Мунчаев, «Эвакуация населения в годы Великой Отечественной войны», *История СССР* №3 (1975), Л.Т. Позина, «Эвакуация населения в годы Великой Отечественной войны» // В.А. Ежов и др. (ред.), *Народ и война. 50 лет Великой Победы* (СПб., 1995) 265–281; В.М. Ковальчук, «Эвакуация населения Ленинграда летом 1941 года», *Отечественная история* №3 (2000) 15–24; Г.А. Куманев, «Эвакуация населения СССР: достигнутые результаты и потери» // *Людские потери СССР в период Второй мировой войны. Сборник статей* (СПб., 1995) 137–146; и его же: «Перебазирование производительных сил на восток СССР в 1941–1942 гг.», *Военно-исторический журнал* №3 (1963) 114–117.

8 См.: Rebecca Manley, *To the Tashkent Station* (Cornell, 2009). О других исследованиях, появившихся на Западе, см.: Sanford R Lieberman, “Evacuation of Industry in the Soviet Union During World War II,” *Soviet Studies* 35 (January 1983) 90–102; Kristen Elizabeth Edwards, “Fleeing to Siberia: The wartime relocation of evacuees to Novosibirsk, 1941–1943” (Ph.D. dissertation, Stanford University, 1996). Последняя работа – кейс-стади в отношении Новосибирска. См. также недавно опубликованное исследование: Michal Dekel, *Tehran Children: A Holocaust Refugee Odyssey* (W. W. Norton & Company, 2019).

и рельефно выявляется характер и значение социальных связей между советскими гражданами в сталинскую эпоху. Процесс перемещения разрушил существующие общины: мужья были отделены от жен, родители от детей, рабочие от мест работы, друзья – друг от друга. В течение этого периода советские граждане из всех сил пытались восстанавливать сети социальных отношений, от которых они зависели, – не только ради духа товарищества, но и для получения доступа к еде, жилью и работе – для выживания. То, как советские граждане справлялись с перемещением, подчеркивает важность неформальных и формальных сетей для структуры советского общества и повседневной жизни при Сталине.⁹

Советские определения: «депортируемый», «беженец», «эвакуированный» и «амнистированный»

Термины «беженец», «депортируемый» и «эвакуируемый» имеют фундаментальное значение для исследования данной темы, поэтому они должны быть уточнены. По сути, эти термины возникли для административного классифицирования людей и были установлены для определения конкретного правового статуса обладателя. Термин «беженец» обычно используется для обозначения перемещенного лица, которое было вынуждено бежать из своей страны в другое место (другую страну или в другой район той же страны) ввиду обстоятельств, угрожающих его жизни. Термин «депортированный» обычно обозначал иностранного гражданина, оказавшегося в СССР, не получив на то должного разрешения, или того, чье право на пребывание в Советском Союзе было юридически аннулировано из-за ненадлежащего, с точки зрения властей, поведения. Однако в советской действительности депортированными оказались в основном советские граждане, которые были отправлены не в другую страну, а в специальные поселения или трудовые лагеря в Средней Азии,

.....

9 Sheila Fitzpatrick, "Blat in Stalin's Time," // Stephen Lovell et al., eds., *Bribery and Blat in Russia: Negotiating Reciprocity From the Middle Ages to the 1990s*; Sheila Fitzpatrick, *Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times* (New York, 1999); Alena V. Ledeneva, *Russia's economy of favors: blat, networking, and informal exchange* (Cambridge, UK, 1998).

в Сибири или на Дальнем Востоке СССР. Появление на советской исторической сцене «эвакуированного» означало добавку к прежней терминологии; и если «беженец» был основным термином, которым пользовались для обозначения перемещенного населения во время Первой мировой войны, то во время Второй мировой войны это место занял «эвакуированный».¹⁰ Замена понятия «беженец» на «эвакуируемый / эвакуированный» была не просто вопросом семантики – она свидетельствовала о существенной трансформации в подходе государства к перемещению населения в военное время: от самовольного решения к перемещению организованному и координированному сверху.

В развитии советской политики эвакуации было два ключевых момента. Первым было усиление внимания и возрастающая систематизация подхода правительства к экономическим аспектам войны после начала Второй мировой. Война породила целый ряд новых экономических практик, которые не были предусмотрены в довоенный период, – включая хлебозаготовки, государственный контроль над промышленностью, карточную систему и эвакуацию.

Второй важный момент, последовавший за сталинским Большим террором, имел отношение к фундаментальному пересмотру вопроса контроля над мирным населением в военное время. Это было связано с милитаризацией советского общества, разработкой новых методов перемещения населения и изменениями в методах и концепции ведения военных действий. Беженцев как категорию планирования в ситуации военного времени заменила концепция эвакуации, которая превратилась в единый подход к перемещению населения, и которая была только частью перемещения в тыл заводов. Семантический переход от «беженца» к «эвакуируемому» ознаменовал фундаментальный переход от организации перемещенного населения к контролю за самим перемещением, которое диктовали нужды государства в военное время.¹¹

.....

10 О появлении понятия «беженцы» в годы Первой мировой войны см.: Peter Gatrell, *A Whole Empire Walking: Refugees in Russia during World War I* (Bloomington, 1999).

11 Rebecca Manley, "The Perils of Displacement: The Soviet Evacuee between Refugee and Deportee," *Contemporary European History*, Vol. 16, 4 (November 2007) 495–497; и Manley, *Tashkent Station*, Ch. 1.

Такой переход, однако, во многом оставался чисто теоретическим. На практике советская администрация предоставляла статус эвакуированных всем советским гражданам, которые были перемещены во время войны и не находились под прямым контролем НКВД, независимо от того, были ли они официально эвакуированы или покинули прежнее место проживания по собственной инициативе. Та же терминология относилась даже к этническим немцам (которые фактически были депортированы), а затем и к освобожденным заключенным – бывшим польским гражданам. Последним были предоставлены советские документы после освобождения, и они стали считаться советскими гражданами, даже если до ареста они не были таковыми или не желали получать советское гражданство.¹²

Если официально эвакуированные граждане были прикреплены к определенному месту – заводу или другому государственному предприятию или учреждению, то люди, переместившиеся неофициально, должны были сами находить себе место работы и заботиться о себе. Из-за острой нехватки рабочей силы (особенно мужчин) они пользовались большей свободой занятий и имели больше возможностей перемещаться с места на место.¹³ Независимо от их официального статуса или навязанного им советского гражданства, многие из перемещенных лиц считали себя (и позже описывали себя в своих мемуарах) не эвакуированными, а беженцами, перемещенными лишь временно из-за войны и желающими вернуться на родину при первой же возможности.¹⁴

.....

12 О теме беженцев в архивных документах советского периода см.: Архив Президента Республики Казахстан, фонд 685, опись 6, дело 62, лист 157 (Документ №5 в этой подборке), а также Интервью с Барухом Минцем (Кфар-Сава, 16.02.2010).

13 Для того, чтобы переехать с места на место и купить билеты на поезд, требовалась справка, выданная либо на месте работы, либо в другом советском учреждении; см.: Litvak, *Plitim* 193–198; Shlomo Kles, *Bederekh lo slula* (Moreshet, 1993) 21–22.

14 Об этом говорится во многих свидетельствах и мемуарах. Некоторые исследователи (и свидетели) пользуются понятием «беженцы» для обозначения всех перемещенных иностранных подданных в СССР во время войны; см.: Litvak, *Plitim*; Redlich, *Jews under Soviet rule*.

Данная публикация содержит три раздела: научные статьи, сборник документов и воспоминания очевидцев, отражающие повседневную жизнь в условиях эвакуации, сложности и уникальные обстоятельства, с которыми сталкивались и вопреки которым выживали еврейские беженцы, эвакуированные и депортированные. В сборнике статей предоставлены работы, которые освещают различные аспекты выживания. Такая подборка позволяет лучше понять многогранность эвакуации.

Часть первая. Исследования

В первой статье этого раздела рассматривается общее положение по данному вопросу в СССР до заключения пакта Молотова-Риббентропа (1939 г.), непосредственное влияние этого соглашения и его последствий на еврейское население аннексированных территорий, и возникновение проблемы беженцев. В ней показано, что, хотя с точки зрения советской историографии, для СССР Вторая мировая война началась в июне 1941 года, для сотен тысяч евреев, которые стали беженцами после заключения советско-нацистского пакта, эта война началась двумя годами ранее. В этой статье депортация бывших польских граждан рассматривается в более широком контексте многих депортаций других этнических групп, и впервые приводятся количественные данные, базирующиеся на архивных документах.

Вторая статья этого раздела, написанная Мариной Потемкиной – одним из ведущих российских специалистов в области эвакуации, рассматривает судьбу эвакуированных евреев в общем контексте трудностей и лишений военного времени. Этот обзорный отчет помогает выявить и обсудить уникальный еврейский опыт в общих рамках эвакуации.

В третьей статье польско-немецкого ученого Мачея Вонса описываются реалии выживания, с которыми столкнулись евреи – беженцы из Польши, попавшие в Среднюю Азию – так, как они им виделись. В этом контексте Вонсом рельефно представлены некоторые из наиболее значительных явлений социальной дифференциации между различными типами «советских» граждан – так, как они воспринимались со стороны. С одной стороны, это

польские евреи – беженцы, оказавшиеся в Советском Союзе, спасаясь от уничтожения на оккупированных нацистами территориях: они попали в СССР в конце 1939 года, многие из них были отправлены в ГУЛАГ в 1940 году, затем освобождены по амнистии в 1941 году и прибыли в Среднюю Азию, где им предстало зеркальное отражение традиционных для них реалий. С другой стороны, там было местное мусульманское и местное еврейское население, которое сильно отличалось от того, с чем они сами ранее встречались в СССР. В статье обрисовываются несколько различных кругов этнической, социальной и культурной принадлежности тех, с кем встретились польские беженцы, – несмотря на то, что все они находились в одном и том же месте и имели те же паспорта (права), что и «коренные» граждане страны.

В четвертой статье беженцы помещены в конкретные и очерченные географические рамки. Эмма Шкурко из Уфы представляет кейс-стади реалий выживания в Башкирии военного времени. В ее статье прослеживается четкое различие между эвакуированными, которые прибыли организованным образом, и «толпой» беженцев. Первые привнесли в отдаленную Уфу прилив культурной жизни, просвещения и экономического роста, в то время как вторые столкнулись с массой проблем, бедствовали и не могли ни укорениться на месте, ни как-либо помочь развитию города.

В пятой статье украинских исследователей Ольги Радченко и Виктора Белоуса представлен кейс-стади микроистории одной семьи, которая была разделена между территориями, находившимися под контролем СССР и нацистской Германии. Отчаянные усилия супругов добиться воссоединения на советской стороне границы, отраженные в судебном-следственном деле местного НКВД, представляют собой конкретный пример трагической ситуации, в которой оказались евреи, и пример еще одной разработанной ими стратегии выживания. В этой статье в очередной раз представлены труднейшие решения, которые приходилось принимать многим евреям: возвращаться назад из Советского Союза, воссоединиться с семьей и попытаться эмигрировать куда-то уже с немецкой стороны границы, или остаться в СССР, исключив любую возможность покинуть эту страну. Те, кого приговаривали к отправке в Сибирь, выглядели обреченными в глазах

остававшихся. Если бы только они знали тогда, что через короткое время колесо фортуны снова обернется, и что на этот раз они сами окажутся на менее благоприятной его стороне.

Часть вторая. Документы

В данном разделе содержится 24 документа, которые были собраны мною во время нескольких рабочих экспедиций в Среднюю Азию, когда я исследовал тему еврейских беженцев и эвакуированного населения в период Второй мировой войны. Представленные здесь документы являются смелой попыткой кратко документально отобразить те реалии, в которых существовали и выживали многие сотни тысяч беженцев и эвакуированных.

С архивными материалами советских времен есть множество проблем. Большинство из них связано с административной культурой, которая четко выработалась в ходе репрессий 30-х гг., где каждый документ мог послужить вещественным доказательством не только против адресата, но и против составителя. Поэтому очень о многом в них не говорится, и огласку большинства проблем и реалий можно найти только в сводках под грифом «совершенно секретно», из которых пока еще далеко не все рассекречены в России. Именно поэтому большинство собранных мною материалов было найдено в архивах Республики Казахстан и Республики Кыргызстан.

Документы в этой подборке собраны в хронологическом порядке. Подробные комментарии, следующие за каждым документом, ставят своей задачей описать контекст и пояснить наиболее важные моменты, связанные с ним. На мой взгляд, данная подборка не совершенна, и в ней все еще много белых пятен, которые до сих пор не позволяют сформировать полноценное представление об эвакуации. Несмотря на это, в сочетании с научными статьями, и разделом свидетельств, эта подборка служит важным дополнением к ним. Она позволяет представить некое видение картины «сверху», с разных уровней власти. Видение, которое чаще всего не присутствует в частных свидетельствах или воспоминаниях очевидцев.

Часть третья. Воспоминания

Эту часть сборника открывает статья Александра Бермана, в течение многих лет возглавляющего ассоциацию Хазит ха-кавод и Союз ученых-репатриантов Израиля, которые, начиная с 2009 года, вносят существенный вклад в сбор и публикацию воспоминаний еврейских беженцев, переживших Катастрофу. Комментарии и краткие резюме д-ра Бермана касаются воспоминаний, опубликованных в рамках этого многолетнего проекта, и указывают на основные темы, отображенные и в последнем разделе данной книги.

Раздел состоит из 12 очень разных свидетельств. Все они были записаны в Израиле и представляют широкий спектр опыта эвакуации. Спасшиеся от нацистов беженцы прибыли в эвакуацию из разных мест, с разными жизненными историями. Их рассказы о пережитом очень отличаются друг от друга, но все они представляют собой примеры нарратива выживания. Авторы воспоминаний выжили и смогли рассказать свою историю. К сожалению, мы никогда не услышим историю тех многих сотен тысяч, которые не пережили войну в эвакуации. В этом смысле книга во многом является попыткой внести вклад в увековечение их памяти.

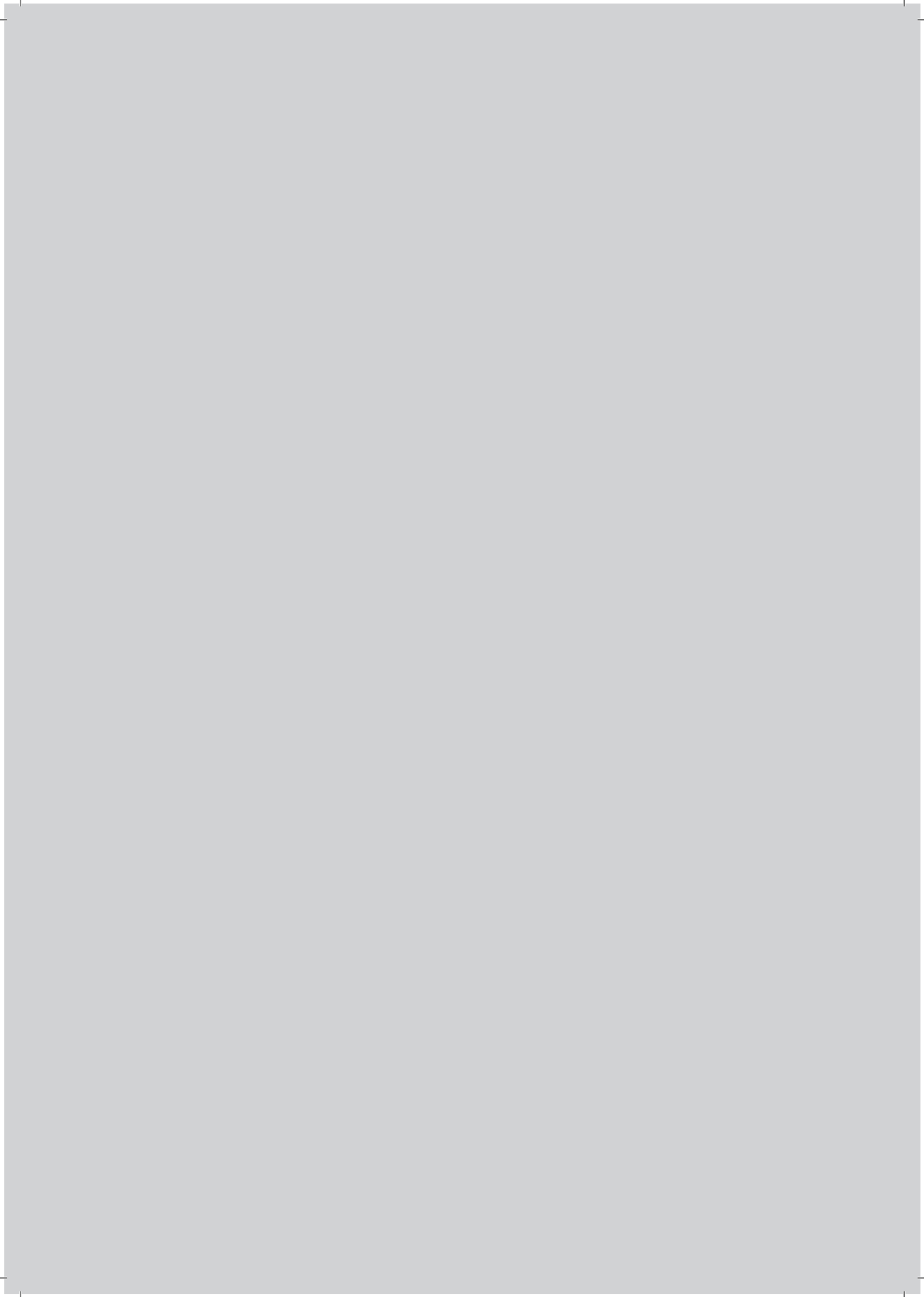
* * *

Публикация настоящего сборника стала возможна благодаря помощи и финансовой поддержке многих участников. Как редактор сборника хотел бы выразить благодарность: фонду «Клеймс Конференс», Программе по увековечению памяти Катастрофы Министерства социального равенства Израиля и фонду Helping Hand Coalition за финансовую поддержку; авторам статей за предоставленные для публикации материалы; Григорию Нисенбойму за подготовленные им и предоставленные нам воспоминания беженцев, Александру Берману за помощь в организации этого выпуска, и Хаиму Долгопольскому, без участия которого на всех этапах создания сборника вряд ли удалось бы реализовать этот замысел.

Зеэв Левин,
Иерусалим, июнь 2020

Ч А С Т Ь 1

СТАТЬИ

Еврейское население СССР накануне нацистского вторжения: депортации и начало эвакуации

Зеев Левин

Исторический обзор

Для того, чтобы понять положение советских евреев – и превалявшее к ним отношение накануне войны, – необходимо обрисовать изменения, произошедшие в СССР в предвоенное время.

Прежде всего, следует отметить, что еврейское население Советского Союза считалось и рассматривалось как одна из национальностей, и, следовательно, подход к нему основывался на существовавшей тогда национальной политике СССР.

Советский Союз был многонациональным государством, и уже сразу после Октябрьской революции здесь стала проводиться политика продвижения прав различных национальностей и национальных меньшинств. В этих рамках, среди прочего, в 1928 году для еврейского населения Советского Союза была организована национальная автономная область – Биробиджан. Выделение этой территории было предназначено для того, чтобы «нормализовать» евреев в качестве национальной группы на определенной территории. Что касается традиционной еврейской культуры и религии, то им надлежало либо адаптироваться, чтобы принять форму, более совместимую с советской догмой, либо исчезнуть.¹

¹ Zvi Gitelman, *Jewish Nationality and Soviet Politics* (Princeton University Press, 1972) 233–512; Jonathan Dekel-Chen, *Farming the Red Land* (Yale University Press, 2005).

В первые двадцать лет после Октябрьской революции 1917 года в жизни еврейского населения СССР произошли кардинальные изменения. Советскому режиму удалось подорвать традиционные структуры еврейской общины. Молодое поколение под влиянием коммунистической идеологии начало отходить от религии и национального языка идиш. Русский язык постепенно стал превалировать, так как он был жизненно важен для получения высшего образования и ассимиляции в советском обществе. Традиционный *штетл* (местечко) пришел в упадок, поскольку еврейское население стекалось в городские центры, к большому неудовольствию советских властей, которые, наоборот, стремились сконцентрировать евреев в определенных местах – сначала в Крыму, а затем в Биробиджане на Дальнем Востоке.²

Накануне Второй мировой войны еврейское население СССР насчитывало более трех миллионов человек, что составляло 1,8% от общей численности населения. Согласно переписи 1939 года, две трети еврейского населения все еще проживали в традиционной «черте еврейской оседлости» в западных районах СССР. В то же время более половины еврейского населения Российской Федерации проживали в Москве (250 000) и Ленинграде (201 000). Утверждалось, что фактическое число евреев в СССР было намного выше, и что показатель сознательно занижался как советскими властями, так и частью еврейского населения, которое пыталось ассимилироваться и при опросах записывать себя в качестве представителей местной национальности.³

.....

2 В отношении статистических изменений, произошедших между переписями 1926 и 1939 гг. см.: Mordechai Altshuler, *Soviet Jewry on the Eve of the Holocaust* (Jerusalem, 1998). Касательно увеличения еврейского населения в крупных городах см.: Михаил Бейзер, *Евреи Ленинграда, 1917–1939: Национальная жизнь и советизация* (М. – Иерусалим, 1999). Об упадке штетла и религиозного образования см.: Arkady Zeltser, “The Belorussian Shtetl in the 1920s and the 1930s” in Zvi Gitelman and Yaacov Ro'i, eds., *Revolution, Repression, and Revival the Soviet Jewish Experience* (Rowman, 2007) 91–106; David Fishman, “Judaism in the USSR, 1917–1930: The Fate of Religious Education” in Zvi Gitelman and Yaacov Ro'i, eds., *Revolution, Repression, and Revival the Soviet Jewish Experience* (Rowman, 2007) 251–260.

3 Yaakov Lishchanski, *ha-yehudim be-rusia ha-sovietit* (Tel-Aviv, 1943) 57. Имели место неверные подсчеты среди грузинских, бухарских и горских евреев, см.: Altshuler, *Eve of the Holocaust*, 6. О нарушениях при переписях в СССР см.: Alain Blum, *L'anarchie bureaucratique* (Paris, 2003) 171–183; Евгений Машихин, *Статистические публикации в СССР* (М., 1975) 15.

Таблица 1: Распределение еврейского населения в СССР в 1939 г.⁴

Регионы / союзные республики	Всесоюзная перепись населения, 1939 г.	% от всего населения республики
РСФСР	956 599	2,3%
Украинская ССР	1 532 776	5%
Белорусская ССР	375 092	6,7%
Кавказ (Грузия, Армения, Азербайджан)	84 057	--
Средняя Азия (Казахстан, Узбекистан, Киргизстан, Туркменистан, Таджикистан)	80 014	--
Всего	3 028 538	1,8%

Во второй половине 30-х годов советская национальная политика пережила кардинальные изменения. Многие кадры по всему Советскому Союзу были обвинены в местном националистическом шовинизме, а впоследствии и репрессированы. Последовали аресты руководителей на местах и деятелей культуры. Многие из них были ранее назначены, обучены и продвинуты на основе коммунистической идеологии, а теперь смещены со своих постов. Растущая сталинская ксенофобия была направлена против всех экстерриториальных национальных групп – представителей иностранных национальностей. Чистки теперь проводились не только по принципу экономического и социального происхождения, как это было прежде, но и по принципу национальной принадлежности.

В период между 1934 и 1939 гг. происходило масштабное сокращение еврейских культурных заведений, еврейских школ и прессы на идиш. В 1938 году были ликвидированы многие еврейские периодические издания. Еврейская религия, как и все другие религии, и ее ведущие деятели преследовались уже с начала 1920-х

.....
 4 Altshuler, *Soviet Jewry on the Eve of the Holocaust*, 2.

годов и подвергались постоянным гонениям. Та незначительная еврейская пресса, которая все еще функционировала, использовалась для распространения антирелигиозной пропаганды. Доступность таких религиозных атрибутов, как свитки Торы, молитвенники и филактерии, была сильно ограничена. Советская власть использовала массу предлогов для диффамации религиозных деятелей и институций. Так, в 1938 г. некоторые сотрудники Московской синагоги были обвинены в том, что они были иностранными агентами и немецкими шпионами.⁵

Во время чисток 1936–1938 годов многие писатели, редакторы и общественно активные деятели либо исчезли, либо были вынуждены прекратить свою деятельность. Публичные судебные процессы над «врагами народа» сопровождались атмосферой растущего антисемитизма. В то же время антисемитизм в Советском Союзе был уголовно наказуемым, и власти время от времени использовали эту статью как повод для чисток среди чиновников низшего звена. Постепенно негласный антисемитизм стал распространяться по всему Советскому Союзу, становясь весьма общепринятым явлением.⁶

Улучшение отношений между Советским Союзом и нацистской Германией весной и летом 1939 года привело к отстранению еврея Максима Литвинова от должности наркома иностранных дел.⁷

.....

5 Shimon Redlich, *The Jews under Soviet rule during World War II* (New York, 1968), 4.

6 Об антисемитизме в довоенном СССР см.: Геннадий Костырченко, *Государственный антисемитизм в СССР 1938–1953* (Москва, 2005) 14–26; Соломон Шварц, *Антисемитизм в Советском Союзе* (Нью-Йорк, 1952).

7 Следует отметить, что жена Молотова, Полина Жемчужина (единственная в советской истории женщина-нарком) была еврейкой. В то же время другой еврей, Соломон Абрамович Лозовский (который в дальнейшем станет одним из основателей Еврейского антифашистского комитета) был назначен заместителем Молотова в наркомате иностранных дел, см. Solomon M. Schwarz, *The Jews in the Soviet Union* (Syracuse University Press, 1951) 15–26.

Предвоенная практика этнических депортаций в СССР

В советской истории 1930-х годов было немало случаев этнических чисток и депортаций по этническому признаку. Советский Союз не был национальным государством, и его руководство никогда не стремилось превратить его в таковое. В рамках СССР не было предпринято никаких попыток создать новую советскую национальность или насильственно ассимилировать нерусское население. В начале советского периода даже добровольная ассимиляция встречала активное противодействие властей. Советский режим выделял значительные ресурсы на развитие национального самосознания нерусского населения страны. Каждому народу в СССР, сколь бы малым он ни был, выделялась своя территория, строились национальные школы и нанималась местная управляющая бюрократия. Для десятков бесписьменных народов была создана собственная национальная письменность.⁸

Казалось бы, подобная приверженность к развитию этнического разнообразия делала Советский Союз крайне маловероятным местом для проведения этнических чисток; однако одновременно с этой проводимой властями политикой, у власти появилась и ксенофобия из-за возможных трансграничных связей и влияний.⁹ Политика начала меняться в середине 1930-х годов, что привело к чисткам, направленным против местных национальных активистов.

В 1930-х годах была создана «пограничная зона» – полоса глубиной в десятки километров вдоль всей советской границы. На этой территории вводился особый контроль над гражданским населением.

Тлетворная, якобы, роль трансграничного этнического влияния была важнейшей темой советской пропаганды во время террора 1933 года на Украине, когда десятки тысяч предполагаемых украинских националистов были арестованы по обвинению в сговоре

.....

8 См: Yuri Slezkine, “The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism”, *Slavic Review* 53 (Summer 1994) 414–52.

9 Более подробно вопросы советской национальной политики и ее последствий рассмотрены в книге Терри Мартина: *Terry Martin, An Affirmative Action Empire: Ethnicity and the Soviet State, 1923–1938* (Chicago, 1996).

с новым нацистским руководством Германии с целью отделения Украины от Советского Союза. Тогда же впервые начались репрессии в отношении этнических немцев и поляков (как граждан СССР, так и обладателей иностранного гражданства).¹⁰

В 1935 году более 40 000 человек были депортированы из приграничных районов Киевской и Винницкой областей на восток Украины. Почти 60% депортированных были немцами или поляками. Эта ограниченная поначалу акция против «неблагонадежных» элементов была расширена в 1935 году, когда власти стали заявлять о наличии связи между ними и контрреволюционными и антисоветскими элементами, в результате чего сотни польских семей были депортированы из Киевской области. В 1936 г. 15 000 немецких и польских семей были депортированы еще дальше – в Казахстан.¹¹

Впрочем, не все немцы и поляки были объявлены контрреволюционерами и депортированы. Депортации 1935–1936 годов коснулись примерно половины немецкого и польского населения приграничных регионов Украины. За пределами приграничных районов никто депортирован не был, однако остававшиеся на Украине немцы и поляки столкнулись с нарастающим противодействием властей в отношении их национальных институтов.¹²

Этнические чистки в Ленинградской области с точностью воспроизводили политику, применявшуюся на Украине. Крупная депортация в марте 1935 года была направлена против относительно немногочисленного эстонского и латвийского и более многочисленного финского населения приграничной Ленинградской области. От 7 000 до 9 000 финнов были депортированы в Сибирь и Среднюю Азию. Как и на Украине, эта первая волна депортаций была направлена в первую очередь против независимых крестьян, лишенцев (лиц, лишенных избирательных прав)

10 Л. В. Яковлева, Б. В. Чирко, С. П. Пишко (составители), *Німці в Україні, 20–30-ті рр. XX ст.: Збірник документів державних архівів України* (Київ, 1994) 179–185.

11 Terry Martin, “The Empire’s New Frontiers: New Russia’s Path from Frontier to Oкраина, 1774–1920”, *Russian History* 19 (1992) 181–201; Terry Martin, “Origins of Soviet Ethnic Cleansing”, *The Journal of Modern History*, Vol. 70, No. 4 (Dec., 1998) 830–831.

12 Martin, “Ethnic Cleansing”, 849.

и других заклеимённых властью групп населения. После этого, весной 1936 года – во многом подобно тому, как это происходило на Украине, – последовала гораздо более масштабная депортация примерно 20 000 финских крестьян в Сибирь.¹³

В 1937 году было подготовлено предложение о депортации корейцев. Это предложение было похоже на депортацию 1935 года в Украине и Ленинградской области в том, что оно ограничивалось двенадцатью пограничными районами, но отличалось тем, что предназначалось только для корейцев, и все поголовно корейцы должны были быть депортированы. К концу года были депортированы в Казахстан и Узбекистан 171 781 человек. Первая тотальная этническая чистка всех представителей одной национальности, включая коммунистов, была завершена.¹⁴

К 1938 году НКВД арестовывал представителей национальных диаспор исключительно на основе их национальной принадлежности. НКВД называл эти действия «национальными операциями», чтобы отличить их от других «массовых операций», начатых НКВД, направленных против бывших кулаков, преступников и других антисоветских элементов.

31 января 1938 года указом Политбюро была начата операция по ликвидации предполагаемых шпионских и диверсионных контингентов, состоящих из поляков, латышей, немцев, эстонцев, финнов, греков, иранцев, харбинцев, китайцев и румын, – без каких-либо исключений для советских граждан. Этот указ также разрешил новую операцию, направленную против болгар и македонцев.¹⁵

.....
13 *Ibid.*, 850; Martin, *Affirmative Action*, 757–59; Michael Gelb, “The Western Finnic Minorities and the Origins of the Stalinist Nationalities Deportations”, *Nationalities Papers* 24 (June 1996) 242–44; Николай Ф. Бугай, *Иосиф Сталин – Лаврентий Берия: «Их надо депортировать»: Документы, факты, комментарии* (М., 1992) 20.

14 *Белая книга о депортации корейского населения России в 30–40-х годах*. Книга первая (М., 1992) 64–67, 85–86, 88, 109–110. Николай Ф. Бугай, «Корейский вопрос на Дальнем Востоке и депортация 1937 года», *Проблемы Дальнего Востока*, №4 (1992) 158.

15 Ю. Шаповал, В. Пристайко, В. Золотарьов (сост.), *ЧК-ГПУ-НКВД в Україні: особи, факти, документи* (Київ, 1997) 347–377; Н.В. Петров, А.Б. Рогинский, «Польская операция НКВД 1937–1938 гг.» // *Репрессии против поляков и польских граждан* (Москва, 1997) 27; Martin, “Ethnic Cleansing”, 854.

НКВД использовал в своих кампаниях такие эвфемизмы, как «немецкая операция» и «латышская операция», где людей арестовывали по «польской линии» или «финской линии» предполагаемого националистического террора. НКВД рассматривал трансграничные этнические связи как единственный ярко выраженный аспект идентичности этих людей, который служил «доказательством» их нелояльности по отношению к Советскому Союзу и достаточным оправданием их ареста и казни.

Такие операции составляли значительную часть Большого террора – около одной пятой от общего числа арестов и одну треть от общего числа казней (а арест в рамках национальных операций означал более высокую вероятность смертного приговора для арестованного).¹⁶

После того, как советскому руководству стало ясно, что трансграничные этнические связи не могут быть использованы для подрыва соседних стран – и что, на самом деле, такие контакты потенциально могли приводить к обратному результату, – они приступили к кампании этнической чистки советских окраин и, в конечном счете, к этническому террору по всему Советскому Союзу.¹⁷

Проводимые советскими властями этнические чистки не сопровождались открытым умышленным истреблением людей; однако депортация по этническому признаку всегда предполагала множество арестов, которые приводили к тюремному заключению в лагерях с высокой смертностью. Депортации проводились чрезвычайно стремительно, что повлекло за собой высокую смертность от незащищенности, голода и болезней как во время, так и после депортации, в основном в результате помещения депортированных в подобные тюрьме «специальные поселения».¹⁸

.....

16 Martin, “Ethnic Cleansing”, 855.

17 В подтверждение того, что эти операции считались «чисткой» приграничных регионов, см.: Н.Ф. Бугай, Л. Берия И. Сталину: «Согласно вашему указанию» (М., 1995) 149–50 < 163–85; Martin, *Affirmative Action Empire*, 962–7 1; «Корейцы», *Так это было*, т. 1 (Москва, 1993) 253; Martin, «Ethnic Cleansing», 861; Gelb, «The Western Finnic», 237–68; Michael Gleb, «An Early Soviet Ethnic Deportation: The Far-Eastern Koreans», *Russian Review* 54 (July, 1995) 389–412.

18 Свидетельства очевидцев о депортациях см. в сборнике: Светлана Алиева (ред.), *Так это было. Национальные репрессии в СССР, 1919–1952 годы*, 3 тома (Москва, 1993).

Представители национальных диаспор, депортированные в период между 1935 и 1938 годами, составляли непропорционально высокий процент арестованных и погибших в массовых расстрелах во время Большого террора 1937–38 годов – столь высокий, что это практически граничило с геноцидом. Депортация была проведена с необычайной стремительностью и эффективностью огромными силами хорошо обученных сотрудников органов госбезопасности в тесном сотрудничестве с чиновниками в сфере транспорта, жилья, снабжения продовольствием и других бюрократических аппаратов.

Краткий обзор депортаций, которые происходили в Советском Союзе на рубеже 30-х годов, подчёркивает два очень важных момента. Первый – это то, что к концу 30-х годов органы власти были уже хорошо подготовлены и имели достаточную практику, связанную с масштабным (иногда поголовным) переселением людей по принципу национального происхождения. Второе: несмотря на то, что этнические репрессии 30-х гг. не коснулись напрямую советских евреев, на основе исходных критериев, таких как наличие достаточно большого еврейского контингента в пограничных районах и связи этих евреев с границей, а также ввиду роста популярности бытового антисемитизма в стране, – можно было бы предположить, что поголовная депортация евреев, как минимум из приграничной зоны, была лишь вопросом времени. Такое положение дел в немалой степени объясняет тенденции отхода от религии и от еврейского языка, и ускорения ассимиляции и русификации (особенно в городской еврейской среде) в конце 1930-х гг., с одной стороны, и одновременно с этим – тенденции, направленные на создание особой «еврейско-советской» культуры и идентичности, в которой различались причастные к ней и «чужие».¹⁹

Пакт Молотова – Риббентропа: аннексия территорий и населения

23 августа 1939 года Советский Союз и нацистская Германия подписали пакт о ненападении и заявили о нейтралитете в случае,

.....

19 Anna Shterenshis, *Soviet and Kosher: Jewish Popular Culture in the Soviet Union, 1923–1939* (Indiana University Press, 2006).

если другая сторона подвергнется нападению третьей стороны. Пакт был назван именами министров иностранных дел обоих государств, Иохима фон Риббентропа (Германии) и Вячеслава Молотова (СССР) и действовал до 22 июня 1941 года, когда Германия расторгла соглашение, напав на Советский Союз. На основе секретного приложения к этому пакту СССР аннексировал большие территории вдоль своей западной границы, где проживало значительное еврейское население и которые включали Восточную Польшу, страны Балтии (Литва, Латвия и Эстония) и Восточную Румынию (Бессарабия и Северная Буковина).²⁰ Советская сторона приступила к осуществлению своей части соглашения 17 сентября 1939 года, когда советские войска начали оккупацию и аннексию Восточной Польши. После проведения выборов на аннексированных территориях СССР объявил их советской территорией указом 1 и 2 ноября, а их жители становились советскими гражданами.

Осенью 1939 года между СССР и каждым из трех прибалтийских государств были подписаны пакты о взаимопомощи и ненападении. Эти договоры предусматривали расположение советских вооруженных сил в Прибалтике. Статус стран Балтии был окончательно решен летом 1940 года, когда они были официально аннексированы и включены в состав Советского Союза в качестве советских республик.

В период с октября 1939 года по июнь 1940 года Литва, Латвия и Эстония обрели необычный статус по сравнению с восточно-польскими территориями. Несмотря на присутствие советских войск в Прибалтике, сами государства оставались полунезависимыми. В течение этого периода они продолжали даже поддерживать дипломатические связи с другими европейскими странами.

Вполне естественно, что беженцы с бывшей польской территории, стремясь спастись как от нацистского, так и от советского режимов, пытались попасть в эти страны. Процент евреев среди

.....

20 О тексте пакта и прилагающихся к нему секретных протоколах см: Raymond James Sontag and James Stuart Beddie, eds., *Nazi-Soviet Relations: Documents from the German Foreign Office* (Washington: Department of State, 1948).

вновь прибывших беженцев в эти страны был значительным, конечной целью большинства из них была эмиграция из Европы вообще, и в этом случае страны Балтии служили лишь транзитными пунктами.

В начале июля 1940 года Советский Союз аннексировал Бессарабию и Северную Буковину. Часть территорий была включена в состав УССР, а остальные образовали новую Молдавскую Советскую Республику.

Численность довоенного еврейского населения районов, ставших западными частями Советского Союза, с трудом поддается оценке. Трудность связана главным образом с колебаниями населения в этом районе, особенно – еврейского населения. Данные становятся еще более неясными в период с сентября 1939 года, когда большое количество еврейских беженцев переместилось на восток с оккупированных немцами территорий.

Накануне нападения Германии на Советский Союз более двух миллионов евреев были сосредоточены на *недавно* аннексированных территориях. Как упоминалось выше, согласно официальной советской переписи 1939 года, в то время в Советском Союзе проживали 3 028 000 евреев. После аннексии общее еврейское население почти удвоилось и достигло более пяти миллионов – самое большое число евреев, когда-либо живших при советской власти.²¹

Разделение новообретенных территорий между нацистской Германией и СССР породило еще одну проблему – проблему беженцев. Многие тысячи евреев пересекли реку Сан, чтобы уйти с оккупированной немцами территории, но было и немало бывших польских граждан – даже, что удивительно, евреев – которые в то же время бежали от Советов на немецкую территорию.²²

.....

21 Mordechai Altshuler, *Soviet Jewry on the Eve of the Holocaust* (Jerusalem, 1998) 2.

22 Были среди евреев те, кто хотел вернуться и воссоединиться со своими семьями, и те, кто не мог найти способов обеспечить себя при советской власти и отказывался от советского гражданства, см.: Yosef Litvak, *plitim yehudiim mi-polin bi-vrit ha-mo'atsot 1939–1946* (Tel-Aviv, 1988).

Таблица 2: Численность еврейского населения на аннексированных территориях в 1941 г.²³

Аннексированные территории	Еврейское население
Восточная Польша	1 270 000
Литва (включая Вильнюс)	250 000
Латвия	95 000
Эстония	5 000
Румыния	278 000
Беженцы с территорий, оказавшихся под контролем Германии	330 000
Итого	2 228 000

Паспортизация аннексированного населения

Советская политика в отношении беженцев поначалу не была четко установлена; она постепенно разрабатывалась и формировалась, но завершен этот процесс был не ранее октября 1939 г. До этого советские пограничники относились к беженцам по-разному. С 17 сентября по 15 октября 1939 года можно было перейти новую советско-германскую границу без особых трудностей. После середины октября отношение к несанкционированному пересечению границы и особенно к беженцам стало открыто враждебным.

Тем не менее, нелегальный переход границы продолжался. «Незаконное пересечение границы» было одним из самых распространенных обвинений в отношении тех, кто впоследствии будет депортирован. С сентября 1939 года по май 1941 года 107 000 человек были задержаны на границе западных аннексированных территорий советскими органами внутренней безопасности. Из них 43 464 (41%) были предъявлены обвинения на основании пункта 10.84 статьи 59 Уголовного закона СССР – «незаконное

.....
 23 *Jewish Affairs*, vol. 1, No. 1 (Aug 1941) 6, 37; S.M. Schwarz, *The Jews in the Soviet Union*, (Syracuse University Press, 1951) 20; Redlich, *Jews under Soviet*, 17–18.

пересечение границы». Еще 18 924 человек (18%) осуждены на основании пунктов 2 и 4 статьи 58 – «членство в контрреволюционных организациях». Термин «контрреволюционный» относился даже к пассивному членству в польской политической партии или общественной организации. Многие евреи были задержаны вследствие их членства в таких партиях, как Бунд, или в различных сионистских организациях – все из которых были запрещены в Советском Союзе уже с начала 20-х годов.²⁴

Беженцам, которым удалось въехать в Советский Союз, было рекомендовано получить советское гражданство, но их никто не обязывал это делать. Здесь стоит подчеркнуть, что в указанное время ни одна страна мира не была готова принять еврейских беженцев от нацизма и предоставить им гражданство.

С февраля 1940 года, когда началась кампания по паспортизации, политика властей по отношению к местным жителям стала отличаться от политики в отношении беженцев. Во многих свидетельствах говорится, что, хотя местные жители аннексированных территорий были обязаны получить советское гражданство, беженцам была предоставлена возможность выбора по этому вопросу. Те из беженцев, кто принимал советское гражданство, получали паспорта, содержащие ограничение (пункт 11), согласно которому им запрещалось проживать в больших городах или в непосредственной близости от границы. Те же, кто отказывался получать советское гражданство, наталкивались на трудности с устройством на работу и съемом жилья.²⁵

В первые несколько месяцев после аннексии, со стороны властей не было видимой дискриминации между коренным населением и беженцами. Однако в феврале–марте 1940 г. ситуация изменилась с началом кампании по паспортизации населения. Советские власти предпочитали, чтобы статус беженцев был быстро

.....

24 О незаконном пересечении границы см.: Shlomo Kless, *gvulot mahteret u-vriha* (Moreshet, 1989) 20–32; о размахе преследований см. О.А. Горланов, А.Б. Рогинский, «Об арестах в западных областях Белоруссии и Украины в 1939–1941 гг. “ // *Репрессии против поляков и польских граждан* (М., 1997) табл. 9–12; о преследованиях за сионистскую деятельность см. Бегин, *В белые ночи* (М. – Иерусалим, 1991).

25 Redlich, *Jews under Soviet Rule*, 47.

и полностью изменен, намереваясь предоставить всем советское гражданство. Ожидалось, что все беженцы послушно исполнят предписание. Отказ от принятия советского гражданства рассматривался властями как акт нелояльности (или, по крайней мере, двойной лояльности), а в потенциале – и измены. Опасения основывались на том, что у большинства беженцев остались семьи в оккупированной нацистами Польше. Против еврейских беженцев часто выдвигались еще и дополнительные обвинения, поскольку у многих из них были родственные связи с людьми, жившими в Англии, США и Палестине, странах, которые советский режим рассматривал как враждебные.

Из-за притока беженцев и реформирования административной и хозяйственной жизни в результате перехода этих земель под контроль Советского Союза, на аннексированных территориях отмечался высокий уровень безработицы. Советские власти пытались решить эту проблему путем переселения этих людей за пределы аннексированных территорий.

Сначала эта инициатива была добровольной. Зимой 1940 года правительство развернуло широкую пропагандистскую кампанию. В Западной Украине и в Западной Белоруссии были открыты специальные бюро по трудоустройству. На улицах появились плакаты с призывами о добровольном переезде – в основном в шахтерский район Донбасса – и обещаниями материального вознаграждения. Большинство из тех, кто записался на такую работу, были беженцами с оккупированной нацистами территории, потому что именно они и столкнулись с наибольшими бытовыми и жилищными трудностями – многие были без крова над головой и голодали.²⁶

Советские власти предпринимали попытки убедить евреев из аннексированных территорий и еврейских беженцев принять советское гражданство и поселиться в Биробиджане. Эта политика, начавшаяся еще 1928 году, не принесла властям желаемых результатов. Советские власти надеялись, что огромное еврейское

.....
26 D. Grodner, "In Soviet Poland and Lithuania", *Contemporary Jewish Record*, Vol. 4, (April 1941) 141–142.

население аннексированных территорий составит основную миграционную волну в Еврейскую автономную область, но это не осуществилось. Новые планы в этом направлении были начаты в 1940 году. Еще в октябре 1939 года киевское радио призвало евреев Галиции эмигрировать в Еврейскую автономную область. Специальные конторы для регистрации будущих биробиджанских поселенцев были открыты в Бессарабии и Северной Буковине осенью 1940 года. Также было объявлено, что аналогичные отделения будут открыты в Литве, Латвии и Эстонии. О числе тех, кто фактически поселился в Биробиджане, точных данных нет, но, по оценкам, общее число переселенцев не превысило нескольких сот человек.²⁷

Советская политика «паспортизации» завела многих беженцев в тупик, в котором они оказались между молотом и наковальней. Принятие советского гражданства означало полное прекращение, навсегда, каких-либо связей с со своими близкими, остававшимися по ту сторону границы, со своими религиозными общинами, со всем остальным миром и, самое важное, с их собственным мировоззрением и идеологией. Спасаясь от нацистов, они обнаружили, что условия жизни в Советском Союзе были не лучше, а во многих отношениях даже намного хуже. Официально, еврейское население в Советском Союзе не подвергалось расовой дискриминации, но оно было лишено религиозных, социальных и экономических свобод – как, впрочем, и все остальные этнические группы. Кроме того, влияние экономического кризиса и препятствия, мешавшие им обеспечить себе достойное существование при советской системе, легли тяжким бременем на плечи немалого числа беженцев, которые во многих случаях вынуждены были спасаться, оставив практически все нажитое имущество. В результате, определенное число беженцев устремилось назад, на оккупированную нацистами территорию (что в ретроспективе может показаться нелепым, но в то время представлялось совершенно логичным). Одна из перспектив, к которой они стремились, была (теоретическая) возможность иммиграции с

.....
 27 Redlich, *Jews under Soviet Rule*, 52. Yaacov Levavi, *ha-hitiashyut ha-yehudit be-Birobijan* (Jerusalem, 1965) 100. Воспоминания записавшихся на работу во время этих кампаний см.: Sekules, *Surviving the Nazis*, 12.

оккупированной немцами территории в другие страны, что становилось бы совершенно невозможным после натурализации в Советском Союзе.

Как уже указывалось, советская ксенофобия была направлена против представителей многих иностранных национальностей из Восточной Европы. Хотя аннексия новых территорий была важным политическим достижением для советской власти, она превратилась в явную головную боль для чиновников НКВД. Как упоминалось ранее, в 1939 году власти НКВД только что завершили серию чисток по национальному признаку, которые должны были «очистить» пограничные районы от якобы ненадежных элементов. С расширением на запад Советский Союз поглотил многомиллионное население, которое в своей массе не испытывало просоветских симпатий. Как и следовало ожидать, вскоре спецслужбы запустили новую серию чисток по национальному и классовому признакам, которая началась почти сразу после аннексии.

Из общего числа арестованных органами внутренней безопасности в аннексированных частях Польши в течение первого квартала (сентябрь–декабрь) 1939 года, евреи составляли почти 11%, в то время как поляки составляли 54%, а белорусы и украинцы – 28%. В 1940 году, в результате кампании по ссылке беженцев, которые не прошли паспортизацию, процент евреев от общего числа арестованных подскочил до 27%, и был больше, чем процент украинцев и белорусов вместе взятых. В 1941 году (январь–май) они составляли 9% арестованных, в то время как число поляков сократилось до 28%, а число белорусов и украинцев выросло до 53% от общего числа.²⁸ Высокий процент белорусов и украинцев среди задержанных говорит о том, что «классовая борьба» с потенциальными врагами революции была властям важнее желания увеличить процент украинцев и белорусов на территориях, которые были аннексированы и вошли в состав Украины и Белоруссии.

.....
 28 О.А. Горланов, А.Б. Рогинский, «Об арестах в Западных областях Белоруссии и Украины в 1939–1941 гг.» // *Репрессии против поляков и польских граждан* (М., 1997) табл. 7–8.

Таблица 3: Арестованные органами внутренней безопасности на аннексированных территориях Восточной Польши (1939–1941)²⁹

Год	Общее число арестованных	Из них по национальностям:							
		Поляки		Украинцы		Евреи		Белорусы	
		Чел	%	Чел	%	Чел	%	Чел	%
1939	19 382	10 557	54,5	3 033	15,6	2 100	10,8	2 489	12,8
1940	75 448	28 932	38,3	15 599	20,7	20 406	27	4 580	6,0
1941	12 310	3 459	28,1	5 554	45,1	1 084	8,8	1 022	8,3
Всего	107 140	42 948	40	24 186	22,5	23 590	22	8 091	7,5

Некоторые польские историки считают, что еврейское население Восточной Польши приветствовало советские войска в процессе аннексии (что в дальнейшем негативно повлияло на отношение местного населения к евреям). Другие считают, что еврейское население не сильно пострадало от репрессий со стороны советских властей. Однако приведенная выше таблица приводит непропорционально высокий процент заключенных-евреев, указывая на то, что советский режим никоим образом не относился к евреям как к привилегированной группе. Если же смотреть на процентное соотношение евреев к общему населению, то становится очевидно обратное.³⁰

Предвоенные депортации с аннексированных территорий

Если индивидуальные аресты стали проводиться уже сразу после аннексии, то массовые аресты и депортации, требующие значительной подготовки, начались только в феврале 1940 года. Фактически эти кампании начались только после того, как закончилась

.....

²⁹ *Ibid.*

³⁰ Об обвинениях евреев в поддержке советской оккупации см.: Ben Cion Pinchuk, "Facing Hitler and Stalin: On the Subject of Jewish "Collaboration" in Soviet-Occupied Eastern Poland, 1939–1941", in D. Zimmerman, ed., *Contested Memories* (Rutgers University Press, 2003) 60–68. Литвак утверждал, что лишь малая часть евреев пострадала от арестов и приговоров, см. Litvak, *plitim*, p. 134.

кампания паспортизации и завершился процесс обмена населения между Германией и Советским Союзом.

В соответствии с соглашением между правительствами Германии и Советского Союза, в последнем квартале 1939 года были созданы специальные комитеты, позволявшие этническим немцам переезжать на территорию Германии, а этническим украинцам и белорусам – на территорию СССР. По этому соглашению на территорию Германии были репатриированы 128 тысяч немцев, а на советскую сторону – десятки тысяч человек. Соглашение исключало граждан, являвшихся евреями или поляками по национальности, и только те, кто как-то подделал документы, имели шанс на то, что их дела будут рассмотрены совместными комитетами.³¹

Вскоре после того, как закончилась кампания по паспортизации, и на аннексированных территориях прочно обосновались советские административные органы, новая власть в должной мере набралась уверенности, чтобы начать в этих регионах полномасштабные кампании этнической чистки. Как упоминалось ранее, режим уже осуществлял такую практику вдоль приграничных районов с целью очистить их от якобы неloyальных и иностранных элементов. После того, как граница передвинулась на запад, продолжение подобной политики представлялось вполне естественным.

Первая массовая акция была проведена в феврале 1940 года и была нацелена на польских поселенцев – «осадников» и «лесников». В эту категорию вошли семьи бывших польских военнослужащих, которым в межвоенный период польским правительством были предоставлены земельные участки за заслуги на военной службе в Первую мировую войну. Кампания была организована не только для того, чтобы свести старые счеты с давним врагом и наказать население, не верящее советской догме, но и для реорганизации сельскохозяйственного производства на аннексированных территориях – для перехода от индивидуального владения землей в хозяйстве фермерского типа к коллективной

.....

31 О соглашении см.: Litvak, *plitim*, 109–112. – В этом случае фальсифицировать документы становилось затруднительно, поскольку из-за различий в культуре, религии и родном языке польским евреям было относительно сложно выдавать себя за украинцев или белорусов.

собственности в колхозах. В результате кампании более 139 тыс. человек были отправлены в 101 эшелоне на переселение в Сибирь.³²

Вторая массовая депортация была направлена на членов семей задержанных и репрессированных. В результате этой акции в апреле 1940 более 56 тысяч человек были отправлены на переселение в Северный Казахстан.³³

Советские власти пытались решить проблему беженцев, предлагая им гражданство СССР. После того, как оказалось, что многие беженцы отклонили это предложение, которое требовало от них коренного изменения в быту и полного отречения от их прошлой жизни, с марта по май 1940 года советские власти объявили, что любой из беженцев, желающий вернуться домой на подконтрольную Германии территорию, должен зарегистрироваться в отделениях НКВД. В свете вышеизложенных обстоятельств, среди тех, кто хотел вернуться, было немало евреев. Из-за критической ситуации с гуманитарной и экономической точки зрения, в которой оказались много тысяч беженцев на территории Советского Союза, а так же из-за ограничений в национально-культурной и религиозной свободе, многие из них просили вернуться назад, и по крайней мере один железнодорожный эшелон (из Пинска), сформированный приблизительно из 100 еврейских беженцев, вернулся на оккупированную Германией территорию.³⁴

Когда действие этого соглашения закончилось, те, кто отказался от советского гражданства, с точки зрения советской администрации попали под категорию «чуждого элемента», людей, которых ни в коем случае нельзя было оставлять в приграничной зоне. В связи с этим, с июня по июль 1940 года более 75 тысяч человек были депортированы в трудовые лагеря на советском Дальнем Востоке.³⁵

.....
32 А.Е. Гурьянов, «Польские спецпереселенцы в СССР в 1940–1941 гг.» в сб. *Репрессии против поляков и польских граждан* (М., 1997).

33 *Ibid.*

34 Litvak, *plitim*, 112–127.

35 А.Е. Гурьянов, «Польские спецпереселенцы».

Таблица 4: Число депортированных из Западной Украины и из Западной Белоруссии в 1940 г.³⁶

Откуда депортированы	Число депортированных			Всего по регионам
	Осадники	Члены семей репрессированных	Беженцы	
	<i>101 эшелон</i>	<i>52 эшелона</i>	<i>58 эшелонов</i>	
Западная Белоруссия	50 683	27 279	23 764	101 726
Западная Украина	88 385	29 012	51 503	168 900
Всего	139 068	56 291	75 267	270 626

Четвертый и последний этап массовых депортаций завершился чуть менее года после третьей депортации. Эта депортация отличалась от предыдущих по нескольким параметрам. Во-первых, она охватывала значительно более длительный период времени: с 22 мая по 20 июня. И проводилась она на гораздо большей территории, которая теперь включала в себя, помимо западных частей Беларуси и Украины, аннексированные территории прибалтийских республик и только что созданную Молдавскую ССР. Если предыдущие депортации были сосредоточены на конкретной целевой группе (осадники, беженцы и т. д.), то в этот раз депортации подлежал более широкий круг предполагаемых правонарушителей – преступников, проституток, арестованных по политическим мотивам, военнопленных и этнических немцев. Вероятным обоснованием для объединения этих групп в единую операцию по депортации было то, что каждая из таких подверженных депортации групп в недавно аннексированных республиках была сравнительно малочисленной.³⁷

.....

³⁶ *Ibid.* Недостает информации по трем эшелонам.

³⁷ О транспортах из Молдавии см.: Валерий Пасат, *Трудные страницы истории Молдовы: 1940–1950 гг.* (М., 1994) 159–190. А.Е. «Масштабы депортации населения в глубь СССР в мае–июне 1941 гг.» // *Репрессии против поляков и польских граждан* (М., 1997) табл. 3.

Таблица 5: Депортация из Прибалтики, Молдавии, Западной Украины и Западной Белоруссии в 1941 г.³⁸

	Эстония	Латвия	Литва	Молдавия	Зап. Украина	Зап. Белоруссия	Итого
Кол-во эшелонов	7	11	9	29	12	19	87
Число депортир.	10 016	17 501	16 900	30 387	11 093	20 397	106 296

Списки всех, кого предполагалось арестовать и депортировать, готовились заранее. Депортируемые были разделены прежде всего по своему социально-экономическому положению и своей предшествующей политической деятельности. Пример такого документа был найден в Литве на бланках, выпущенных НКВД, под заголовком «Еврейская национальная контрреволюция», в эту категорию были включены члены всех сионистских организаций, члены Бунда, члены Ревизионистской партии и всех других еврейских организаций.³⁹

На основании архивных материалов конвойных войск НКВД Гурьянов предположил, что в период 1940–1941 гг. с аннексированных территорий были депортированы от 309 до 325 тысяч польских граждан. Советские власти в значительной степени подтвердили эти данные до подписания советско-польского соглашения осенью 1941 года. Эта цифра была как минимум в три раза меньше, чем цифры, которые приводились польскими источниками до открытия советских архивов.⁴⁰

.....
38 *Ibid.* Отсутствуют данные о четырех дополнительных эшелонах: двух из Латвии, одного из Молдавии и одного из Западной Белоруссии.

39 Эти списки пока не найдены. Пример такого списка приводится в новой английской версии книги Бегина, *White Nights*, 91, 101.

40 А.Е. Гурьянов, «Польские спецпереселенцы». Оценки, основанные на отчетах польского посольства в СССР, указывают на то, что в СССР были депортированы 1.5 миллиона бывших польских граждан; см.: Litvak, *plitim*, 159–163. Позднейшие ссылки, указывающие на гораздо большее число депортированных см.: В.С.

Что касается доли депортированных евреев, то общепринято, что среди первой депортированной группы – «осадников» – евреев почти не было, что евреи составляли до 22% второй депортированной группы (этот показатель отражает процент задержанных), и что большая часть беженцев из числа депортированных состояла из евреев. Не имея конкретных данных о депортации 1941 года, можно предположить, что евреи составляли примерно 30% депортированных. Исходя из этих цифр представляется, что общее количество евреев, депортированных со всех аннексированных территорий, составило примерно 140–150 тысяч человек, что в два-три раза меньше, чем в предыдущих оценках.⁴¹

Таблица 6: Предположительное число евреев среди депортированных в предвоенный период с аннексированных территорий (1939–1941)

Депортации	Число депортированных
Задержанные НКВД (октябрь – ноябрь 1939)	23 590
Вторая депортация – 22% семей (июль 1940)	12 400
Третья депортация – 100% беженцы (апрель 1940)	75 267
Четвертая депортация – 30% общего числа (май – июнь 1941)	32 000
Всего (предположительно)	143 257

.....

Парасаднова, «Депортация населения из Западной Украины и Западной Белоруссии в 1931–1941 гг.», *Новая и новейшая история* №2 (1989) 26–44.

41 Йосеф Литвак, который написал самое всестороннее исследование на тему еврейско-польских беженцев, привел только польские источники. Относительно общего числа депортированных из Польши см.: Litvak, *plitim*, 159–163. См. также: Itshak Arad, *toldot ha-shoa – brit ha-mo'atsot vеха-shtahim ha-mesupahim*, Vol. 1 (Jerusalem, 2004) 183–185.

Депортации и условия выживания

Депортированные сильно пострадали в пути, в трудовых лагерях и в спецпоселениях. Длительность этапа достигала в некоторых случаях двух месяцев, в течение которых задержанных перевозили в отдаленные лагеря в Сибири и на Дальнем Востоке СССР, причем некоторые из них были расположены за Полярным кругом. Есть множество свидетельств тяжелых условий, в которых происходило этапирование ссыльных. Путь начинался в грузовых железнодорожных вагонах для перевозки скота, продолжался на баржах по рекам или пешком от ближайшей станции до места назначения. Воды и еды постоянно не хватало. Многие свидетельства сообщают о частых случаях смерти во время этапирования. Согласно некоторым неполным официальным отчетам конвойных подразделений НКВД (были найдены данные по 23 из 113 транспортов 1941 года), жертвы составили только 46 человек из 24 820 депортированных, или 0,2%.⁴² Несмотря на то, что отчетность в отношении числа заключенных велась на протяжении всего процесса этапирования, и конвой отвечал лично за каждого заключенного, на этой стадии у нас нет возможности подтвердить или опровергнуть эти данные.

Жизнь в спецпоселениях и трудовых лагерях была сопряжена с постоянными трудностями. Климат для депортированных оказался тяжелейшим испытанием: в Сибири и на Дальнем Востоке температура колебалась от +30 градусов летом до -40 зимой. Все депортации проводились весной и летом – многим понадобилось более двух месяцев, чтобы прибыть в пункт назначения как раз к первому снегу. Во многих случаях депортированные прибыли на пустые участки и были вынуждены в первую очередь сооружать себе для жилья спартанские срубы.

.....

42 О десятках погибших в пути см.: Litvak, *plitim*, 141–143. О «потерях в пути» в отчетах НКВД см.: А.Е. Гурьянов, «Масштабы депортации». Вполне возможно, что конвойные подразделения манипулировали цифрами, и фактическое число погибших могло быть намного выше – *Ibid.* Пирл Минц, написавшая дневник в дороге, указала только на одно случившееся в пути происшествие со смертельным исходом, произошедшее по вине этапированных, см.: Pearl Minz, *Surviving the Holocaust in Siberia, 1940–1945* (D. de Frain, 2010). Оригинал дневника находится в архивах Яд Вашем.

Условия жизни на поселениях и в лагерях походили на те, что были в пути: продукты питания и предметы снабжения доставлялись с большим трудом, а недоедание царило повсеместно. Депортированные, которые прибывали с товарами или ценными товарами, могли обменять их на продукты питания у охранников и местных жителей (реже – у бывших заключенных). Те немногие, у кого был опыт рыбной ловли или охоты, старались использовать эти навыки насколько возможно. Тем, кто такими навыками не обладал, в короткий летний сезон рубежи тайги обеспечивали ограниченные запасы ягод и грибов.

Голод и суровые морозы уносили жизни многих депортированных, и наибольшему риску подвергались дети и пожилые люди, которые не могли работать, а значит – обеспечить свой продуктовый паек, и почти полностью зависели от работающих членов семьи. Согласно документам НКВД, с февраля 1940 г. по июль 1941 г. (в течение 16 месяцев с начала депортации) погибли 10 864 человека из категории «осадники» (7,7%), 1855 из депортированных беженцев умерли (2,4%). Уровень смертности среди «осадников» был как минимум в 4 раза выше, чем среди населения в целом (в том же географическом регионе) и почти в два раза выше, чем среди депортированных беженцев. Это объясняется тем, что заключенные осадники в основном были мужчины, которых изначально перебрасывали на самые трудные участки, в то время как контингент беженцев состоял в основном из семей.⁴³

Перл Минц, написавшая дневник, будучи заключенной в трудовой колонии, упомянула лишь несколько смертельных случаев, что соответствовало общей статистике отчетов НКВД, но резко противоречило оценкам и другим устным показаниям, которые приводили доводы в пользу гораздо более высоких цифр. Это несоответствие могло быть объяснено тем, что в разных местах могли быть разные условия, конкретные проблемы с обеспечением продовольствием и различия в адаптации к экстремальным погодным условиям в том или ином месте.⁴⁴

.....

43 А.Е. Гурьянов, «Польские спецпереселенцы».

44 Minz, *Surviving the Holocaust*. Ср. с оценкой в 30% жертв (за 5 лет) в: Litvak, *plitim*, 359.

Нельзя сказать, что руководящие органы НКВД не были озабочены проблемой человеческих потерь и резко критиковали власти на местах за то, что они не снабжали продовольствием, кровом и надлежащей одеждой депортированных, попавших под их юрисдикцию. В своих отчетах НКВД обвинял министерство лесного хозяйства (Наркомлес) в том, что оно пренебрегало своей задачей по обеспечению повседневных нужд депортированных лиц, и министерство здравоохранения (Наркомздрав) в отношении неадекватных санитарных условий и санитарно-эпидемиологического надзора.⁴⁵

На местах депортированные были вынуждены выполнять незнакомую и трудную физическую работу в лесах и шахтах; в результате многие получали увечья, другие становились инвалидами. Лишь немногие обладали ценными навыками, чем облегчали себе бремя. Те, кто выживали, часто страдали от истощения.⁴⁶

Начало войны, начало «эвакуации» и разные исходные позиции

Накануне вторжения Германии в Советский Союз на его территории проживали около пяти миллионов евреев. Это была отнюдь не однородная группа, состояла она из людей, очень отличавшихся друг от друга, однако поскольку они были советскими гражданами, власть обеспечивала их и видела в них одно целое – советских граждан.

Еврейская масса была чем угодно, только не однородной толпой. Они попали в Советский Союз при разных обстоятельствах, у них было разное социокультурное прошлое и разный жизненный опыт. Одна группа была сослана сталинским режимом на Дальний Восток еще до начала войны. Тем, у кого было польское гражданство, повезло, и они были освобождены из трудовых лагерей в результате советско-польского соглашения в конце лета 1941 года. Других советские власти организованно эвакуировали

.....

45 А.Е. Гурьянов, «Польские спецпереселенцы».

46 См. свидетельства Перл Минц, муж которой потерял ногу, работая на заводе: Minz, *Surviving the Holocaust*. и Shlomo Melonak, *koret e'zim be-yaa'rot Sibir ve-Ural* (1997).

потому, что это были люди с жизненно важной квалификацией; третьи бежали по собственной воле.

И хотя все они были евреями, сами эти группы значительно различались по социальному, экономическому и идеологическому происхождению, по языку, длительности и интенсивности их советского опыта, а также по тому, каково было их изначальное финансовое и семейное положение на тот момент.

Многие из них уже прожили в Советском Союзе некоторое время и были адаптированы к советскому режиму и системе (а также самим режимом и системой). Пережив преследования 30-х годов по религиозному и национальному признакам, они знали, что делать – и, что более важно, – чего не делать в условиях советской действительности. Однако другие оказались менее приспособленными к этой ситуации, поскольку находились на аннексированных территориях Польши, Румынии и Прибалтики (Литвы, Латвии и Эстонии) или совсем незадолго до войны прибыли из регионов, уже находившихся под контролем нацистов. Столь же разнообразна была и социокультурная предыстория каждого из этих людей. Среди них были верные и полные энтузиазма коммунисты, ортодоксальные иудеи и активисты различных еврейских националистических движений. Другие скрывали свою еврейскую идентичность или просто ассимилировались, или, предполагая, что их еврейская идентичность не имеет значения, просто считали себя гражданами СССР. Были среди них бывшие купцы, ремесленники, художники, священнослужители и рабочие. Их жизненный опыт и навыки стали критически важны для выживания в этот трудный период, когда ресурсы были ограничены и мобилизованы на нужды войны.

В этот период советский режим боролся за выживание, и паранойя свирепствовала. Советы особенно подозрительно относились к тому, что они считали «асоциальным поведением», и принимали жесточайшие меры наказания против предполагаемых шпионов и иностранных «контрреволюционных» элементов.

Сложность ситуации может быть представлена следующими примерами: Шломо Клесс родился в Польше. Когда в 1939 году Польша была разделена, он и его семья бежали во Львов, оказавшийся тогда

под советским контролем. Поскольку его семья изначально проживала на территории, которая затем была аннексирована Советским Союзом, они получили обычное советское гражданство и не подверглись репрессиям. Шломо состоял в сионистской организации «Ха-шомер ха-цаир», и продолжил активное участие в ее деятельности и после переезда. Когда началась война, он бежал на восток, в Узбекистан, где он организовал подпольную сионистскую группу, члены которой стремились переселиться в Палестину. В 1944 г. он подделал документы и пересек границу назад в Польшу.⁴⁷

В отличие от Шломо Клесса, Альтер Пекьер был учеником ешивы из Клецка в тогдашней Польше. Он не был призван в польскую армию, потому что он и его семья являлись беженцами из России и имели нансеновский паспорт (документ беженца для лица без гражданства). После раздела Польши его ешива переехала в Литву. Вскоре после этого Литва тоже оказалась под советским контролем, и поскольку он отказался от советского гражданства, он был арестован и отправлен в Сибирь. И хотя он классифицировался как лицо без гражданства, он был освобожден из трудового лагеря вместе с другими поляками в рамках советско-польского соглашения в октябре 1942 года. После освобождения он вместе с двадцатью пятью другими студентами ешивы переехал в Чимкент, Казахстан. Они поселились в колхозе неподалеку от города, где вели религиозную еврейскую общинную жизнь. Во время своего пребывания в тех местах он женился на девушке из семьи таких же беженцев, как и он. Там они находились вплоть до своей репатриации в Польшу в апреле 1946.⁴⁸

Семья Льва Гульдена, как и Альтер Пекьер, прибыла в Бухару из Польши, но, в отличие от Альтера, отец Льва женился на местной девушке и поселился в Бухаре на всю оставшуюся жизнь.⁴⁹

Эдит Секулес родилась в Вене в современной и состоятельной еврейской семье. Ее семья бежала от нацистов и пересекла границу с Эстонией. Накануне немецкого вторжения она и ее семья

.....

47 Shlomo Kless, *gvulot mahteret u-vriha* (Moreshet, 1989).

48 Alter Pekier, *From Kletzk to Siberia* (Brooklyn, 1985).

49 Интервью со Львом Гульденом (Бухара, апрель 2001).

были арестованы после того, как у них были обнаружены их германские паспорта. Вместе со многими другими иностранными гражданами (многие из которых были также еврейскими беженцами), их отправили в тюрьму, а затем в трудовой лагерь в Сибири. Поскольку они не были поляками, они не были освобождены и оставались в заключении до 1947 года.⁵⁰

Элиягу Родницки был родом из Вильно, Польша. В 1939 году он бежал в Тельши, в Литве. Он не был арестован, и когда гитлеровская Германия напала на Советский Союз, он бежал в Советскую Республику Мари и позже добрался до Средней Азии. Он был одним из немногих счастливицков, которым удалось присоединиться к польской армии генерала Андерса и покинуть Советский Союз к 1942 году.⁵¹

Шломо Мелонак родился в Полоцке, который тогда был в Польше. В 1939 году он бежал в Литву, а затем, в 1941 году, в Советский Союз. Он не был ни арестован, ни депортирован. В конце концов он добрался до Ашхабада. В сентябре 1942 года он был арестован при попытке пересечь советскую границу с Ираном, приговорен к десяти годам в трудовом лагере и к дополнительным четырем годам в специальных поселениях в Сибири. Шломо пережил лагерь и был освобожден только в 1955 году. После неоднократных отказов, в 1959 году он наконец получил разрешение на репатриацию в Польшу.⁵²

Исраэль Эйхенвальд также родился в Польше и бежал с оккупированной нацистами территории в Вильно. После нацистского вторжения он в конце концов прибыл в Ташкент, где был призван в «трудовую армию» и отправлен на работу по строительству огромной гидроэлектростанции. Поскольку он хорошо владел русским языком, он был назначен ответственным за тысячу местных узбекских рабочих. Позже он вернулся в Ташкент и стал начальником отдела снабжения армейского госпиталя. В

.....

50 Edith Sekules, *Surviving the Nazis, Exile and Siberia* (London, 2000).

51 Eliyahu Rudnizki, *shana be-Rusia* (Tel-Aviv, 1943). О евреях в армии Андерса см. также: Менахем Бегин, *В белые ночи* (М. – Иерусалим, 1991).

52 Shlomo Melonak, *koret etsim be-yaarot sibir ve-ural* (1997).

1944 году он записался добровольцем в армию «Союза польских патриотов», в рядах которой ему удалось покинуть Советский Союз и вернуться в Польшу.⁵³

Това Пассал и Сара Бурак родились в Польше. Во время войны они оказались в колхозах Узбекистана. Они были молодые, способные и незамужние, и им удалось за короткое время выучить русский и, что еще важнее, узбекский язык (которым советская администрация обычно не пользовалась). Через относительно короткое время Това доросла до должности секретаря заместителя мэра города Коканда. Сара, которая начинала как школьный учитель в колхозе в Ферганской долине, была назначена директором школы-интерната, а затем и инспектором комиссариата просвещения (министерства образования) Узбекистана. Обе репатриировались в Польшу в 1946 году.⁵⁴

Семья Бек бежала из Польши и перешла границу на советскую сторону. Как и семья Шломо Клесс, они поселились во Львове, но были арестованы в 1940 году и депортированы в Сибирь. Их освободили после года пребывания в трудовом лагере. Они хотели добраться до Узбекистана, но зима уже началась, и речные перевозки прекратились. Окруженные тайгой, они были вынуждены остаться в этом районе на зиму. С наступлением весны, они отправились на самодельной барже вниз по реке Витим, а затем, пересев на небольшое судно, вверх по реке Лене, и в конце концов добрались до Семипалатинска на севере Казахстана. Они предпочли остаться, а не ехать в Узбекистан, услышав, что в «городе хлебном» Ташкенте свирепствовали тиф и голод. Отец семьи стал активным членом еврейской общины (состоявшей из беженцев и других депортированных) и зарабатывал на жизнь, торгуя на местном черном рынке. В 1946 году, когда семья наконец репатриировалась в Польшу, он с гордостью говорил, что он въехал в Советский Союз только в одной рубашке, а покинул

.....
53 Israel Eichenwald, *bi-drachim uvi-gvulot* (Tel-Aviv, 1989).

54 Интервью с Товой Пассал (Иерусалим, 16 февраля 2010) и Сарой Бурак (Тель-Авив, 2 апреля 2009).

социалистическое государство, по иронии судьбы, уже вполне зажиточным человеком.⁵⁵

Эти свидетельства показывают со всей очевидностью, насколько разным мог оказаться опыт беженцев на советском Востоке. Отличия могли быть настолько велики, что казалось, все это происходило в разное время или в разных геополитических реальностях. Несмотря на различия между ними – эти свидетельства связывает между собой одна критически важная нить: это свидетельства тех, кому посчастливилось выжить. (Молодые, здоровые и необремененные семьей имели на это больше шансов).

Часто история пишется на основе свидетельств таких вот выживших. Истории же тех, кто исчез в трудовых лагерях, погиб от голода и болезней – утрачены уже навсегда.

.....
55 Интервью с Луисом Беком (Герцлия, 2009).

Эвакуация и евреи: стратегии выживания в военном социуме

Марина Потемкина

Статья посвящена проблеме эвакуации на территории СССР в период 1941–1945 гг. Подробно проанализированы стратегии выживания эвакуированных в советском тылу: патерналистские, девиантные, активного самосохранения. Показаны специфические проблемы еврейских беженцев, возникшие или обострившиеся в процессе эвакуации в условиях военного социума.

Вторая мировая война носила длительный тотальный и кровопролитный характер. Стремительное наступление фашистских войск в 1941 г. и оккупация западных территорий СССР привела к смещению традиционного центра страны. Его материальным воплощением стала эвакуация – перемещение промышленного оборудования, культурных ценностей и населения из прифронтовых районов на восток страны. Характеризуя этот процесс, исследователи применяют как термин «эвакуированные», так и термин «беженцы». На наш взгляд, правомерно использование обоих понятий к разным потокам мигрантов, различая их по степени организованности. Миграции, вызванные экстремальными обстоятельствами, – частое явление в мировой практике, но эвакуация, произошедшая на территории СССР в период 1941–1945 гг., беспрецедентна по своим масштабам и последствиям.

Источниковую основу нашего исследования составили опубликованные и архивные документы, личные мемуары, собранные и опубликованные тексты интервью с бывшими жителями СССР –

евреями, ныне живущими в Германии и Израиле, документальный фильм «Эвакуация», основанный на воспоминаниях людей переживших эвакуацию со всех краёв постсоветского пространства.

Анализируя воспоминания, записанные много лет спустя, необходимо учитывать не только их субъективный характер, но и психологические особенности запоминания и вспоминания. Для большинства респондентов военный период пришёлся на их детство. Детская память обладает такими характерными чертами как: отрывочность, стирание временных и пространственных рамок, сенсорность. В первую очередь, человек запоминает то, что эмоционально окрашено, поэтому, как правило, детальные описания касаются событий дороги в эвакуацию, меньше рассказов о жизни в тылу и реэвакуации. В автобиографической истории конкретные исторические даты зачастую либо не играют вообще никакой роли, либо оказываются сдвинутыми во времени. Учёные психологи утверждают, что особенно развита сенсорная память, то есть ребёнок помнит запах, вкус, цвет лучше, чем само событие. Иногда проявляется феномен выдавания желаемого за действительно происходящее, то есть воспроизведение фактов, которые на самом деле человек не может помнить. Беря интервью у Э.Е. Заславец, я обратила внимание на то, что, пережив эвакуацию в возрасте полутора лет, она эмоционально рассказывала о том, как ехали, что с собой взяли, и даже называла фамилию машиниста поезда, который их вёз. Информант не могла этого помнить, но искренне была убеждена, что помнит. Дело в том, что в семейном архиве хранятся воспоминания старшей сестры о войне и эвакуации (сестра Анна была 1931 г. рождения), именно этот текст остался в памяти Эмили Ефимовны.¹

Цель нашей статьи: проанализировать стратегии выживания эвакуированных в советском тылу и ответить на вопрос – существовали ли специфические проблемы еврейских беженцев, возникшие или обострившиеся в процессе эвакуации в условиях военного социума.

.....
1 Интервью с Заславец Э. Е., Магнитогорск, 21.03.2008 г.

Степень изученности проблемы

Ряд аспектов заявленной проблемы являются дискуссионными в освещении как российских, так и зарубежных учёных. Советские историки, изучая эвакуацию периода Второй мировой войны, основное внимание сосредоточили на анализе эвакуационного механизма, количественных и качественных результатах перевода в тыл промышленного оборудования и населения. Историки, специально занимавшиеся проблемами национальных отношений в СССР, не затрагивали их в связи с эвакуацией. Таким образом, эти два направления в отечественной историографии практически не пересекались.² Появившиеся в 1970-х гг. исследования о трудовой и общественной деятельности эвакуированных различных национальностей в годы войны в советском тылу были выдержаны в однозначно мажорных тонах.³ Проблема Холокоста фактически была табуированной в советской историографии 1950–1980-х гг. В постсоветский период тема «евреи в СССР в годы Великой Отечественной войны» разрабатывается достаточно активно. Инициаторами стали представители еврейской диаспоры: как учёные, так и публицисты.⁴ Следует назвать научные исследования Т.В. Прощенок,⁵ Ш.Д. Пиримкулова, И.А. Альтмана, П. Поляна.⁶ Но бóльшая часть исследований

2 История национально-государственного строительства в СССР 1917–1978 гг. Т. 2. Национально-государственное строительство в СССР в период социализма и строительства коммунизма (1937–1978 гг.) (М., 1979) 76.

3 Казимерас Варашинкас, *Деятельность эвакуированного населения Литовской ССР в советском тылу в период Великой Отечественной войны (1941–1944 гг.)*: Автореф. Дисс.... к. и. н. (Вильнюс, 1971); Давыдов И. В., *На земле друзей* (М., 1981); Галина Олехнович, *Трудящиеся Белоруссии – фронту* (Минск, 1972) и др.

4 Например: Герман Ерусалимчик, *Разные судьбы – общая судьба: из истории евреев Челябинска* (Челябинск, 1999); Эмма Шкурко, *Очерки истории евреев Башкортостана* (Уфа, 1999).

5 Татьяна Прощенок, *Еврейское население Урала в XIX–XX вв.: демографическое и этнокультурное развитие* (Екатеринбург, 2000) 66–72, 97, 204; Альфред Кох, Павел Полян (сост.), *Отрицание отрицания, или Битва под Аушвицем. Дебаты о демографии и геополитике Холокоста* (М., 2008).

6 Шодманкул Пиримкулов, *Польское население в СССР. 1941 – 1946 гг.* Автореф. Дисс. ...д. и. н. (М., 1990); Полян П.М. (2002). *Жертвы двух диктатур. Жизнь, труд, унижение и смерть советских военнопленных и остарбайтеров на чужбине и на родине*. М.: Росспэн: 898 с.; Альтман И.А. «История Холокоста на территории СССР в 1941 году в контексте противодействия мифам о Великой Отечественной войне» //

посвящена проблеме Холокоста на оккупированных фашистами территориях, ситуация в советском тылу анализируется в меньшей степени. Фундаментальное исследование сталинской политики по «еврейскому вопросу», основанное на рассекреченных материалах архивов высших партийных и государственных органов, предпринял Г.В. Костырченко.⁷ Анализу антисемитских настроений в советском тылу посвящена работа О. Лейбовича.⁸ Всестороннее осмысление трагедии евреев СССР в годы Великой Отечественной войны, появление обобщающих и специальных работ по этой теме позволило создать фундаментальное справочное издание – энциклопедию «Холокост на территории СССР».⁹

Методологически заявленная тематика вписывается в историю повседневности. Но, изучая стратегии выживания советских людей в условиях социальных трансформаций советского периода, исследователи, как правило, не выделяют беженцев в отдельную группу (Н.Б. Лебина, Н.Козлова, Е.Ф. Кринко, И.Г. Тажикина, Т.П. Хлынина).¹⁰

В то же самое время за рубежом написан целый ряд работ, освещающих различные аспекты межнациональных отношений в СССР в годы Великой Отечественной войны. Так, в 1966 г. в Нью-Йорке вышла книга С. Шварца «Евреи в Советском Союзе с начала Второй мировой войны», повествующая о том, что, якобы, в СССР ничего не было сделано для своевременной эвакуации и

.....

Преддверие и начало Великой Отечественной войны: проблемы современной историографии и источниковедения Материалы международной научно-практической конференции, к 70-летию начала Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.. Российский государственный гуманитарный университет, составители: АА. Киличенков. 2012. С. 199–208.

- 7 Геннадий Костырченко, *Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм*. 2-е изд. (М., 2003).
- 8 Олег Лейбович, «Антисемитские настроения в советском тылу» // *СССР во Второй мировой войне. Оккупация. Холокост. Сталинизм* (М.: РОССПЭН, 2014) 280–296.
- 9 *Холокост на территории СССР. Энциклопедия* (М., 2009).
- 10 Лебина Н.Б., *Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю* (М., 2018, Серия «Культура повседневности», 3-е издание) 488 с.; Козлова Н.Н., *Горизонты повседневности советской эпохи: голоса из хора* (М., Ин-т философии РАН, 1996); Евгений Кринко, Ирина Тажикина, Татьяна Хлынина, *Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций*. (Ростов-на-Дону, 2011) 282–283.

спасения евреев от фашистов. Эта идея получила дальнейшее развитие в коллективной монографии «Чёрная книга коммунизма», авторы которой говорят о «размахе антисемитизма в народной среде» в советском тылу в годы Великой Отечественной войны.¹¹ С. Швейбиш приходит к выводу, что «многие евреи не эвакуировались по целому ряду не зависящих от них причин. Это во многом вина сталинского режима».¹² В Израиле, Европе и США написан целый ряд работ, освещающих различные аспекты эвакуации в СССР в годы Великой Отечественной войны¹³, межнациональных отношений в СССР в военный период (Н. Верт, С. Куртуа, А. Люстигер),¹⁴ истории повседневности сталинизма (Ш. Фитцпатрик, С. Коткин).¹⁵

В целом, в исторических исследованиях посвящённых периоду Великой Отечественной войны, основное внимание уделено самому процессу эвакуации. В работах по истории повседневности беженцы не выделены как категория населения, имеющая свою специфику. Таким образом, проблема выживания еврейских беженцев в тыловых районах страны является одним из «белых пятен» в исторической науке.

Общая атмосфера эвакуации в СССР

О возможной эвакуации населения в предстоящей войне не думало ни советское руководство, ни население. В СССР в конце 1930-х годов господствовала военная доктрина, базировавшаяся на идее ответного сокрушительного удара с целью разгрома

.....

11 Куртуа, Николя Верт, Жан-Луи Панне, Анджей Пачковский, Карел Бартошек, Жан-Луи Марголен, *Чёрная книга коммунизма. Преступления, террор, репрессии* (М., 1999) 237, 301–303.

12 Семен Швейбиш, «Эвакуация и советские евреи в годы катастрофы» // *Вестник Еврейского университета в Москве* № 2 (9) (М. – Иерусалим, 1995) 53.

13 Manley R. *To the Tashkent station: Evacuation and survival in the Soviet Union at war* (Ithaca: Cornell Univ. press, 2009); Holmes L.E. *War, evacuation, and the exercise of power: The center, periphery, and Kirov's Pedagogical Institute, 1941–1952* (Lanham etc.: Lexington Books, 2012).

14 Стефан Куртуа и др., *ibid.*, 237, 301–303; Швейбиш, *ibid.*, 49–59.

15 Шейла Фитцпатрик, *Повседневный сталинизм. Социальная история советской России в 30-е гг.* (М., 2008) 75.; Kotkin S. *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization* (University of California Press, 1995).

агрессора и перенесения боевых действий на его территорию уже в первые дни войны. В выступлениях военных руководителей страны звучали слова о самом высоком в мире уровне вооружённости и боевой подготовки, а, следовательно, непобедимости РККА. В довоенном мобилизационном плане на случай войны массовые эвакуационные перевозки не предусматривались. Все иные взгляды могли быть расценены как «пораженческие настроения».

Но уже в первые дни войны стало ясно, что массовой эвакуации не избежать. 24 июня 1941 г. постановлением ЦК ВКП (б) и СНК СССР «для руководства эвакуацией населения, учреждений, военных и иных грузов, оборудования предприятий и других ценностей» при СНК СССР был создан Совет по эвакуации. Основополагающим документом, определявшим очерёдность эвакуации, стало Постановление ЦК ВКП (б) и СНК СССР от 27 июня 1941 г. «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества». Существует ещё два постановления (идущих под грифом «сверхсекретно») отдельно регламентировавших порядок эвакуации рабочих и ИТР заводов, а также партийных и советских номенклатурных работников. Национальный фактор ни в одном из этих документов не учитывался. Между тем, теоретические высказывания и реальная политика Гитлера и его окружения характеризовалась особым отношением к евреям. Выступая в рейхстаге 30.01.1939 г. Гитлер сказал: «Коммунистическая идеология и исповедующий её Советский Союз являются орудиями в руках евреев, добывающихся мирового господства. Уничтожение советских евреев позволило бы Германии добиться сразу двух целей: подорвать основу советской государственности и избавиться от самого заклятого врага – евреев. То и другое вместе спасёт мир от заразы большевизма».¹⁶

Анализируя этническую составляющую миграционных потоков из прифронтовой зоны СССР на восток в первые месяцы войны, большинство исследователей сходятся во мнении, что в условиях военной паники особых условий евреям при эвакуации создавать

.....

16 Цит. по: Вольфсон А., «Катастрофа» // Урал № 4 (1995) 228.

было нельзя, но было необходимо информировать людей о зверствах оккупантов по отношению к евреям.

Разъяснение такой тактики даёт академик Г.А. Куманёв: «...существует мнение, что следовало бы при эвакуации первоочередное право предоставить евреям и цыганам, поскольку по отношению к ним гитлеровцы осуществляли в оккупированных районах ничем не прикрытый массовый геноцид. Но предоставление такого преимущества при эвакуации могло бы вызвать негативную реакцию других народов СССР, спасавшихся от угрозы фашистского ига».¹⁷ К тому же у нацистской пропаганды появился бы в руках ещё один «козырь», что советская власть – «жидовская власть», за которую и воевать другим народам СССР не стоит. С. Швейбиш видит вину советского правительства в том, что было необходимо «как минимум, информировать людей о зверствах оккупантов по отношению к евреям».¹⁸

Вопрос о численности эвакуированных евреев является дискуссионным в мировой исторической науке. К началу войны в СССР проживали (без учёта беженцев из оккупированной нацистами части Польши и из Румынии) 4 855 тыс. евреев, в том числе 4 095 тыс. на территории, которая в ходе войны была оккупирована фашистами. Из них в советский тыл попали в эвакуацию 1 200 – 1 400 тыс. евреев.¹⁹

Достоверная статистика о национальном составе эвакуированных отсутствует, поскольку в условиях военного времени организация точного учёта беженцев являлась крайне сложной задачей. Подсчёты, произведённые на примере Уральского региона, позволяют утверждать, что в нем евреи составляли в среднем 22% от общей численности эвакуированного населения.²⁰

.....

17 Юрий Поляков, Валентина Жиромская (ред.), *Население России в XX веке. Исторические очерки*. Т. 2. 1940–1959 гг. (М., 2001) 65.

18 Швейбиш, *ibid.*, 53.

19 Швейбиш, *ibid.*, 36.

20 Владимир Мотревич, «Миграция евреев на Урал в 1930–1940-е гг.» // *История. Память. Люди. Материалы 6 международной научно-практической конференции*. 18 октября 2012 г. Алматы (Алматы, 2012) 318.

Принятие решения об эвакуации для евреев имело решающее значение для их выживания. Не являясь гарантией жизни, оно в то же время многократно повышало шансы на неё. Причины неэвакуации части советских людей носили как объективный, так и субъективный характер, и не были напрямую связаны с национальной принадлежностью. Это и стремительное наступление немецких войск в начале войны, и отсутствие заранее продуманных планов эвакуации, и острая нехватка транспортных средств, и надежда населения на то, что немцы скоро будут остановлены, а оккупация продлится совсем недолго, и его сомнения в том, что гитлеровский режим представляет смертельную угрозу для жизни советских людей, и боязнь, что самовольная эвакуация будет расценена властями как дезертирство, и нежелание части населения уезжать из-за различных материальных и моральных соображений. В условиях информационной неразберихи первых недель войны до советских евреев доходили слухи, а также рассказы проходивших мимо беженцев об «особой» политике нацистов по отношению к лицам еврейской национальности. Тем не менее, в западных областях СССР в представлении некоторых пожилых людей немцы были такими, какими они их знали по Первой мировой войне. Вот что, например, вспоминает бывшая жительница г. Винницы Мани Трегер: «Может быть, мы бы еще уехали, но у нас была тетя Фейга. Она пришла к нам и говорит: “Не уезжайте, Идл, ты будешь жить, ты откроешь мастерскую; это же идет культурная нация, это неправда, они не убивают. Ты знаешь, когда немцы зашли на Украину, я открыла магазин, я торговала, и за счет этого я еще и теперь живу”. Это нас тоже сбило».²¹ Аналогичный пример приводит Виктор Ваксман: «Отец, воевавший в Первую мировую, уверял, что немцы мирных жителей не трогают».²²

Решение об эвакуации давалось людям очень трудно: как это бросить всё и уехать в никуда? М.М. Литичевский вспоминает долгие споры между отцом и дедом: «День и ночь через город шли беженцы. Дед каждый день приводил людей, кормил их и

.....
 21 Швейбиш, *ibid.*, 49.

22 Виктор Ваксман, «Воспоминания братьев Ваксманов» // *Эвакуация. Воспоминания о детстве, опаленном огнём Катастрофы. СССР. 1941–1945.* (Иерусалим, 2009) 125.

расспрашивал. Дед пережил оккупацию немцев в Первую мировую войну и говорил о них как о цивилизованной нации. Но беженцы рассказывали страшные вещи. Отец настаивал на эвакуации. Мы уехали с оборудованием завода предпоследним эшелоном».²³

Дорога в эвакуацию – дорога в неизвестность

В воспоминаниях запечатлены звук падающих снарядов, кровь и крики людей, вид свастики на самолётах, лица фашистских лётчиков.²⁴ «До сих пор в моих глазах стоит атакующий на низкой высоте немецкий самолёт, разрисованный экзотическими животными, с пиковыми тузами на фюзеляже. Помню, кажется, и лицо того лётчика, поливающего свинцовым огнём огородные межи, в которые, закрыв головы руками, попадали люди».²⁵ Как правило, сначала во время бомбёжек эшелон останавливался, люди выскакивали из вагонов и пытались прятаться, но налёты происходили так часто, что через несколько дней пути состав уже не останавливался при звуках гудящих в небе самолётов.

Чтобы преодолеть многодневную тяжёлую дорогу почти в неизвестность, необходимо было продемонстрировать чудеса изобретательности. Транспорт был перегружен, поэтому приходилось давать взятки: «Потом в вагон начали взбираться новые люди (польские евреи), а проводница не хотела их впускать, а они, бедные, с отмёрзшими руками и отмёрзшими ногами. Но они дали проводнице денег и она ихпустила».²⁶

Жизненный мир теплушки менял представления людей о нравственных и материальных ценностях. «Помню, была остановка в Минске. Беженцы помчались за водой на вокзал, но мы не захватили с собой никакой посуды, а дети просили пить.... И тут

.....

23 Интервью с М.М. Литичевским. Магнитогорск. 25.06.2008 г.

24 *Эвакуация*. Документальный сериал. Проект Самария Зеликина. 2006 г. Фильм Первый.

25 Александр Юзефович, *Команда молодости нашей. Записки строителя* (Пермь, 1997) 12–13.

26 Аксельрод, «Казахстанская пурга» // *Эвакуация...*, 116.

я увидела у одной женщины солдатский котелок... Та согласилась обменять его на мой жакет. Я отдала его ей, схватила котелок, отдала его ей, побежала за водой и еле успела на поезд...». ²⁷ В мирной жизни на стоимость жакета можно было купить десяток котелков, но в экстремальных условиях бегства необходимо было сделать выбор между потребностью тепла и потребностью утоления жажды.

Проезжая незнакомые города и посёлки, важно было приложить усилия для выбора места жительства в условиях эвакуации (высадка в населённых пунктах центральных районов России часто приводила к необходимости вторичной эвакуации летом 1942 г.; выжить в городе было, как правило, легче, чем в сельской местности и т.д.). Всё это касалось неорганизованного потока эвакуированных, т.к. сотрудники, ехавшие в эвакуацию с промышленным предприятием или учреждением, следовали в определённый пункт назначения. Самовольные высадки расценивались как дезертирство и карались по законам военного времени. А вот у многих беженцев была иллюзия, что тепло, сытно, гостеприимно – в советской Средней Азии. Урал, а тем более Сибирь пугали своим суровым климатом и угрюмыми жителями. В итоге прибывших в Среднюю Азию в огромном количестве беженцев невозможно было обеспечить ни продовольствием, ни работой. Неустроенность быта и жаркий климат способствовали распространению дизентерии и других болезней. Всё это привело к массовому голоду, унесшему жизни многих, среди них и евреев, которым удалось убежать от нацистского уничтожения. ²⁸

Активной поведенческой стратегией, обеспечившей лучшие условия выживания людей, были помощь родственникам или знакомых, проживавших в восточных регионах страны, а также общение и взаимопомощь эвакуированных между собой. В условиях военного лихолетья усилилось ощущение национальной и профессиональной идентичности. Эвакуированные писатели и

.....
 27 Вайнер, «Вспоминать не хочется» // *Эвакуация...*, 62.

28 Семен Швейбиш, «Эвакуация, реэвакуация, антисемитизм в СССР во время Шоа» // *Заметки по еврейской истории*. 2012 №10 (157). Режим доступа: <http://berkovich-zametki.com/2012/Zametki/Nomer10/Shvejbish1.php>

художники вспоминали, что часто от голода и холода их в эвакуации спасали «собратья по перу и кисти». Эвакуированные евреи получали помощь от представителей местной еврейской этнической диаспоры. Из воспоминаний евреев об эвакуации в Грузию: «Нам очень помогло то, что рядом с Самтредиа находились сёла, в которых жили грузинские евреи. Они всё время нас выручали, приезжали, привозили еду, брали к себе подкормить наших детей. Помогали лечить больных, хоронили на еврейском кладбище умерших».²⁹

Стратегии выживания

Вторая мировая война привела к трансформации жизненных стратегий людей. Под стратегиями выживания обычно понимают устойчивые способы и формы жизнедеятельности, поведенческие модели, направленные на достижение основных целей существования человека: удовлетворение базовых физиологических и социальных потребностей. Содержанием стратегий выступает ряд социально ориентированных действий, правил принятия решений и практик их реализации.³⁰

Характерными особенностями стратегий выживания являются: повторяемость, доходящая до ритмичности и цикличности; замкнутость типичных пространств повседневности; устойчивость, выражающаяся в постоянстве окружающих вещей, социальных статусов и ролей.

Стратегии выживания евреев в советском тылу определялись как типичными способами адаптации к военной действительности (патерналистскими, девиантными и активного самосохранения), так и специфичными моделями материального и морального порядка.

Существуют различные классификации стратегий выживания, так, например, их можно разделить на активные и пассивные. Сразу оговоримся, что мы направили своё исследование

.....

29 Кижнер, «Мы назывались “гонщиками”» // *Эвакуация...*, 80.

30 Кринко *et al.*, *ibid.*, 282–283.

на изучение активных форм самосохранения в условиях войны. Всё многообразие стратегий выживания Кринко Е.Ф., Тажидинова И.Г., Хлынина Т.П. условно разделили на два типа: патерналистские и девиантные.³¹ Соглашаясь в целом с этой типологией, предлагаем дополнить её третьим типом: стратегии активного самосохранения.

Патерналистские стратегии. В силу особенностей геополитического положения России государство исторически играло особую роль опекуна народа. В советский период оформилась государственная система социального обеспечения, порождавшая социальное иждивенчество. Люди считали, что государство должно решать насущные проблемы их жизнедеятельности и стремились получить помощь в виде разного рода государственных выплат или льгот. Патерналистские стратегии жизнеобеспечения были типичными для большинства населения советского тыла. Номенклатурные работники, попав в эвакуацию, зачастую сохраняли свой привилегированный статус. Это давало доступ к дефициту. Существовала целая система раздела дефицита по административным, силовым и сословным линиям. Блага, сочетавшие в себе особо высокую потребительную стоимость, с особой ограниченностью или редкостью, образовывали несколько социально замкнутых кругов. В них обменивались ограниченные блага разного качества, престижности и степени дефицитности.³²

Интересна патерналистская схема получения товаров и услуг, придуманная и осуществлённая группой эвакуированных в Алма-Ату столичных писателей. «В Союз писателей привозили иногда... национальную реликвию – почти столетнего акына Джамбула, певца дружбы народов и советской власти. Его усаживали дремать в каком-нибудь укромном уголке во дворе, а в это время многочисленные секретари звонили по инстанциям, требуя от имени Джамбула разных насущных благ, к примеру: “Джамбулу требуются двадцать пар лакированных сапог”». Хотя

.....
31 Кринко *et al.*, *ibid.*

32 Лиана Казыханова, *Изменение социальной роли денег и их влияние на социально-экономическое поведение населения в условиях трансформации российского общества*. Дисс....канд. социолог. наук (Уфа, 2003) 55.

Джамбул даже не говорил по-русски, его именем кормились как местные, так и эвакуированные «секретари» и «переводчики».³³

В обстановке всеобщего огосударствления и тотального контроля бóльшая часть населения стремилась попасть в категорию «льготников», чтобы получить послабления по налогам или какие – либо пособия. Численность людей, имеющих право на государственные пособия, в годы войны возросла, прежде всего, за счёт семей фронтовиков, инвалидов, матерей-одиночек, эвакуированных. Получение официального статуса «эвакуированного» давало возможность получения продуктовых карточек (что было актуально в сельской местности) и материальной помощи.

Среди гуманитарной помощи и подарков, присылаемых из стран антигитлеровского блока, довольно большую часть составляли грузы, шедшие от еврейских диаспор. Нецелевое их распределение было одним из конфликтных вопросов для эвакуированных евреев, проживавших в советском тылу. В воспоминаниях сквозит обида, пронесённая через десятилетия: «Между жителями Соцгорода распределяли одежду из американских посылок, которую присылали американские евреи. Но про евреев молчали, одежду распределяли всем».³⁴ К сожалению, часть прибывшего из-за рубежа «секонд-хенда» расхищалась местными чиновниками.

Девиантные (иногда переходящие в криминальные) стратегии выживания были связаны с уклонением от выполнения или прямым нарушением существовавших правовых норм. В экстремальных условиях войны часть граждан, ради выживания, уклонялась от выполнения существовавших правовых норм или нарушала их. Обстановка тотального дефицита и общего снижения уровня жизни населения, вызванная военными обстоятельствами, ставила человека в пограничную ситуацию между должным и приемлемым поведением. Сразу оговоримся, что провести чёткую границу между законопослушным и противоправным поведением практически невозможно. Главным

.....

33 Аксельрод, «Казахстанская пурга» // *Эвакуация...*, 117.

34 Кантор, «Я “эвакуировала” свою семью» // *Эвакуация...*, 72.

мотивом девиантного поведения было «выжить любой ценой», диапазон моделей такого выживания был достаточно широк и разнообразен. Часть населения превратила криминальные модели поведения в практики наживы и обогащения. Но в условиях войны границы девиантности расширились, и некоторые деяния граждан, наказуемые с точки зрения закона, не считались преступными в общественном мнении.

В воспоминаниях эвакуированных (независимо от национальной принадлежности) содержатся примеры таких поведенческих практик, как сбор колосков или картофеля на колхозных полях, воровство торфа или угля с добывающих предприятий для отопления своего жилища, приобретение товаров для перепродажи по более высокой цене, самовольная реэвакуация и т.д. Григорий Канович, мальчишкой в 1941 г. приехал в эвакуацию вместе с мамой из Литвы в Среднюю Азию. Узнав, что соседские мальчишки собирают на колхозных полях оставшиеся после уборки урожая колоски, стал объяснять этот, по его мнению, «грандиозный план» своей маме. «А это можно? – глухо спросила мама, и в её вопросе уже заключался не подлежащий обжалованию приговор. – Вам за это не влетит? Ведь тут всё шиворот-навыворот, ничего не разберёшь – нельзя того, что можно, и можно то, чего где-нибудь в другом месте, скажем, в Литве, нельзя». История со сбором колосков осталась в памяти Григория Кановича в мельчайших подробностях. В своих воспоминаниях он описывает «бездыханные колоски, которые валялись под ногами», «чувство преодоления какой-то невидимой и запретной черты», страх – «я весь уже состоял из страха» – перед заставшем мальчишек за сбором колосков объездчиком Кайербеком, сплетённую из кожи и проволоки плётку, острую и нестерпимую боль и уходящее сознание. Но, поскольку Григорию уже было 13 лет, самосуд, хотя и жестокий, спас мальчика от реального тюремного срока.³⁵ Невысокий уровень грамотности населения, низкая юридическая грамотность приводили к тому, что люди плохо представляли границу между законопослушными и уголовно-наказуемыми действиями. Ещё хуже ситуация со знанием советского законодательства обстояла

.....
 35 Григорий Канович, Отрывок из повести «Лики во тьме» // *Эвакуация...*, 107–110.

с эвакуированными жителями вновь присоединённых западных территорий. Почти всегда они не знали не только законов, но также русского языка, не успели получить советские паспорта.

Вспоминая о действиях девиантного характера в эвакуации, большинство людей объясняет их безысходностью: «Из-за холодов «буржуйку» надо было топить круглосуточно, и часто угля не хватало. Нам приходилось идти на территорию ближайшего завода и оттуда таскать уголь в мешках и вёдрах. Для нас, детей (мне было в первый год войны 5 лет, братику – три), это было тяжёлым испытанием: мороз доходил до -35 градусов Цельсия, дули сильные степные ветры. А снег был выше нашего роста. Но делали мы это потому, что было необходимо. Я понимал, что охрана завода видит наше «воровство», но делала вид, что не видит».³⁶ Не всегда окружающие и обладавшие властными полномочиями люди проявляли понимание: «Мама продолжала работать в колхозе. Следили там за каждым работником. Если бригадир из местных замечал, что кто-то из эвакуированных взял с собой морковку или ещё что-то, отдавал под суд».³⁷

Ответной реакцией значительной части населения тыловых районов на введение нормированного снабжения, всеобщий дефицит и рост цен на колхозных рынках стала «спекуляция». Советское руководство огульно называло «спекуляцией» любое приобретение товаров для перепродажи по более высокой цене и рассматривало подобные действия как преступление... Среди спекулянтов можно было встретить и преуспевающих дельцов преступного мира, ведущих роскошную жизнь, и задавленных бедностью старух, перепродающих с небольшой наценкой товар, купленный в магазине.³⁸

Воспоминания Брони Вайнер демонстрируют пример вынужденной детской девиантности, обусловленной подсознательным

.....

36 Аркадий Цфасман, «Последние свидетели Войны и Холокоста» / „Die letzten Zeugen des Krieges und des Holocaust“ // *Zeitgeschichte regional Sonderheft 5* (Rostock, 2012) 63–67.

37 Кантор, *Эвакуация...*, 71.

38 Фицпатрик, *ibid.*, 75.

инстинктом выживания, когда мозг не дифференцирует поступки на «правильные» и «неправильные»: «Мама тяжело заболела, слегла, работать никто не мог, и мы остались без средств к существованию. Младшие дети, и я в их числе, ходили на улицу просить милостыню, там же и спали... И мы научились воровать – настоящие воры-малолетки, а иначе бы не выжили. Помню, ходили мы на станцию, таскали там свёклу из товарных вагонов».³⁹ Но было и воровство другого рода: кражи профессиональных воров, кражи хозяев в домах и квартирах, куда селили прибывших эвакуированных.⁴⁰

Широкие масштабы в городах советского тыла приняло дезертирство с промышленных предприятий. Такой вид правонарушения предусматривал уголовное наказание. Эвакуированными, возвращавшимися самочинно в места прежнего жительства как только несколько улучшалась обстановка на фронте, преследовалось несколько целей: вернуть своё жильё (как правило, жилищные условия в эвакуации были гораздо хуже), воссоединиться с семьёй, восстановить свой прежний (зачастую более высокий) доход. Катализатором самовольных уходов с предприятий стали не только освобождение Красной армией оккупированных территорий, но и постановление СНК СССР «Об освобождении жилой площади местных советов и предприятий, занимавшейся ранее рабочими и служащими, эвакуированными на восток» от 16 февраля 1942 г.⁴¹ Изъятые жильё поступало в распоряжение местных советов. Оставшееся в квартирах имущество могло быть передано оставшимся в городе родственникам, знакомым, или поступало в продажу в комиссионные магазины, или доставлялось хозяевам по месту нового жительства. Постановление не распространялось на частный жилой сектор. Некоторые исключения были сделаны также для жителей столичных городов Москвы и Ленинграда.⁴²

.....
39 Вайнер (Бейлина), *Эвакуация...*, 130.

40 Аксельрод, *Эвакуация...*, 116.

41 РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. 17. Оп. 88. Д. 137. Л. 68, 70.

42 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 137. Л. 68, 70.

Таким способом власти хотели закрепить людей на новых местах работы и создать возможность использовать пустовавшие квартиры в условиях разрушений жилого фонда из-за военных действий. Естественно, никакой компенсации за потерю жилья люди не получили. По сути, тысячи эвакуированных лишились возможности в будущем вернуться на прежнее место жительства. Реализация постановления вызвала бурную реакцию среди эвакуированного населения. Люди писали письма родственникам по месту прежнего жительства, пытались навести справки о состоянии своего личного имущества. Недовольство иногда проявлялось и в более резких формах, таких как попытки самовольной реэвакуации и даже отказы от выхода на работу. Часть руководящих работников пытались через главки и наркоматы перебраться в Москву или наложить на квартиры бронь. Например, заместитель начальника конторы снабжения треста №12 Ковалев добился отзыва в Москву; Кандалов также получил пропуск в Москву, но был задержан партторгом ЦК ВКП(б) Ермиловым и направлен по партийной мобилизации в военно-техническое училище. В том же тресте №12 двое эвакуированных самовольно оставили работу и выехали в Москву, за что и были заочно осуждены.⁴³ В проявлении недовольства можно выделить следующую закономерность: реакция на постановление была спокойнее, если место прежнего проживания еще не было освобождено от фашистской оккупации. Именно поэтому особое недовольство проявляли, например, жители столицы.

Стратегии активного самосохранения не были чем-то новым в повседневной практике жизнеобеспечения людей. Возникает вопрос: насколько эффективной была стандартная поведенческая модель – пойти работать и жить на зарплату? Был ли это доминирующий источник удовлетворения базовых жизненных потребностей?

В условиях мобилизационной экономики заработная плата на государственном предприятии или в учреждении была основным источником выживания. К тому же отсутствие официального

.....

43 ГАНИОПДПО (Государственный архив новейшей истории и общественно-политических движений Пермской области). Ф. 105. Оп. 8. Д. 174. Л. 13–15.

трудоустройства без достаточно веских оснований грозило карательными санкциями со стороны советского государства. Устройство на работу на предприятие оборонного значения повышало шансы выживания, поскольку работник получал продуктовую карточку 1-й категории, талоны на горячее питание в заводской столовой, возможность дополнительного снабжения в случае перевыполнения норм выработки. Прибывшие по организованной эвакуации с предприятиями или учреждениями сохраняли свой трудовой стаж и зарплату. Беженцы стремились как можно быстрее устроиться на работу.

Зачастую, место работы и занимаемая должность были ценны не только и не столько размером оклада, сколько возможностью доступа к дефицитным товарам и услугам. Это объяснялось сложившейся в условиях всеобщего дефицита системой теневого перераспределения ресурсов. Одной из обеспеченных категорий населения в советском обществе были работники снабженческих или распределительных организаций системы торговли и общественного питания.

Но, в экстремальных условиях военного времени есть примеры, когда такая жизненная стратегия не давала результата. Например, люди были наняты перегонять скот в эвакуацию. Обещали эту работу оплатить – и не заплатили. «Нас всех созвали в сельсовет и сообщили: немцы наступают. И необходимо эвакуировать колхозный скот... Нам дали подводы... документы на скот и погнали стада по степи... Добрались мы до Краснодара, благополучно сдали скот. У нас с собой были документы из колхоза. Там было перечислено, сколько мы заработали, сколько кому полагается зерна и денег. В управлении, где мы сдавали скот, нам велели оставить и эти бумаги. Мы так и сделали. Потом они все куда-то подевались и мы ничего не получили».⁴⁴

Первое место среди стратегий активного самосохранения по масштабам и значимости в структуре питания населения советского тыла, применительно к военному периоду, занимало огородничество и использование в пищу «подножного корма». Не только сельчане, но и население промышленных городов вскапывало и

.....

44 Кижнер, *Эвакуация...*, 79.

засеивало коллективные и индивидуальные огороды, выращивая различные овощи (преимущественно картофель). Восприняв огородничество как панацею от массового голода, государство уже с 1942 г. стало активно поддерживать и пропагандировать этот вид деятельности. Городские власти и руководство промышленных предприятий нарезали земельные участки, организовывали вспашку земли, оказывали помощь семенами, инвентарём.⁴⁵

Традиции коллективизма и трудовые усилия помогали людям находить дополнительные источники самообеспечения. Сбор дикорастущих растений, выращивание овощей на огородах, устройство на работу, перевыполнение трудовых норм – всё это создавало дополнительные источники снабжения. Воспоминания Михаила Ильина как нельзя лучше показывают весь спектр активного встраивания в незнакомый социальный ландшафт: «Как старший мужчина в семье, я стал её “кормильцем” – пошёл работать – копать арыки для ... полива полей. Маме пришлось продавать оставшиеся вещи и ценности, чтобы чем-то кормить детей. Старый казах приглашал меня на “охоту”. На месте старого аула были высохшие колодцы. Туда как в западню попадали зайцы. Старик на верёвке опускал меня в колодец, я палкой убивал зайцев, а затем поднимал их наверх. Кругом кишели гадюки, было очень опасно.

В 13 лет меня приняли на военный завод учеником токаря. Эвакуированный из Мелитополя комбайновый завод, который производил артиллерийские снаряды. Работали по 12 часов без выходных. При этом были и дневные и ночные смены...теперь мне полагалась рабочая продовольственная карточка. Помимо получения хлеба, я имел возможность питаться в рабочей столовой. Мне полагалось ещё пол-литра спирта в месяц. Мама меняла его на хлеб: за одну бутылку можно было получить две буханки хлеба...».⁴⁶ В условиях всеобщего дефицита эвакуированные вспоминали старинные ремёсла и придумывали оригинальные поделки на продажу. Виктор Ваксман: «Я плёл корзины

.....

45 ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 327. Оп. 2. Д. 399. Л. 10; ГАСО (Государственный архив Свердловской области). Ф. 2508р. Оп. 1. Д. 92. Л. 12–14.

46 Цфасман, *ibid.*, 63–67.

и лапти, которые мы носили в соседнее татарское село Тавель и обменивали на салму (что-то вроде клёцок из жмыха)».⁴⁷

Элла Рабинович вспоминает, как в эвакуации в Казахстане тяжело больной отец спасал семью от голода: «Но папа у меня был удивительно одарённый человек. Он начал делать календари. Он рисовал календарь на каких-то фанерках, писал числа, и красными чернилами – праздники, разрисовывал, делал виньетки. Эти календари продавались, так он зарабатывал».⁴⁸

Выживание в военном социуме требовало от эвакуированных поведенческих трансформаций не только в материальном аспекте, но и моральных усилий по преодолению культурного шока. Содержательной характеристикой культурного шока является хаотичное, спонтанное, тяготеющее к упрощению изменение моделей поведения сообществ и отдельных индивидов, сопровождающееся ростом насилия и ослаблением институализированных прежним укладом социальных порядков.⁴⁹ Наплыв эвакуированных в тыловые города имел своим следствием ухудшение санитарно-эпидемической обстановки, жилищный кризис, рост цен на колхозных рынках и т. д. Массовое сознание коренных жителей зачастую связывало все эти трудности с приездом «чужаков» («понаприехали тут...») и обрушивало на них волну негодования. М.М. Литичевский вспоминает: «Отношения с местными были плохие. Ведь они не видели войны. У местных женщин забрали на фронт мужей, а тут приехали в эвакуацию здоровые мужики с бронью».⁵⁰

Поскольку значительную долю эвакуированных составляли евреи или жители двух столиц (Москвы и Ленинграда), то они, как правило, и становились «козлами отпущения». Масштабы этого явления были различны. Так, А. В. Вольфсон, эвакуированный в 1941 г. в Чкалов (ныне Оренбург), так характеризует атмосферу того времени: «На Среднем Урале до войны проживало немного

.....
47 Виктор Ваксман, *Эвакуация...*, 129.

48 Элла Рабинович, «На маленькой, Б-гом забытой станции Лепсы» // *Эвакуация...*, 124.

49 Лейбович, *ibid.*

50 Интервью с М.М. Литичевским. Магнитогорск. 25.06.2008 г.

евреев, они все практически работали рядом с русскими, вместе строили предприятия и в общем людям не было знакомо это чувство (антисемитизм) в таком объёме, как в западных районах. Многие местные жители вообще не различали приезжих по национальности».⁵¹ Однако довольно большая часть респондентов рассказывают о проявлениях бытового и чиновничьего антисемитизма. Он проявлялся на фоне неприязни к еврейскому эваконаселению и был особенно замечен в сельской местности. Дети войны вспоминают: «они нас очень не любили... чёрт вас принёс...», «главное, что я запомнил, что меня страшно били каждый день по дороге из школы», «председатель колхоза посмотрел на нас с мамой и сказал: а на что они нам, они же пахать не могут...».⁵² В Уфе в 1942 г. произошёл случай зверского убийства подростками эвакуированного мальчика-еврея.⁵³

Для евреев в моральном плане национальная принадлежность нередко создавала дополнительные трудности (особенно если она сочеталась с прибытием из столичного города в сельскую провинцию). Распространялись многочисленные слухи об уклонении евреев-мужчин от военной мобилизации, и их национальной «вине» в бесчеловечной политике фашистов на оккупированной территории и т.д. В обыденном лексиконе военного времени получило хождение выражение «ташкентский фронт», обозначавшее дезертиров, трусов и ловкачей, преимущественно евреев, окопавшихся в глубоком и сытном тылу.⁵⁴

Особо следует сказать о мобилизации на фронт эвакуированных мужчин призывного возраста. Согласно сведениям, опубликованным Ф.Д. Свердловым, в Красной армии в 1941–1945 гг. находились 450–470 тыс. евреев, что составляло примерно 1,7% от общей численности вооруженных сил СССР и 16% всего еврейского

.....
51 Вольфсон А., *ibid.*, 29.

52 *Эвакуация*. Документальный сериал. Проект Самария Зеликина. 2006 г. Фильм четвёртый.

53 ЦГАОО РБ (Центральный государственный архив общественных объединений Республики Башкортостан). Ф. 122. Оп. 21. Д. 23. Л. 187–190.

54 Лейбович, *ibid.*

населения СССР.⁵⁵ Некоторые, имея бронь, или не подлежащие мобилизации в силу возраста или здоровья, сознательно уходили на фронт добровольцами. Что касается евреев, то такая активная поведенческая стратегия диктовалась в том числе желанием оградить свою семью от нападков антисемитского характера.

Резэвакуация. По мере освобождения территории СССР начался процесс резэвакуации. Он осложнялся рядом запретов со стороны руководства страны. До конца войны и позже была запрещена резэвакуация части работников военных промышленных предприятий. Из воспоминаний Михаила Ильина: «После освобождения Комарина хотел резэвакуироваться, но с завода не отпускали. Решил сбежать». В начале 1945 г. вдвоём с товарищем бежали без документов и билетов, перебираясь с поезда на поезд. Добравшись до дома, пошли в школу учиться. Но вскоре их арестовали прямо в классе на уроке, привели в местные органы госбезопасности и предложили выбор: вернуться на завод или быть подвергнутым суду за дезертирство с отбыванием срока наказания в тюрьме: «В то время мне было 15 лет. Друга посадили, а я стал скрываться. Днём прятался в поездах, ночью являлся украдкой домой поесть. Через несколько месяцев была объявлена амнистия».⁵⁶

Эвакуированные евреи испытывали дополнительные трудности материального и морального порядка: евреи возвращались фактически на кладбища, не находя в живых никого из родственников. Для евреев был дополнительный психологический фактор. «В Велиж мы уже не вернулись. Наша квартира была занята, всех евреев, которые не успели убежать, немцы убили. Можно ли там жить с этой памятью?!»⁵⁷ Кроме того, послевоенные годы на Украине и в Белоруссии характеризовались всплеском антисемитизма. В данных обстоятельствах, принятие решения о возвращении или невозвращении на прежнее местожительство определяло для эвакуированных евреев дальнейшую стратегию выживания.

.....

55 Сverdлов Ф.Д., *Энциклопедия еврейского героизма* (М.: Дограф, 2002) 214.

56 Цфасман, *ibid.*, 63–67.

57 Виктор Ваксман, *Эвакуация...*, 128.

Выводы

В период 1941-1945гг. на территории СССР была осуществлена эвакуация населения, по масштабам и последствиям не имеющая аналогов в истории. Для еврейского населения СССР, в условиях антисемитской политики нацистов на оккупированных территориях, выбор в пользу эвакуации зачастую означал спасение жизни. Выживание в советском тылу определялось теми же видами стратегий поведения, что и для остальных эвакуированных. Факторами, лимитирующими свободу выбора стратегий выживания, были: всеобъемлющий государственный контроль, ограниченность ресурсного обеспечения (материального, финансового, информационного, пространственно-временного), культурный шок. Исторический опыт выживания в условиях социальной катастрофы привёл к возрождению архаичных повседневных практик. Но в моральном плане национальная принадлежность нередко создавала дополнительные трудности (особенно если она сочеталась с прибытием из столичного города в сельскую провинцию).

Как воспринимались другие: некоторые наблюдения в отношении воспоминаний польских евреев о пребывании в Средней Азии в годы войны

.....
Мачей Вонс

10-летняя Хава, проживавшая со своей семьей в колхозе близ города Красногвардейск (ныне Булунгур, Самаркандская область, Узбекистан), описывала следующее событие:

«В деревне были плохие люди. Однажды глава колхоза, узбек, отправился в город, и он потратил много денег на питье там. Когда он вернулся в деревню верхом, двое наших соседей встретили его и обобрали пьяного до последней копейки. Вскоре толпа узбеков приехала к нам домой и жестоко избила обоих мужчин. (...) Общим семьям пришлось немедленно покинуть колхоз. Нас оставили в покое, потому что они знали, что отец не имеет никакого отношения к этому делу. Несмотря на это, узбеки относились к нам очень враждебно, и нам там было очень плохо».¹

Это не единственный случай, когда польские евреи в своих воспоминаниях описывали подобные переживания и выражали

.....
¹ *Widziałem anioła śmierci. Losy deportowanych Żydów polskich w ZSRR w latach II wojny światowej.* Opracowanie i wstęp Maciej Siekierski, Feliks Tychy. [Я видел ангела смерти. Судьба депортированных польских евреев в СССР во время Второй мировой войны. Разработка и вступление: Мачей Секерский, Феликс Тыхы] (Warszawa, 2006) 311.

неприязненные чувства в отношении жителей Средней Азии. В другом тексте мы читаем: «(...) отношение узбеков к польским гражданам было хуже некуда. Они не хотели ничего тебе продавать, пока не заплатишь втридорога, отказывались сдавать квартиры. И горе безрассудному, осмелившемуся выйти ночью. На следующий день одного такого нашли на улице убитым, полностью раздетым».² В другом свидетельстве мальчик утверждал: «Узбеки ненавидели евреев и часто нападали и грабили еврейских детей. Узбек выбросил нас из квартиры; нам пришлось пойти в колхоз».³ Автор еще одних воспоминаний пишет: «Это был узбекский колхоз. Они жестоко обращались с беженцами. Беженцев грабили, эксплуатировали их, выкупали все за копейки».⁴ Еще в одном тексте читаем: «В узбекском колхозе был антисемитизм. Все, молодые и старые, проявляли ненависть к евреям. Узбеки по своей сути люди недобрые (*są z natury złymi ludźmi*). Они не знают, что значит дать кому-то кусок хлеба или даже немного воды».⁵

В завершение первой группы примеров приведем несколько свидетельств, в которых содержатся и другие аспекты того, как воспринимались жители Средней Азии. Одна женщина описывает безжалостность главы колхоза в Казахстане в период, предшествовавший «амнистии»⁶. Из-за дизентерии женщина очень ослабла и не могла работать. За то, что она не вышла на работу, ее приговорили к 25 ударам. Руководитель привел это в исполнение. Он бил ее палкой. После первых же ударов свидетельница упала в обморок. Сама жертва описала своего мучителя как «дикого казаха».⁷

.....
2 *Ibid.*, 539.

3 *Ibid.*, 244.

4 *Ibid.*, 97.

5 *Ibid.*, 142.

6 С точки зрения поляков, депортированные польские граждане никаких преступлений не совершали, не говоря уже о том, что были репрессированы без суда и следствия. Поэтому здесь и далее использующееся в их отношении слово «амнистия» будет ставиться в кавычки.

7 *Ibid.*, 90–91.

Другая женщина приехала в Ташкент и должна была остаться в районе железнодорожного вокзала вместе со своей семьей. Там у нее украли чемодан. Семья боялась заходить в местное «кафе» «...потому что там было полно узбеков, людей полудиких, которые могли просто вырвать чемодан из рук».⁸

Из приведенных выше свидетельств мы узнаем о случаях грабежа, избиениях, эксплуатации, о нежелании сдавать комнату, давать кусок хлеба или немного воды. Истории связаны с обвинениями во враждебности, ненависти, антисемитизме. Кроме того, в некоторых из них мы можем обнаружить, что жители Средней Азии воспринимаются в качестве людей «диких» или «полудиких».

В этой статье мы рассмотрим контекст таких свидетельств и попытаемся понять, что скрывается за такими воспоминаниями. В них содержатся лишь некоторые из описанных там аспектов. Выдержки относятся к довольно короткому периоду после так называемой «амнистии»⁹ польских граждан – примерно между августом 1941 года и второй половиной 1942 года. Прежде всего рассмотрим то, как сами польские евреи объясняли свое решение о приезде в Среднюю Азию.

Почему Средняя Азия?

Вышедшая в 1923 г. повесть Александра Неверова «Ташкент – город хлебный» была переведена на много языков, в том числе на иврит и на идиш (1932). Как указывает Дов Левин, в тридцатые годы она была весьма популярна среди еврейской молодежи в странах Восточной Европы, и многие евреи, ставшие беженцами, упоминают ее в своих воспоминаниях.¹⁰ Так, Илона Флутштейн-Груда пересказывает в своих мемуарах то, что говорил ее весьма начитанный отец: «Казалось, что там хороший климат и

.....
8 *Ibid.*, 44.

9 See: Zbigniew S. Siemaszko, *Generał Anders w latach 1892–1942* (Londyn, Warszawa, 2012) 171.

10 Dov Levin, *Żydzi wschodnioeuropejscy podczas II wojny światowej* [Дов Левин, *Восточноевропейские евреи во время Второй мировой войны*] (Warszawa, 2005) 92.

полно еды». Опираясь на такое представление о Ташкенте, семья отправилась в «этот замечательный город». Флутштейн показала, как литература может подобным образом влиять на жизнь человека. Позднее она узнала, что книга побудила еще много кого отправиться в этот город.¹¹

По мнению писателя Александра Вата, каждый еврей знал это выражение, даже если не читал повести. Многие слышали об этом только от других – не зная книги они были знакомы с волшебными словами ее названия: сила была не в литературном произведении, а в его заголовке.¹²

Неверовский «Ташкент» упоминает и писатель Юлиан Стрыйковский. Из его слов трудно сделать вывод, что именно из-за этой книги он решил ехать на юг. «Больше, чем войны, я боялся русской зимы», – писал он.¹³ Таким образом, можно уже предположить, что образ Ташкента у Александра Неверова непосредственно повлиял далеко не на всех. Более того, есть множество воспоминаний, в которых это произведение русского писателя не упоминается вовсе. Что же побудило людей отправиться за тысячи километров в незнакомые места?

Климатические условия были важны не только для Стрыйковского. Так, Шошана Элькес указала, что у ее семьи не было теплой одежды для предстоящей зимы. Но была еще одна очень важная причина. После начала советско-германской войны положение в лагерях и спецпоселениях, где содержались польские граждане, становилось еще тяжелее. Отец Шошаны сказал ей, что не сможет долго выдержать изнурительного труда и голода.¹⁴ Поэтому неудивительно, что после «амнистии» депортированные не хотели больше оставаться в таких местах. «Комендант предупреждал,

.....
11 Piona Flutsztejn-Gruda, *Byłam wtedy dzieckiem* [Илона Флутштейн-Груда, *Я тогда была ребенком*] (Lublin, 2004) 52.

12 Aleksander Wat, *Mój wiek. Pamiętnik mówiony. Część druga* [Александр Ват, *Мое время. Говорящий дневник. Часть вторая*] (Warszawa, 1990) 229.

13 *Ocalony na Wschodzie. Z Julianem Strykowskiem rozmawia Piotr Szewc* [Выжил на Востоке. Петр Шевц беседует с Юлианом Стрыйковским] (Montricher, 1991) 136–138.

14 *Widziałem...*, 285.

что нас ожидают горе и беды, и советовал нам остаться. Но мы ничего не хотели слышать о том, чтобы оставаться в лагере, и отправились в более теплые районы Советского Союза».¹⁵ Помимо предостережений были еще и обещания: «Мастерам обещали более высокую зарплату, более легкие условия труда и контракты на дальнейшую работу. Но никто не хотел оставаться. Заключить договор с большевиками означало бы оставаться рабом».¹⁶ В другом свидетельстве читаем: «Мы боялись, что, будучи отрезанными от мира, мы так там навсегда и останемся».¹⁷

Свою роль в принятии амнистированными решения покинуть лагерь сыграло и поведение других содержавшихся там польских граждан: «Когда мы слышали, что люди отправились на юг России, мы решили оставить все и тоже уехать».¹⁸ В головах освобожденных заключенных все еще звучали слова комендантов трудовых лагерей и спецпоселений, которые по прибытии туда депортированных заверяли их: «Вы никуда отсюда не денетесь – это уж точно! Здесь вы будете работать, здесь и умрете».¹⁹ Герш Шульман утверждал, что после «амнистии» он работал в течение месяца в качестве наемного работника. «Но когда все уехали, меня охватило ужасное беспокойство, боязнь, что не смогу участвовать в активной борьбе против фашизма и Гитлера».²⁰ В свидетельствах можно проследить уже и слухи о грозящей эвакуации из самой Средней Азии.²¹

Очень важную роль сыграл, несомненно, и страх перед немцами: «Мы решили поехать как можно дальше от немцев – в Казахстан в Средней Азии. (...) Предполагалось, что до Казахстана немцы не доберутся. Оказавшись там, можно было даже мечтать и о том, чтобы «пробраться» в Персию, а возможно – и добраться до

.....
15 *Ibid.*, 96

16 *Ibid.*, 82.

17 *Ibid.*, 179.

18 *Ibid.*, 129.

19 Zev Katz, *From the Gestapo to the Gulags. One Jewish Life* (London, Portland 2004) 80.

20 *Widziałem...*, 297.

21 *Ibid.*, 539.

Палестины».²² Находясь в Средней Азии, можно было бы сделать следующий шаг и попытаться покинуть Советский Союз: «Через некоторое время мы прибыли в Каган. Нам казалось, что лучше жить рядом с границей, откуда легче было бы выбраться из СССР. Но мы увидели, что никакой надежды выбраться за границу не было, и мы поехали в Ташкент».²³

В качестве аргумента для поездки в Среднюю Азию бывшие депортированные указывали на состояние своего здоровья: «Отец заболел туберкулезом. Врачи заявили, что спасут его только отъезд в Казахстан и апельсины».²⁴ Однако болезнь могла стать и одним из аргументов против дальнего переезда: «Мой отец страдал от острой астмы, и, по иронии судьбы, воздух в тюремном лагере в горах Сибири был ему полезен, и мы боялись, что ему гораздо труднее будет переносить жару Средней Азии». Семья Кац сошла с поезда в Семипалатинске.²⁵

Бывали даже случаи, когда переезд в Среднюю Азию прерывался: Рита Блаттберг и ее родители уже отправились на юг, когда ее семья подружилась с русской еврейской парой, которая убедила Блаттбергов, что мать Риты из-за ее шаткого здоровья не выживет в климатических условиях Средней Азии. Семья направилась в обратную сторону и осела в деревне на Урале, где они и прожили до своего возвращения в Польшу в 1946 году.²⁶

Особенность этой истории в том, что она показывает, как произвольно иногда принимались решения. Халина Ландфиш уверяла, что после «амнистии» люди порой «решая, куда ехать, наугад тыкали пальцем в карту».²⁷ Весьма интересным является объяснение Ицхака Эрлихсона, который прибыл в Арыс. Поначалу он планировал задержаться в этом городе надолго. Однако при этом он указывает: «Наше решение снова отправиться в

.....

22 Rita Blattberg Blumstein, *Like Leaves in the Wind* (London, Portland 2003) 37.

23 *Widziałem...*, 96.

24 *Ibid.*, 310.

25 Katz, 82.

26 Blattberg-Blumstein, 38.

27 *Widziałem...*, 329.

путь было обусловлено тем, что нас вырвали с корнями, лишив какой-либо связи с каким-либо конкретным местом». Их поезд шел в Ташкент. К его удивлению, там он не остановился и вместо этого продолжил в Каган. Эрлихсону это не казалось столь уж важным: «Для меня все было одинаково: Ташкент, Самарканд, Каган... Все они выглядели для меня одинаково и были мне одинаково чужды».²⁸

Независимо от того, читали ли польские евреи «Ташкент – город хлебный» Неверова, у них было нечто общее с главным героем книги – Мишкой. Глобальной причиной, общей для всех них, была надежда найти пропитание. Но независимо от того, читали ли они эту книгу или нет, бывшие узники исправительно-трудовых лагерей, специальных поселений и колхозов все еще мало что знали о Ташкенте. Находясь в сложных условиях, они старались принять рациональное решение. Однако решение это основывалось на чем угодно, кроме какого бы то ни было понятия о Средней Азии.²⁹

В заключение следует отметить, что для многих польских граждан, подвергавшихся преследованиям, формирование польской армии³⁰ под командованием генерала Владислава Андерса на юге России (Топкое, Бузулук в Чкаловской области, Татищево в Саратовской области), а затем в республиках советской Средней Азии, было решающим движущим фактором в пользу такой миграции, которая обеспечила бы им там убежище. Однако большинству польских граждан в Советском Союзе не удалось присоединиться к армии Андерса и принять участие в эвакуации из Советского Союза в качестве военных или гражданских лиц.

.....

28 Yitzkhak Erlichson, *My Four Years in Soviet Russia* (Boston, 2013) 92.

29 Примеры того, что еще могло влиять на решение ехать или не ехать на юг / в Среднюю Азию, см.: Siemaszko, 177–180.

30 Процесс формирования Польской Армии в СССР подробно описан в книге: Zbigniew Wawer, *Armia generała Władysława Andersa w ZSRR, 1941–1942* (Warszawa, 2012).

Экзотичность и язык

Для приезжих этот край и местное население были чем-то новым, совсем другим, странным и просто экзотическим. «Я никогда не видела такой экзотики», – утверждала Илона Флутштейн после прибытия в Ташкент.³¹ Разумеется, в рассказах польских евреев мы встречаем описания местных жителей и их обычаев, например, красочной узбекской одежды и социальных отношений между мужчиной и женщиной: «Узбеки ходят по маленькой улочке в своих широких разноцветных одеждах. Их можно увидеть повсюду верхом на верблюдах. Видимо, советская революция мало повлияла на социальный статус женщин. Мужчины едут, удобно усевшись верхом на верблюдах, а женщины следуют за ними сзади пешком, как если бы они были только частью инвентаря».³² Похожие наблюдения находим и у Илоны Флутштейн. Когда она ходила в колхоз, время от времени мимо проходил узбек, одетый в разноцветный халат; голову его покрывала *тюбетейка*. Узбеки ездили верхом на ослах. Иногда кого-то из них сопровождала женщина, которая шла за ним пешком с тюками. Флутштейн заметила, что «видимо, тюки были слишком тяжелы для осла».³³ А Юлиан Стрыйковский отметил: «Женщины ковыляют за мужчинами, как у хасидов».³⁴

Польские евреи описывают различные аспекты жизни узбеков. В частности, Ицхак Эрлихсон писал о местных чайханах: «Люди сидят на коврах, которые лежат на полу, и пьют чай из глиняных чашек вместе с фруктовыми закусками. Узбеки носят тюбетейки с четырьмя углами и белые штаны. Женщины в своих ярких одеяниях и лакированных башмаках смотрятся напыщенно. Я часто задавался вопросом, как им удавалось пить такой горячий чай в этой азиатской жаре. Но узбеки знают, что делают. Многие беженцы, которые пили простую воду, заражались различными

.....
31 Flutsztejn-Gruda, 56. Это несмотря на то, что Ташкент был самым «русифицированным» городом Средней Азии.

32 Erlichson, 93.

33 Flutsztejn-Gruda, 57.

34 *Ocalony...*, 138.

болезнями, а бывали и серьезные случаи малярии. Горячий чай оказался отличным способом справиться с неблагоприятным климатом».³⁵

Таким образом, Средняя Азия была неизвестным, экзотическим краем, где многое можно было для себя открыть. И все же нам не стоит забывать, что люди отправлялись туда не в качестве туристов. Они оставались там дольше, чем обычные туристы, и занимались они отнюдь не осмотром достопримечательностей. В тяжелейших условиях голода и эпидемий самым важным было просто выжить. Важнейшим средством, которое могло бы поддерживать общение между жителями и беженцами, мог быть общий язык – средство, необходимое для того, чтобы отношение к тебе было более позитивным, и чтоб было меньше предрассудков.

В свидетельстве одной из женщин-евреек мы читаем, что она была депортирована в район Семипалатинска и отправлена в колхоз в 150 километрах от железнодорожной станции. Она должна была принять участие в первомайских торжествах. Речи ораторов были на языке, который был непонятен депортированным. Со слов одного из авторов свидетельств, «ораторы были монголами».³⁶

Другой пример: семье Илоны Флутштейн не разрешили оставаться в Ташкенте, и они были отправлены в колхоз в Заркенте. Извозчик, который вез их на арбе, не умел говорить по-русски, а они не знали узбекского. Общение было невозможно. Далее Флутштейн вспоминала: «Довольно быстро выяснилось, что, кроме бухгалтера колхоза, по-русски там никто не говорил ни слова! Да и сам бухгалтер не очень хорошо знал этот язык. Это была самая забытая дыра в конце цивилизованного мира, или, скорее даже, где-то за его пределами».³⁷ Через какое-то время Флутштейны поселились у узбекской семьи в другом месте и прожили там несколько месяцев. Илона Флутштейн вспоминает, что «отношения с хозяевами были очень дружескими, несмотря

.....

35 Erlichson, 93.

36 *Widziałem...*, 90. Заркент находится примерно в 50 км восточнее Ташкента.

37 Flusztejn-Gruda, 57–58.

на некоторые проблемы с коммуникацией (...) Они были очень гостеприимны, добры и приветливы». Илону, разумеется, впечатлило и то, что хозяева пригласили их праздновать с ними рамадан (Uraza-Bairam) – с пловом в завершение поста.³⁸

Александр Ват, посетив Ферганскую долину, заявил, что между властями или иммигрантами и коренным населением не было никакой связи.³⁹

Юлиан Стрыйковский, говоривший на многих языках, писал: «Это другой мир. Другой язык. Язык, определяющий границы мира. Неевропейский, непонятный язык – для меня это было шокирующе необычным, тем, что вызывает любопытство, но с чем вы ничего не можете сделать».⁴⁰

Илона Флутштейн вспоминает, что колхоз в Заркенте был для нее «странным, совсем чужим и непонятным миром, где никто не говорил по-русски».⁴¹ Позднее семья переехала в другой колхоз. Илона стала ходить в начальную школу в Намангане, где она общалась с русскоязычными детьми. Но ее родители вели знакомства «в основном, если не исключительно с поляками еврейского происхождения».⁴² А Юлиан Стрыйковский указывал: «С первого момента и до конца моего пребывания в Узбекистане я застрял в русской среде. С узбеками мне приходилось контактировать крайне редко».⁴³

Таким образом, у польских беженцев ощущалась острая нехватка возможности общения с местным населением, что существенно влияло и на их шансы на выживание. Ограничение русскоязычной средой выстраивало определенный мир понимания Востока и восприятия другого (и это при том что не все поляки говорили по-русски). Это имело определенные последствия.

.....

38 *Ibid.*, 105.

39 Wat, 266.

40 *Ocalony...*, 138.

41 Flutszejn-Gruda, 58.

42 *Ibid.*, 100.

43 *Ocalony...*, 140.

Это обстоятельство ограничивало возможности людей узнать друг друга. Беженцы в своих воспоминаниях зафиксировали разные переживания и наблюдения. Однако они излагали не только факты, но и делали выводы, и давали свои комментарии. Это должны учитывать читатели свидетельств. Мы не только узнаем много фактов, но и должны учитывать субъективность наблюдателя и принимать во внимание предысторию описываемых им ситуаций.

«Узбеки не жаловались на нехватку еды. Они готовили сорняки в огромных котлах, которые они ели своими руками. Во всем колхозе не было ложки. Было трудно, пока мы не получили металлические ложки из города».⁴⁴ Уже один этот отрывок создает простор для множества вопросов и толкований. Укажем только некоторые из них: смог ли автор этой истории поговорить с узбеками и узнать, жаловались ли они? Наше внимание сосредотачивается на том, что узбеки ели руками. Но о том, что автор, должно быть, тоже некоторое время ел руками, мы можем узнать лишь косвенно. Хватало ли «сорняков» всем узбекам? Наедались ли они ими? Что это были за «сорняки»? Возможно, впечатление на наблюдателя произвел «огромный котел». Но возникает вопрос: для скольких человек он предназначался? Мы не должны забывать про механизм, при котором человек с одним куском хлеба считает, что тот, у кого два куска хлеба, не может жаловаться. Все это, разумеется, относительно, поскольку оба они по-прежнему являются голодными. Мы должны еще добавить, что это утверждение сделано ребенком. А возможно, голодный ребенок действительно оказался под впечатлением «огромного котла» и просто завидовал.

Как мы видели, такие отрывки могут плодить множество вопросов, но не всегда отвечать на них. Иногда они могут рассказать нам гораздо больше об авторе, чем об описанной ситуации. Мы также находим свидетельства, авторы которых не сомневались в несчастном положении узбеков в колхозах. Мальчик, живший в колхозе им. Молотова недалеко от Самарканда, сообщает: «Пона-
.....

44 *Widziałem...*, 311.

долгие дни голодания. Сами узбеки оказались в ужасном положении».⁴⁵ По мнению другого еврейского мальчика, жившего в колхозе, «местные жители жили так же жалко, как и мы».⁴⁶

Стоит упомянуть и историю Илоны Флутштейн. Присмотр за колхозными свиньями обеспечивал ее семью свиной. Однажды семью Флутштейнов посетил очень голодный узбек, причем Илона знала о том, что тот был глубоко верующий. И хотя было очевидно, что никакого другого мяса, кроме свинины у них не было, человек попросил у них порцию. Никто ничего не говорил о происхождении мяса.⁴⁷ Кстати, Илона росла в нерелигиозной семье, так что свинина и для нее не представляла проблемы.⁴⁸

Находим мы в воспоминаниях и объяснения по поводу бедности в колхозах. Роман Вайс проработал в узбекском колхозе 5 месяцев. С его слов, колхоз был большим и богатым. Но и там было трудно раздобыть кусок хлеба. Вайс считал, что виной тому были бесхозяйственность и коррупция.⁴⁹

Бухарские евреи

Польские евреи оставили свидетельства об опыте своих взаимоотношений с бухарскими евреями. В одном из свидетельств мы встречаем отрывок, в котором автор утверждает, что узбеки грабили беженцев. В следующем предложении мы читаем, что бухарские евреи пытались помочь евреям из Польши, но сами они были очень бедны.⁵⁰

Эти два утверждения касаются двух разных вещей, но, помещенные рядом друг с другом, они создают контраст, который ясно показывает, кого автор считал хорошим, а кого – нет.

.....
45 *Ibid.*, 252.

46 *Ibid.*, 219.

47 Flutsztein-Gruda, 94–95.

48 *Ibid.*, 33–34.

49 *Widziałem...*, 404.

50 *Ibid.*, 382.

И в других свидетельствах мы встречаем такие предложения как: «Бухарские евреи очень бедны. Им самим нечего надеть. Рассчитывать на их помощь было нельзя».⁵¹

Между строк мы можем прочесть невысказанное ожидание помощи от бухарских евреев, а также оправдание того, что автору ничем не помогли.

Нахум Тепер даже попытался объяснить причины этой бедности: «Мы встречали бухарских евреев, которые знали иврит. Но они не смогли нам сильно помочь. Богатых депортировали давно, а бедным было нечего есть. Тем не менее, они приветствовали нас очень тепло. Мы молились вместе с ними».⁵²

Ицхак Эрлихсон воспринимал бухарских евреев по-другому. Помимо их экзотичности, его внимание привлекла не их бедность, а их образованность: «Я встретил там бухарских евреев впервые. До этого они были для меня не более чем экзотическим названием, пожелтевшей фотографией в старой еврейской газете, но теперь я видел их лицом к лицу. По своей одежде и поведению они были очень похожи на остальных узбеков, но они были частью образованного класса. Они говорили по-русски и немного на иврите. Они работали служащими в государственных учреждениях, а некоторые были мелкими предпринимателями или продавцами газированной воды».⁵³ В то же время, Менахем Бегин описывал их с точки зрения еврейской солидарности. Будучи в небольшом городке между Самаркандом и Бухарой он узнал, что ответственным за распределение хлеба там был еврей. Он говорил с ним на иврите. После этой встречи у Бегина было много хлеба. «Еврейская солидарность иногда срабатывает и в Советском Союзе», – писал он.⁵⁴

В своем исследовании о еврейских беженцах из Литвы Дов Левин пишет о молодой женщине из Каунаса, которая работала на

.....
51 *Ibid.*, 83.

52 *Ibid.*, 174.

53 Erlichson, 93.

54 Менахем Бегин, *В белые ночи* (М. Иерусалим, 1991) 314.

бухарского еврея. Благодаря ему она познакомилась и с другими евреями, которые приглашали ее на еврейские праздники. Некоторые бухарские евреи занимали высокие должности. Левин также указывает на обратную сторону медали. Он приводит пример еврея из Вильнюса, который был разочарован тем, что не встретил у бухарских евреев ожидаемой солидарности: «Они были помешаны на денежных вопросах».⁵⁵

Из опыта Эрлихсона, Бегина и этой молодой женщины мы узнаем, что далеко не все бухарские евреи были очень бедными. Подтверждение тому находим и в свидетельстве Элиэзера Хохмайстера: «Бухарский еврей нанял меня на работу только за еду. Он был инспектором военных складов. Через несколько дней я спросил его, может ли он принять на работу и моего брата. Он согласился, и мы стали на него работать вместе с братом. Но при этом он заставил меня голодать...».⁵⁶ В этом случае можно задаться вопросом, являлось ли это помощью со стороны этого бухарского еврея или эксплуатацией?

Как воспринимались русские

Польские евреи безусловно имели опыт общения с русскими до того, как попали в Среднюю Азию. Но стоит вкратце упомянуть и о русских, с которыми поляки встретились по пути в Среднюю Азию после «амнистии». Халина Ландфиш вспоминает, что по пути в Среднюю Азию «всякий раз, когда мы пытались познакомиться с местным русским населением, мы наталкивались на молчаливое недоверие».⁵⁷ Но одновременно с этим встречаются и свидетельства положительного содержания: «Во Фрунзе отношение русского населения к полякам было, как мы с удивлением заметили, сердечным и дружелюбным», – сообщает Ноэми Добрин.⁵⁸ Александр Ват оставил описания другого свойства. Они далеки от простых обобщений. Боле того, он говорил по-русски

.....
55 Levin, 109–110.

56 *Widziatem...*, 232.

57 *Ibid.*, 329.

58 *Ibid.*, 340.

и у него было много знакомых среди культурной элиты Советского Союза. Он находился в Алма-Ате, где рассказывал им о поэзии, литературе, кино в западных странах.⁵⁹ Среди прочего, Ват был потрясен и впечатлен беженцами из Ленинграда. Для него они были героями.⁶⁰

Более всего, особенно в те трудные времена, польских евреев поражали богатые русские. Вот что наблюдала Халина Ландфиш по пути в Среднюю Азию: «Положение русских беженцев было прискорбным. Все они голодали». И в то же время, «была другая категория беженцев – богатые русские. Своими глазами я видела экспресс-поезда со спальными вагонами, полными состоятельных русских».⁶¹

На улице в Ташкенте Менахем Бегин однажды встретил двух симпатичных женщин, одетых в роскошные меха. Он почувствовал восхитительный запах дорогих духов. Их сопровождал генерал в военной форме и мужчина, одетый в элегантный костюм. Бегин недоумевал, как это соотносится с социальным равенством, и как следовало понимать все эти привилегии – элегантную одежду, роскошные номера, отличное питание. Он познакомился с тем, какая иерархия существовала в сетях обеспечения и торговли в Ташкенте, Самарканде, Маргилане, Джизаке. Поэтому он обратился к идеям Ленина и проанализировал ситуацию. Ведь после ликвидации угнетающего класса должен был начаться процесс постепенного отмирания государства. Но этого после революции не произошло. Наоборот, государство распространяло свою монополию на все сферы общественной и частной жизни. Вместо ликвидации классов, вместо равенства появилась новая привилегированная группа. В Советском Союзе люди завидовали обладателям привилегий. Но, по словам Бегина, в отличие от того, что было в других странах, в Советском Союзе страх был сильнее зависти, потому что НКВД находился на вершине социальной пирамиды. С помощью террора удалось «убедить» советских

.....
59 Wat, 241.

60 *Ibid.*, 249

61 *Widziałem...*, 329. То, что видела Ландфиш, наверное было организованной эвакуацией привилегированной советской номенклатуры.

граждан, насколько безнадежными будут попытки противодействовать существующему порядку. Он пришел к выводу, что в Советском Союзе не было экономического равенства, обещанного коммунистами. Однако одно равенство в этом царстве НКВД все-таки было – равенство страха.⁶²

Отношения русских с коренными жителями Средней Азии

Весьма интересно и то, как польские евреи воспринимали отношения между русскими и народами Средней Азии, а иными словами то, как им виделось отношение узбеков к русским.

Так, например, Роман Вайс пишет: «Узбеки ненавидели русских и ждали немцев».⁶³ Вместе с тем, это утверждение очень общее. К сожалению, Вайс не объяснил, как он пришел к такому выводу.

У Александра Вата упоминается мысль о том, что узбеки готовили восстание. Русское, еврейское население и все беженцы ждали кровопролития.⁶⁴

У Илоны Флутштейн есть на этот счет некоторые объяснения: во время наступления немецких войск среди населения царил тревога. Но некоторые люди с надеждой ждали поражения русских. Среди них были и узбекские националисты, которые все еще считали русских оккупантами.⁶⁵ Далее она объясняет: «В это время стали циркулировать слухи о том, что басмачи вооружаются. Так назывались борцы за свободу Узбекистана в годы гражданской войны. Люди боялись, что, если скоро что-то случится, все «белое» население Узбекистана, без всякого различия – русские,

.....
62 Бегин, 304.

63 *Widziatem...*, 404.

64 Wat, 266.

65 Немцы использовали потенциал антисоветских настроений, формируя воинские части Туркестанского легиона (*Turkistanische Legion*), которые состояли из военнопленных – представителей коренных национальностей Средней Азии. Впрочем, антисоветские настроения бытовали и в других республиках СССР. См.: Jörg Baberowski, *Der rote Terror. Die Geschichte des Stalinismus* (Frankfurt am Main, 2007) 218–221.

поляки, румыны – будут убиты басмачами».⁶⁶ Таким образом, хотя бы частично, восприятие узбеков было связано со страхом перед ними. В этом отрывке мы находим важное ключевое слово, рассказывающее нам об источнике информации об узбеках, – слухи.

Флутштейн продолжает: «Тогда я поняла, сколь велика была неприязнь (*niechęć*), которую узбеки питали к русским». Мы не должны забывать, что автор писала свои воспоминания уже будучи взрослой, оглядываясь на свое детство. Поэтому мы вправе задать вопрос, сколь глубоко 10-летняя девочка могла разбираться в таких вопросах. Но, с другой стороны, суждения детей вполне могли отражать тогдашний мир взрослых. Можно, например, предположить, что Флутштейн не была знакома с вышеупомянутым Романом Вайсом, который сформулировал свою мысль тоже уже будучи взрослым. Для девочки Илоны источником информации могли быть ее родители. Она вспоминает, что в связи с создавшимся положением отец «планировал» сбежать в Афганистан.⁶⁷

Схожую информацию можно найти в отчете польского МИДа за ноябрь 1941 года. Автор этого анализа пишет, что российские власти правят в Средней Азии на основе принципа «разделяй и властвуй». Жители среднеазиатских республик враждебно относятся к Советскому Союзу. «Настроение местного населения, как явствует из многочисленных наблюдений, до сих пор безразлично к политическим и военным событиям. Но в случае краха нынешнего режима это приведет к неорганизованной борьбе за независимость и партизанской деятельности». Автор заключает: «В случае распада советского режима, польское население будет беспрепятственно переходить границы в Афганистан и Персию».⁶⁸ Таким образом этот документ перекликается также с идеей побега, «запланированного» отцом Илоны Флутштейн.

.....
66 Flutsztein-Gruda, 89.

67 *Ibid.*, 89–90.

68 Ministerstwo Spraw Zagranicznych. Michał Tyszkiewicz: Sprawozdanie z Taszkentu z dnia 6.XI. 1941 [Министерство иностранных дел. Михал Тышкевич: Репортаж из Ташкента от 6.XI. 1941], *Instytut Polski i Muzeum im. Gen. Sikorskiego* A.7.307/16a/5.

Слухи о басмачах – часть более обширного явления. В первые месяцы после начала войны между Германией и Советским Союзом было неясно, кто победит. Но была еще и надежда, что после войны все изменится. Александр Ват вспоминает, что все его русские друзья в Алма-Ате верили, что в конце концов Гитлер потерпит поражение. Одновременно с этим они полагали и то, что солдаты, которые вернутся, будут «неукротимой силой». Россия преобразуется. Помимо этого, по его мнению, о наличии НКВД было известно, но в те дни атмосфера в Алма-Ате не была столь уж гнетущей (позже ситуация изменилась).⁶⁹ Ват далее сообщает, что все люди всех национальностей ждали прихода немцев – кроме русских и евреев.⁷⁰

В некоторых случаях опыт общения с жителями Средней Азии начинался гораздо раньше. Якуб Буковский жил и работал в Нижнем Тагиле. «Я понял, что слово “нацмен”, когда оно подчеркивается определенным образом, является выражением презрительным».⁷¹ До этого он работал в стройбате около Сызрани. Работа и жизнь в его военной части были ужасными. Но люди из «стройбата нацменов» находились в еще худших условиях. Жуковский вспоминает их цветастые халаты и незнание русского языка. Командиры относились к ним с презрением. Местный климат они выносили с трудом. Они были измучены голодом, многие умирали.⁷²

Густав Херлинг-Грудзинский описывает особые показатели смертности в ИТЛ в Ерцево Архангельской области во время его пребывания в этом лагере. «Нацмены» занимали в этой печальной иерархии довольно высокие места.⁷³ Херлинг-Грудзинский описывает также одного из заключенных, коммуниста с «тупым лицом фанатика». Другой заключенный оказался его жертвой

.....

⁶⁹ Wat, 248–249

⁷⁰ *Ibid.*, 277.

⁷¹ Jakub Bukowski, *Opowieść o życiu* [Якуб Буковский, *Повесть о жизни*] (Warszawa, 2002) 73.

⁷² *Ibid.*, 178.

⁷³ Gustaw Herling-Grudziński, *Inny świat* [Густав Херлинг-Грудзинский, *Другой мир*] (Kraków, 2006) 62–63, 67.

того, подследственным в харьковской тюрьме. Кроме этого, Херлинг-Грудзинский также пришел к выводу, что этот человек принимал участие в подавлении восстания басмачей в Средней Азии,⁷⁴ и у заключенных было много причин ненавидеть его. Выходцы из Средней Азии держались вместе и по-русски говорили плохо. Но в этом случае группу заключенных разных национальностей объединяла общая ненависть к этому бывшему следователю.

Антисемитизм?

В разных свидетельствах мы находим сообщения, касающиеся антисемитизма. Иногда описанные ситуации очень неоднозначны. Возникает вопрос: можем ли мы классифицировать это как симптом антисемитизма?

Рассмотрим отрывок, состоящий из двух предложений. В первом предложении содержится обобщение: «Местное население не хотело впускать евреев». Второе предложение описывает конкретный опыт человека: «После того, как уже в самом начале я заявила, что я христианка, мне сдали место в доме за 20 рублей».⁷⁵ Из этого описания мы видим, что на основе одного конкретного случая автор сделал обобщение. Поэтому нам трудно будет однозначно сказать, насколько автор прав. Ситуация, при которой местные жители не хотели впускать ее, могла возникнуть по разным причинам. Возможно, у них просто не было места. Мы не знаем, могло ли в данном случае заявление о христианском вероисповедании автора как-либо повлиять на решение сдать ей место. Более того, люди могли опасаться чужих, кажущихся странными людей. Мы не должны забывать, что польские евреи пережили депортацию, жизнь и работу в лагерях принудительного труда и спецпоселениях, а также долгий путь на юг. Многие из них выглядели ужасно. Люди могли бояться болезней. Автор признает, что дочь ее болела. (Хотя и не брюшным тифом, но, несмотря на это, симптомы той или иной болезни, возможно, могли сыграть свою роль). Люди также боялись властей. Автор сама

.....
74 *Ibid.*, 93–100.

75 *Widziałem...*, 44.

объясняет, что сдача комнаты в аренду могла грозить тюремным сроком. (Она не упомянула, что это происходило в тех случаях, когда беженцы не были зарегистрированы. По установкам того времени, без регистрации нельзя было устроиться на работу, а без справки с места работы нельзя было зарегистрироваться по месту жительства.

Мария Мандельброт потеряла в Ташкенте свои документы: «Пять недель мне пришлось спать на улице под открытым небом, потому что никто не хотел впускать меня без документов».⁷⁶ Автор этих воспоминаний объясняет такой отказ не антисемитизмом квартировладельцев, а отсутствием у нее документов.

Нафтали Гутман связывает произошедшую с ним аналогичную ситуацию так же не с антисемитизмом, а с отсутствием регистрации в Ленинабаде: «Они не хотели нас регистрировать, а без регистрации никто не хотел нас впускать в дом».⁷⁷

Нахум Тепер вспоминает, как его семья сняла комнату у узбека. Тот боялся, что у Теперов не было регистрации, и потребовал, чтобы они все уладили.⁷⁸

У Аделы Гутман кто-то украл в Ташкенте деньги и документы. Это повлекло серьезные последствия: «Беженка из Польши взяла меня к себе в качестве горничной, но потом она меня прогнала, потому что у меня не было документов».⁷⁹

Авторы вышеприведенных примеров не утверждают, что никто не сдавал им жилье, потому что они были евреями. Вместо этого важнейшими факторами становились отсутствие документов, регистрации или денег. У нас есть даже пример того, что среди тех, кто не готов был принимать польских евреев, были не только местные жители Средней Азии, ни и другие беженцы из Польши.

.....
76 *Ibid.*, 115.

77 *Ibid.*, 133.

78 *Ibid.*, 174.

79 *Ibid.*, 503.

Антисемитизм!

Однако, среди свидетельств мы находим примеры, демонстрирующие недвусмысленные проявления антисемитизма. В Фергане Юлиан Стрыйковский поселился в квартире вместе с женщиной, депортированной из Украины. Эта женщина спросила другую женщину, ту, которая помогла Стрыйковскому найти это жилье, почему она не сообщила ей, что он – еврей? Стрыйковский отнесся к такой форме антисемитизма с пониманием. Он раскрыл логику своего мышления: «Депортированная крестьянка была жертвой коммунистической системы и относилась к ней враждебно. Ее антисемитизм был мне понятен (...) это не подорвало моей веры в то, что в социалистической стране антисемитизма не было. Депортированная крестьянка не была частью социалистического государства. Антиеврейские настроения понятны. Украинская крестьянка могла быть наслышана о евреях-комиссарах, и, должно быть, столкнулась с ними во время коллективизации». Стрыйковский подчеркнул, что ранее он полагал, что еврей, становившийся коммунистом, переставал быть евреем. «Это (...) была вера в коммунизм, которая противостоит не только антисемитизму, но и любой национальной и расовой ненависти. Мой переход от сионизма к коммунистической идеологии носил космополитический, а не только еврейский характер».⁸⁰

Семья Зеэва Каца искала жилье уже много часов, постоянно натываясь на один и тот же ответ: «Нет места. Мы не впускаем иностранцев». Женщина-казашка, которая все же сдала им комнату, заметила: «Хорошо, что вы поляки (мы ей показали документы, согласно которым мы были польскими гражданами), а не евреи... Мне ни один из них никогда не попадался, но я слышала, что они – от черта».⁸¹ В этом конкретном случае мы видим пример предубеждения против евреев. В то же время опыт длительного поиска комнаты не дал оснований для формулировки такого утверждения как «казахи – антисемиты». Авторы мемуаров

.....
80 *Ocalony...*, 142–144.

81 Katz, 84.

описывают проявления антисемитизма не только в том, что касается предоставления жилья, но и в других ситуациях.

Очередь сама по себе является очень интересным явлением, много аспектов которого мы можем рассмотреть. Менахем Бегин указывает, например, что это было местом проявлений антисемитизма.⁸² А Юзеф Вайденфельд утверждает: «Мы стояли в очереди, чтобы получить 400 граммов хлеба. Очередь была длинная. Чтобы получить кусок ужасного, глинистого хлеба нужно было день и ночь стоять в очереди. Узбеки выгнали нас. Они издевались над евреями».⁸³

Когда ресурсы ограничены, недопуск к ним одних увеличивает шансы других. Чтобы это оправдать, в ход может пойти любой повод, в данном случае это был антисемитизм. И разные средства, в нашем случае – физическое насилие.

Юлиан Стрыйковский упоминает признак антисемитизма, проявившийся в другом месте. Он посетил чайхану. Когда узбеки узнали, что он еврей, он понял, что ему лучше уйти. («Урус нэ хорош, ты нэ урус, ты еврей, еврей нэ хорош, нэ хорош»)⁸⁴.

Как видно из истории Стрыйковского, евреи были не единственной группой, к которой узбеки в этой чайхане проявляли негативное отношение. И так же, как вновь прибывшие не могли легко определить национальную принадлежность встречавшихся им людей, так и местные жители обычно не могли определить, имели ли они дело с русскими, евреями или людьми других национальностей, – все они были чужими, «понаехавшими». А в случае евреев или поляков – это были иностранцы, присланные русскими. Можно также предположить, что страх, или свойственная советской действительности подозрительность, могли быть факторами такого негативного отношения к беженцам.

.....

82 Бегин, 314–315.

83 *Widziałem...*, 260.

84 *Ocalony...*, 139.

Объяснения враждебности и антисемитизма

Польские евреи описывали случаи проявления к ним враждебного отношения и антисемитизма. Весьма интересным является и то, как они пытались это объяснить.

Херц Шульман рассказывал: «Ташкент напоминал Белосток в осенние месяцы 1939», – он представляется автору воспоминаний столь же переполненным, каким был тогдашний Белосток. В Ташкенте много людей оставались без средств к существованию. Там не было ни организованной помощи, ни какой-либо работы. По его мнению, местные жители опасались конкуренции со стороны поляков – бывших депортированных, которые «имели более высокую квалификацию для работы, чем русские». Среди прочего, он сообщил о том, как ему уже жилось в Туркестане, где он не мог найти работу из-за соперничества, а позже ему пришлось взяться за работу, не соответствующую его квалификации.⁸⁵ Как видим, восприятие ситуации в Средней Азии формировалось на основе прежних позиций, образования и прежнего опыта новичков. Так, например, Шульман раньше был руководителем Ассоциации портных в Лодзи и членом правления профсоюзов Польши. Поэтому нас не должно удивлять, что он подчеркнул наличие соперничества на «рынке труда» и рассчитывал найти работу, которая соответствовала бы его квалификации. Сравнение Ташкена с Белостоком – следствие его жизненного опыта, связанного с миграцией.

Шульман был не единственным, кто пережил подобное столкновение между ожиданиями и реальностью. Элиэзер Хельфман рассказал, что его отец был отличным мастером. Он работал на кожевенном заводе в Бухаре, где внедрил новые, ранее неизвестные методы работы. Но работники новшеств не любили. Семья перебралась в Ташкент.⁸⁶ Дов Левин отметил, что было много причин, по которым беженцы не могли найти адекватную работу, в том числе подозрения в идеологической неблагонадежности, но в основном – ввиду царящего всюду хаоса.⁸⁷ Немалую

.....

85 *Widziałem...*, 297–298.

86 *Ibid.*, 57.

87 Levin, 102.

роль играли, разумеется, и последствия общей политики партии, которая отдавала приоритет тяжелой промышленности. Якуб Буковский пишет, что люди, такие как портные, сапожники и т. д., приезжавшие на пункт вербовки в Белосток для работы в глубине СССР, не могли рассчитывать на работу по своей специальности, и их нанимали на строительные работы.⁸⁸ Однако был еще один фактор. Поляки – выходцы из больших городов и маленьких городков, оказывались в сельской местности.

Во многих случаях новички не могли найти работу вообще, что означало большую опасность – смерть от голода. Поэтому они искали другие способы выживания. Одним из них была торговля, которая рассматривалась как одна из причин возникновения антисемитизма. Торговцам вменяли в вину высокие цены. Как писал Якоб Розенблюм, «беженцы начали торговать, что усилило антисемитизм у узбеков»⁸⁹.

Антисемитизму давались и другие объяснения. В одном из свидетельств мы читаем: «Было невозможно найти жилье. Из-за поляков среди узбеков усилился антисемитизм, они не хотели сдавать квартиры евреям. Люди спали на улицах».⁹⁰ Мы предполагаем, что влияние поляков на узбеков не могло быть столь уж значительным. Вместо этого, мы можем в некоторой степени предположить, что это больше говорит нам о некоем предыдущем опыте (например, в Польше), сквозь призму которого человек воспринимал причины проявлений антисемитизма в Средней Азии. Александр Ват также утверждал, что поляки (неевреи) научили антисемитизму жителей села Молотовабад, где до этого о евреях никто не слышал. Интересно, что в качестве примера им не был назван ни один крупный город, а была названа деревня. Сам он там не жил, поэтому можно предположить, что все это он услышал от кого-то. К сожалению, он не объяснил, как он пришел к такому заключению.⁹¹

.....
88 Bukowski, 59.

89 *Widziałem...*, 318.

90 *Ibid.*, 317.

91 Wat, 285–286.

Автор другого свидетельства, который жил в Джамбуле, не упоминал поляков, но пришел к выводу, что развитие антисемитизма в Средней Азии происходило по вине русских. «Первоначально казахи в Джамбуле евреев от русских не отличали. Это началось только позже, когда под влиянием русских и среди казахов стали проявляться антисемитские настроения».⁹²

Ноэми Добрин ехала из Куйбышева через Алма-Ату во Фрунзе. «На протяжении всего пути я наблюдала враждебное отношение не только к польским, но и к русским беженцам».⁹³ В этом сообщении нет никаких подробностей. Но мы можем видеть, что Добрин не упоминает польских евреев в качестве группы, к которой питали какую-то особую неприязнь или ненависть. Концентрация очень большого количества беженцев рассматривалась негативно не только местными жителями. В свидетельствах слышны и другие голоса. Так, например, пишет Якуб Калман, попавший в Самарканд: «Нам было хуже, чем во время ссылки».⁹⁴ Большое количество беженцев само по себе также воспринималось как проблема. Поэтому вряд ли удивляет такое утверждение: «Мы поехали в Туркменистан, где мы пребывали в относительном достатке, потому что этот маршрут не был знаком беженцам».⁹⁵

Для понимания феномена антисемитизма очень интересно и важно рассмотреть свидетельства тех, у кого была возможность проследить за изменением настроений населения Средней Азии с течением времени: «Поначалу узбеки относились к нам с сочувствием. Через несколько месяцев они начали проявлять по отношению к нам враждебность».⁹⁶ Молодая женщина, которая прибыла в Ташкент до волны беженцев, через некоторое время заметила изменения: «Сначала местное население было очень до-

.....

92 Levin, 112. Он, однако, также упоминает весьма ощутимые примеры антисемитизма среди поляков-неевреев: случаи, когда польских евреев, принятых в польскую армию, выбрасывали из поезда, или надписи на вагонах с польскими солдатами «бей евреев!». Именно это и повлияло на решение Вата не вступать в польскую армию.

93 *Widziałem...*, 340.

94 *Ibid.*, 441.

95 *Ibid.*, 470.

96 *Ibid.*, 428.

брожелательно к нам. Но позже все изменилось. Мы столкнулись с сопротивлением и враждебностью местных жителей. Не хватало еды. Болезни уносили жизни беженцев».⁹⁷ Это свидетельство (как и многие другие) посвящено тяжелому положению беженцев. Следует, однако, подчеркнуть, что вследствие колоссального наплыва эвакуированных не только беженцы, но и местные жители ощутимо страдали из-за перенаселенности, роста цен и нехватки продовольствия, а также из-за массового распространения болезней, которые одинаково поражали и эвакуированных и местных жителей.

Другая молодая женщина, находившаяся в Бухаре, сообщала: «Поначалу все было очень дешево, но затем, с прибытием беженцев, цены выросли, росло и возмущение по отношению к вновь прибывшим». Она познакомилась с бухарскими евреями, которые были обеспокоены тем, что с прибытием беженцев все стало дороже, и неприязнь к приезжим усиливалась.⁹⁸

В конце мы хотели бы представить феномен беженцев и враждебности по отношению к ним в Средней Азии в другом свете. В одном из свидетельств читаем: «Местные жители принимали «беженцев» не очень охотно и не хотели сдавать квартиру или комнату. В лучшем случае предлагали отдельные кровати по непомерно высокой цене».⁹⁹ На первый взгляд может показаться, что речь идет еще об одном свидетельстве беженца о Ташкенте или Бухаре. Однако автор этого фрагмента, Якуб Буковский, описывает ситуацию в Белостоке, переполненном беженцами из оккупированной немцами части Польши в 1939 году. Вот что пишет польский еврей: «Местное население, в большинстве своем евреи, не питало дружеских чувств к пришельцам с западной территории, оккупированной фашистами». Он охарактеризовал негативное отношение евреев из Белостока к беженцам как очень распространенное.¹⁰⁰ Сравнение свидетельства Буковского из Белостока со свидетельствами польских евреев из Средней Азии,

97 *Ibid.*, 411

98 *Ibid.*, 174.

99 Bukowski, 54.

100 *Ibid.*, 57–58

где описывается негативное отношение к ним, позволяет нам получить гораздо более широкую перспективу и прийти к несколько более универсальным выводам.

Без сомнения, случаи антисемитизма в Средней Азии были. Но как мы видим в целом, негативное отношение к прибывшим в республиках Средней Азии распространялось не только на польских евреев. Сравнение с ситуацией в Белостоке нам также показывает, что во времена кризисов и у евреев, как и у местных жителей, могло появиться негативное отношение к беженцам (в том числе и к беженцам-евреям).

Во время войны в Средней Азии был масштабный кризис, произошедший из-за массового наплыва населения. Мужчин призывали в армию и отправляли на фронт, а женщины, дети и старики оставались. Регион наводнили миллионы эвакуированных и беженцев из других советских республик. Среди них были и ранее депортированные граждане Польши. Переполненность и хаос в сочетании с болезнями, нехваткой жилья, пищи и лекарств привели к серьезнейшей гуманитарной катастрофе. Многим не удалось выжить. И все же для очень многих переезд в Среднюю Азию оказался спасительным.¹⁰¹ На этом общем фоне особенно впечатляют различные примеры того, как складывались в этих местах дружеские отношения, как люди делились пищей и помогали друг другу в сложнейших условиях.

Заключение

Каждый из упомянутых выше рассказов содержит свою, исключительную и необычную историю людей, которым в критические моменты жизни суждено было оказаться в Средней Азии. Каждая из этих историй сама по себе уже отражает некий жизненный опыт. Читая множество таких историй, мы собираем из них, как из мозаики, картину пережитого. Это не значит, что это даст нам простые ответы на наши вопросы. Некоторые факты и мнения переходят из одного воспоминания в другое. Они раскрывают нам некоторые модели действия и мышления. В отличие от

.....

101 О польских гражданах в Узбекистане см. также: Шодмонкул Пиримкулов, *Сургунокилинган поляк фукаролари Ўзбекистонда (1941–1946)* (Тошкент, 2006).

этого, другие модели, кажется, противоречат им. Тогда мы начинаем лучше понимать, как сложно и по-разному может восприниматься та или иная группа, даже если нам удалось представить только некоторые аспекты нескольких свидетельств польских евреев, которые находились в Средней Азии только часть времени, проведенного в Советском Союзе. Даже если у этой группы были общие черты, которые позволили нам назвать их «польскими евреями», сама группа не была гомогенна. Восприятие ситуации в Средней Азии зависело от возраста беженцев, пола, прежнего положения, образования, жизненного опыта и т. д. В статье мы могли лишь кратко обрисовать, насколько важен контекст для понимания ситуаций, отображенных в воспоминаниях.

Эвакуированные евреи в Башкирской АССР (1941–45 гг.): демографические, культурные и психологические аспекты

.....

Эмма Шкурко

Почти четыре тысячи евреев проживали перед войной в Башкирской АССР. Старшее поколение придерживалось традиций: справляли праздники, готовили традиционные блюда, женщины не работали, занимались хозяйством. Жили скромно, но достойно. С началом Отечественной войны в Башкирию было эвакуировано более 100 промышленных предприятий, а также научные учреждения, вузы и научно-исследовательские институты, вместе с которыми здесь оказались тысячи людей, цвет научной, культурной и технической интеллигенции. Республика приняла и разместила свыше 278 тысяч беженцев.

Только в Уфу за 1941–42 гг. прибыло 104 тыс. эвакуированных. Если по переписи 1939 г. здесь насчитывалось 250 тыс. человек, то к началу 1945 г. – 382 тыс. вместе с Черниковском, городом-спутником, построенным в годы войны на месте деревни Черниковка. К 60 промышленным предприятиям прибавилось более 40 эвакуированных.¹ В этом огромном людском потоке евреи составляли значительный процент, и за несколько первых военных

.....

1 ЦГИА РБ (Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан). Ф. 472. Оп. 6. Д. 858. Л. 34, 80. Цит. по: История Уфы (Уфа, 1981).

месяцев численность еврейского населения республики увеличилась в десятки раз.

Евреев, оказавшихся в эвакуации, можно условно разделить на две группы. Первую составили руководители производств, инженерно-технические работники, рабочие высокой квалификации, прибывшие вместе со своими предприятиями, а также представители научной и творческой интеллигенции. Вторая часть состояла из беженцев.

Представители первой группы были образованные, в большинстве своем достаточно ассимилированные и не соблюдавшие еврейских традиций люди. В новых условиях они продолжали заниматься своей работой, получили приличное жилье в благоустроенных квартирах (строителям чаще всего приходилось строить общежития, развешивать палаточные городки), пайки. По Башкирскому обкому КПСС на 1 января 1942 г. состояло 1548 евреев – членов партии и 350 кандидатов, всего 1898 человек (по Уфимскому горкому соответственно – 733 и 163). Евреи-коммунисты были направлены во все районы республики.² За короткий срок вместе с другими эвакуированными они сумели наладить производство, организовать строительство и изыскательские исследования, научную и пропагандистскую работу, развернуть госпитали для раненых и больных воинов.

Одним из организаторов эвакуации научных учреждений АН Украины был профессор Илья Анисимович Хризман. Химико-физическую секцию АН УССР возглавлял академик А.И. Бродский. Академики И.Г. Гольденберг, С.А. Берзон из АН УССР работали по созданию новых строительных материалов. В создании проекта вагоноремонтного завода участвовал академик Я.А. Корнфельд. Профессор Маргулис выполнял научные исследования для промышленных предприятий.³ Директор Уфимского механического завода Б.А. Волынец входил в Комитет обороны

.....
2 ЦГАОО РБ (Центральный государственный архив общественных объединений Республики Башкортостан). Ф. П-122. Оп-22. Д. 288.

3 *Документы мужества и героизма (Башкирия в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.). Документы, материалы* (Уфа, 1980).

страны, директором ЦЭС Ишимбайнефти был Штительман, передавший в фонд обороны 1200 руб.⁴ Израиль Аркадьевич Болотовский, начальник цеха Рыбинского авиационного завода, сумел за короткий срок организовать эвакуацию этого завода в Уфу, сам покинул Рыбинск с последней группой рабочих. 10 декабря 1941 года, когда они прибыли в Уфу, немцы объявили, что авиация уничтожила крупнейший советский авиазавод, но ни одного станка и ни одного работника там уже в это время не было. Его брат Самуил Аркадьевич в годы войны был представителем ЦК ВЛКСМ, членом первого парткома моторостроительного завода, производившего моторы для тяжелых бомбардировщиков.

Из воспоминаний эвакуированного из Одессы архитектора-художника Фельдштейна В.Л.⁵

«В Уфе я встретил бывшего главного инженера Украинского управления культуры, заказавшего перед войной мне и скульптору Теннеру Г.С., тоже эвакуированному в Уфу, проекты ряда памятников. Он предложил мне работу, и более трех лет я проработал в техотделе треста № 3 завода высокопрочного гипса. (...) За ночь пришлось сделать план и профили фундамента больницы на 150 коек. Строить начали в тот же день (в обычных условиях на это уходило две-три недели). Снабжение осуществлялось по карточкам, торговля была ограничена, промтовары получали по талонам. Поощрением был талон на второе горячее блюдо и 200 гр хлеба. Около деревни Черниковка построили восемь пар котлов открытых, вокруг разбили палатки на 40 человек, обогревались трубами. Строились одноэтажные общежития и двухэтажные жилые дома. К осени 1943 г. палаточных городков не осталось».

В начале 1942 г. трест № 3 поручил проектирование здания обкома партии Фельдштейну и другим одесситам – архитектору Топузу, художнику Мучнику, скульптору Фридману. Мучник создал панно «Башкирская дивизия».

.....
4 Красная Башкирия. № 184. 8. авг. 1941.

5 Воспоминания предоставлены сотрудником Национального музея РБ В.Н. Макаровой.

В Стерлитамак был эвакуирован Одесский станкостроительный завод им. Ленина, выполнявший задания правительства по выпуску специальных агрегатных станков для оборонной промышленности. Начальник инструментального цеха этого завода Иона Моисеевич Мармер в 1940 году был отправлен из Одессы в Швейцарию за станком координатной расточки, которых тогда не было в СССР. Талантливому инженеру предложили остаться работать в Швейцарии, но он это предложение не принял и несколько месяцев пробыл через Европу, где уже разгоралась Вторая мировая война, бережно сохраняя драгоценные детали. А вскоре пришлось ему вместе с заводом эвакуироваться в Стерлитамак, где и был впервые в стране запущен в производство сверхточный станок.

Руководил размещением эвакуированных Славянского и Донецкого содовых заводов секретарь Стерлитамакского обкома партии Левинский. Агитколлективом Стерлитамакского станкостроительного завода руководил Эльцин. Секретарем комитета ВЛКСМ завода был в эти годы Коган.

Среди заводчан, удостоенных в конце войны высоких правительственных наград, было шестеро евреев. Директор завода Изя Львович Эльцин был награжден орденом Ленина, главный инженер Яков Моисеевич Багановский – орденом Трудового Красного Знамени, зам. главного инженера Лазарь Борисович Эрлих – орденом «Знак Почета».⁶ Государственных наград были также удостоены: еврейский писатель Давид Гофштейн, председатель президиума Уфимского горпромсоюза А.Я. Ихельман, директор завода № 11 А.Я. Малкин, директор завода № 154 Б.М. Данович, председатель инвалидной артели «Кооператор» И.М. Исерс, художественный руководитель оперного театра Петр Славинский, зав. отделением Башкирского областного тубдиспансера А.Х. Рабинович, столяр Шиндин⁷.

В годы войны в Уфе жил и работал известный музыковед Л.Н. Либединский, в училище искусств преподавали пианисты

6 История города Стерлитамака (Башкирский университет, 1994) 104–105.

7 ЦГОО РБ. Ф. П-122. О-24. Д. – 67.

Вайнтрауб из Москвы и Б.А. Гольдштейн из Одессы. В художественной мастерской при филармонии работали одесский концертмейстер Саксонский, киевский балетмейстер А.М. Соболев, московский режиссер И.С. Чернецкий, профессор-композитор ответственный фаготист Вагнер, скрипач Московской консерватории Гетман, художественным руководителем был Белоцерковский. Здесь выступали с концертами заслуженный артист УССР А. Сонц⁸, известная еврейская певица Анна Гузик.

Продолжала работать Лина По (Полина Горенштейн), человек удивительного мужества, балерина, которая, потеряв зрение, стала скульптором. Некоторое время находился в Башкирии выдающийся художник Роберт Фальк.

Эвакуировался в Уфу 70-летний художник Яков Хаст, молодость которого прошла в Париже, где он закончил Академию изящных искусств, и где его работы на протяжении 16 лет выставлялись в художественных салонах на Елисейских полях. Он избежал неминуемой смерти в гетто или в каком-нибудь бердянском рву, как большинство его соплеменников, но навсегда разлучился с родным Бердянском, где оказался во время Первой мировой войны, своими картинами, студией, которая была его домом. В Уфе он работал в артели «Башхудожник», по совместительству преподавал рисунок и композицию студентам 1-2 курса Уфимского театрально-художественного училища. Он любил рассказывать своим студентам о дружбе с Ильей Ефимовичем Репиным и Амедео Модильяни. Приходилось также брать заказы, делать ремесленнические поделки – рисовать портреты с фотографий погибших, изображать тех, кого никогда не видел. Мать приносила фото сына, жена – мужа. Но его приглашали рисовать и известных людей. Словом, довелось побывать и «придворным живописцем». После войны возвращаться в Бердянск было тяжело – все было разорено, его картины стали достоянием немцев, вывезших их в Германию на двух машинах. Вероятно, они попали в музеи и частные коллекции. Он умер в Уфе восьмидесяти лет, а в 2006 году имя Хаста было внесено в 3-й том 5-го издания

.....

8 Документы мужества и героизма.

справочника «Единый художественный рейтинг» (художники и графики России).

Художественным руководителем Госцирка был орденоносец Бре-слер. Артисты Ленинградской еврейской оперетты в клубе Карла Маркса (ныне Дом офицеров) показывали спектакль «А хасане он клезмер» («Женитьба музыканта»)⁹. Были эвакуированы из Кие-ва выдающиеся фольклористы Моисей Яковлевич Береговский,¹⁰ занимавшийся в годы войны изучением башкирской народной инструментальной музыки,¹¹ Е. Володарская и Марк Михайлович Плисецкий.

Эвакуированным из Украины писателем Яковом Зиновьевичем Городским создано много произведений о Башкирии и сделаны переводы башкирских авторов, Елена Яковлевна Ильина пере-вела сборники стихов башкирских поэтов «С отвагой в сердце» (1942).¹² Среди писателей, эвакуированных из Киева, был Натан Рыбак, вокруг которого разгорелся конфликт в возглавляемом им Союзе писателей.¹³

.....

9 Красная Башкирия, № 236 (8.10.1941). Речь идет о Ленинградском государственном ансамбле еврейской комедии под художественным руководством С.И. Гольдберга. См.: Тамара Смирнова, «Еврейский театр в Петрограде-Ленинграде» // *Материалы двенадцатой Ежегодной международной междисциплинарной конференции по иуде-ике*. Часть 1, Академическая серия, Выпуск 18 (М., 2005) 393–394.

10 Моисей Яковлевич Береговский широко известен исследованиями еврейской на-родной музыки и фольклора. Большая часть оставленного им обширного научно-го наследия уже опубликована.

11 Марат Ильгамов, Марина Саитова. «“Как путники у общего костра...” – Академия наук Украинской ССР в Башкирии в годы Великой Отечественной войны» // *Ма-териалы международной научно-практической конференции «Развитие социаль-но-экономического сотрудничества Башкортостана и Украины»* (Уфа, 2003) 95.

12 ЦГАОО РБ. Ф. П-122. Оп-21. Д. 292.

13 Натан Рыбак – украинский советский писатель, автор исторических романов. Был обвинен представителями украинской творческой интеллигенции в администри-ровании, высокомерии. Однако критические высказывания в его адрес, за исклю-чением одного, не носили явной антисемитской окраски. См.: Mordechai Altshuler (intr.) “Were a Majority of the Creative Intelligentsia Antisemitic? A Letter of the Head of NRVD to Nikita Khrushchev in 1943” // *Jews in Eastern Europe* (The Hebrew University of Jerusalem, Fall 2000) 76–85.

Профессор Зейлигер 1 октября 1941 года доставил из Одессы в Уфу более 300 экспонатов музеев русского, украинского, западно-европейского искусства.

Впоследствии им же было доставлено более полутора тысяч произведений из различных украинских музеев, эвакуированных через Пензу, Саратов.¹⁴

Большой вклад в здравоохранение республики вносили эвакуированные медики, среди которых было немало выдающихся ученых. В годы войны в республике были развернуты эвакуогоспитали, через которые прошли около 250 тысяч раненых и больных. Среди 50 профессоров и доцентов, постоянно консультировавших в госпиталях, были: А.А. Айзенберг, К.С. Бурксер, А.С. Альтшуль, Д.В. Горфин, Ц.Д. Пик, А.Э. Гольдфедер, С.А. Городецкий, Б.Э. Лимберг, И.М. Эпштейн. Заведовала горздравом С.З. Гробина. Большой вклад в организацию лечебно-профилактической работы в годы войны, наряду с другими организаторами здравоохранения, внес заместитель наркома Иосиф Исаевич Геллерман.

В годы войны в Уфу были эвакуированы военные училища, в которых преподавали опытные командиры. Г.А. Вагнер в 1941–42 гг. был начальником училища воздушного наблюдения, полковник Бендерский – руководителем огневого дела в пехотном училище; в медицинском институте заведовал кафедрой военной и военно-санитарной подготовки полковник медицинской службы В.М. Левитан, а с 1945 г. – полковник М.Б. Лейбович, в авиационном институте руководил военной подготовкой подполковник, боевой летчик, кавалер двух орденов Боевого Красного Знамени Хаим Янкелевич Хашпер,¹⁵ преподавал в Давлекановском военно-авиационном училище Михаил Ефимович Миркин, потом, несмотря на бронь, ушел добровольцем на фронт, дошел до Берлина.

.....

14 В.М. Сорокина. «Сотрудничество башкирских и украинских музеев и художников» // *Материалы международной научно-практической конференции «Развитие социально-экономического сотрудничества Башкортостана и Украины»* (Уфа, 2003) 104.

15 Михаил Бикмеев, *Башкортостан – кузница офицерских кадров* (Уфа, 1998).

Следует отметить, что образ жизни, язык, менталитет зачастую ничем не отличали их от коллег других национальностей. По окончании войны многие из эвакуированных, особенно москвичи, ленинградцы, киевляне, вернулись домой.

В ярком отличии от первой группы, беженцы, представители второй, были более многочисленные, менее обоснованными и по прибытию сталкивались с множеством трудностей. В основном, беженцы прибывали из западных областей СССР, а также Москвы, Ленинграда. Днем и ночью под огнем противника шли эшелоны, увозя на восток стариков, женщин, детей. Путь был долог, полон опасностей. Воспоминания беженцев помогают представить, как все это было. На всю жизнь запомнил Аркадий Вайн, как его мама Елизавета Вайн-Кантерман, потерявшая мужа, военного хирурга Симона Вайна, погибшего вместе с ранеными на пароходе «Армения», во время бомбежки прикрывала его, 8-летнего мальчика, и трехлетнего брата Виктора своим телом и сумела уберечь детей.¹⁶

***Из воспоминаний Шкурко Чары Наумовны (Фридман Черны Нехемовны)*¹⁷**

«Когда началась война, мой старший брат Марк Наумович Фридман, ассистент Винницкого мединститута, повидав ужасы войны (пройдя хирургом финскую кампанию, участвуя в освобождении Западной Украины и Бессарабии, за что был награжден орденом Красной Звезды, комиссованный по болезни), вывез своих родителей Эстер Яковлевну и Нехемье Янкель-Берковича Фридман, сестер Черну и Лизу, младшего брата Яшу и Клару, жену старшего брата Давида, как потом стало известно, пропавшего без вести в первые дни войны, с 2-месячным ребенком.

Эшелон шел под огнем противника, по дороге часто встречались разбомбленные поезда. Крики, плач, стоны... Была жара, душно,

.....

16 Она осталась в Уфе, закончила мединститут, работала много лет, дала детям высшее образование, прожила долгую достойную жизнь (99 лет). Наверное, она была самой старой еврейкой в Уфе.

17 Записано со слов моей матери Шкурко Ч.Н. Май 1991 г. Уфа.

крохотная Ривочка непрерывно плакала – у матери не было молока. Физиологические потребности люди отправляли под вагонами во время стоянок. Молодые девушки стеснялись, что едва не закончилось кишечной непроходимостью.

Мы хотели остановиться в городе, где был бы медицинский институт. В Воронеже нам сказали, что город будет сдан, и мы двинулись дальше. На 19-й день пути местность стала холмистой, на вокзале за окном появились старики с остроконечными седыми бородами, слышалась незнакомая речь. Это была Уфа...

Здесь и остановились. Поселили всех в одной комнате в двухэтажном бревенчатом доме по адресу ул. Сталина, 17.

Я, Яков и Лиза стали учиться в мединституте, где было много евреев. К ним относились по-разному. Преподавали профессора, эвакуированные из Москвы, Киева, Ленинграда.

Заболев туберкулезом, получала дополнительное питание. Мама, как и все матери, каждое утро встречала почтальона – какую весточку он принесет. Ждала сына даже после того, как закончилась война.

Уфимский мединститут я закончила в 1944 году и была направлена в только что освобожденный маленький белорусский городок Глуск.

Предшественницу, врача, убили скрывавшиеся в лесах бывшие полицаи. Хозяйка прятала меня в подвале, когда приходил ее сын-полицай и кричал, чтобы ему отдали «жидовочку». Она кормила меня с ложечки, когда болела. Мне удалось завоевать уважение пациентов, стать своей, т.к. я научилась не показывать страх. Однажды во время обеда мужики предложили выпить кружку спирта и с любопытством ждали, как я отреагирую. Но, лихо отхлебнув из кружки, я стала «своей».

Я близко сошлась с семьей Брум, воевавшей в еврейском партизанском отряде, переписывалась с родителями, а потом и с выросшими детьми.¹⁸

Из воспоминаний Эттель Давидовны Шапиро¹⁹

Родилась в 1924 году в Киеве, жили при заводе, где работал отец... Мамина сестра Эйде была талантливой пианисткой, до революции закончила с отличием консерваторию в Санкт-Петербурге. Ее муж учился в Женеве, умер перед самой войной. Деньги, полученные тетей за потерю кормильца, она отдала сестре, сама тетя осталась в Киеве, не желая оставлять могилу мужа. А потом был Бабий Яр. В первые дни оккупации погибли 22 близких родственника Эттели, которых она не может забыть всю жизнь. Родителям Эттели и ее сестре Юлии удалось уехать из Одессы, где они жили перед войной, купив билет на пароходик за тетины вдовьи деньги. Ехали в трюме среди угля, на палубу выходить не разрешалось. Тем не менее, удалось впервые увидеть Черноморское побережье. Из Новороссийска добрались до хутора в Краснодарском крае, колхоза «Путь хлебороба».

Сестра заболела тифом, едва выжила.

Наступление немцев вновь сняло семью с места.

Перебрались в Сталинград, собирались обосноваться, но какой-то штатский, спасибо ему, сказал, чтобы пробирались быстрее за

.....

18 В 1948 г. она вернулась в Уфу, т.к. тяжело заболела ее мать. И здесь маленькая скромно одетая не очень уже юная женщина сумела убедить «старого холостяка, самого лучшего жениха Уфы», как называли Шуру Шкурко, что после гибели 6 миллионов евреев необходимо создать семью и родить детей. Она хотела шестерых, но получилось только двое, они выбрали профессию матери, тоже став врачами. Марк Наумович Фридман стал профессором-терапевтом, Яков – лучшим специалистом по легочному туберкулезу. Оба брата женились на эвакуированных еврейках, тоже ставших врачами. Ее сестра Елизавета была прекрасным врачом, но рано ушла из жизни. Находились обыватели, которые связывали ухудшение своего материального положения и бытовых условий с наплывом беженцев, но в годы войны большинство жили дружно, «семьей единой». Когда хоронили дедушку, мама поклонилась и произнесла слова благодарности дому, ставшему для ее семьи родным в эти страшные годы.

19 Записано со слов Э.Д. Шапиро 31 Июля 2014 г., Уфа.

Волгу. Повезли их на Урал. Люди пробирались под вагонами, на глазах Эттель погибла женщина.

Ехали 30 суток. Естественные потребности приходилось справлять на ходу. На стоянках отворяли тяжелые вагонные двери и спрашивали, есть ли покойники.

Отца мобилизовали в трудармию.

И вот, наконец, Уфа. Работала в мастерских промстроя МВД, шила кирзовые задники для ботинок.²⁰

На Уфимском вокзале, на маленьких станциях их встречали толпы людей разных национальностей. Они приводили приезжих, голодных, оборванных, завшивленных к себе домой, кормили, ухаживали за ними, помогали найти работу, поддерживали морально. Благодарную память об этом хранят не только дети войны, но и родившиеся и выросшие на земле Башкортостана их уже взрослые сегодня дети и внуки. Улицы «штетла», небольшого района вокруг синагоги, где с конца XIX века селились евреи и где они вели привычный образ жизни, занимались традиционными занятиями, говорили на идиш, приняли на себя основной поток беженцев.

Выросшие в бывшей черте оседлости, окончившие в довоенные годы еврейские школы и техникумы, они принесли с собой дух местечек, язык, традиции. Многие из них остались жить здесь после войны. Они значительно увеличили численность еврейского населения БАССР. Согласно переписи населения 1959 г., оно составляло свыше семи тысяч человек. Идиш звучал на уфимских улицах до конца 1960-х годов. В Уфе, в семьях эвакуированных евреев, родились: в 1941 г. писатель Сергей Довлатов, а в 1944 году – выдающийся скрипач и дирижер Владимир Спиваков, чей отец приехал с фронта после ранения, в 1943 г. – в пос. Давлеканово – Людмила Улицкая.

.....

20 В 1944 г. поступила в мединститут, закончила его в 1949-м, уже имея семью, 32 года проработала врачом-лаборантом, зав. лабораторией. Выросли дети, внуки, правнуки. В 2014 г. отметила девяностолетие.

Архивные данные дают лишь приблизительное представление о том, сколько было беженцев. Не учитывались дети. Тем не менее, в списках эвакуированных из прифронтовой полосы и прибывших в Уфу в первые месяцы войны, евреи составили значительный процент (по данным израильского историка С. Швейбиша евреи среди эвакуированных в первые военные месяцы в среднем составляли 24, 8%²¹, по данным М.Н. Потемкиной – 30%²²). Можно предположить, что эти цифры близки к числу эвакуированных в БАССР. Опрошенные старожилы вспоминали, что порой люди записывались представителями коренного населения республики (скорее всего, в сельской местности).

Материальный уровень и условия их жизни были несопоставимы с условиями жизни первой группы мигрантов. Беженцев расселяли по общежитиям, коммуналкам, частным квартирам (нередко по восемь–десять человек в комнате), многих – в селах и деревнях. В Давлеканово поселили ленинградцев, среди них было немало ученых. Жителям запомнился человек по фамилии Ландау, весь багаж которого состоял из чемодана с книгами. В Юматово находились сотни эвакуированных детей. Сюда приезжали родители, и, случалось, находили здесь своих. Образовательный и культурный уровень приезжих был существенно выше, чем у местного населения, особенно в сельской местности. Среди эвакуированных было немало учителей, воспитателей, оказавших заметное влияние на культуру села. Они устраивали концерты, вечера отдыха, организовывали хор, читали лекции. Здоровый образ жизни, система воспитания детей, крепость семейных устоев становились образцом для подражания. Эвакуированные счетоводы, бухгалтеры, кассиры, повара, экспедиторы, слесари, токари активно включались в жизнь республики, ставшей для многих из них второй родиной. Ветераны труда вспоминают, что на нескольких заводах были «еврейские» цеха, т.е. работали

.....

21 С. Швейбиш, «Эвакуация и советские евреи в годы Катастрофы», *Вестник Еврейского университета в Москве* 1995 № 2 (9) 36–55.

22 М.Н. Потемкина, «Эвакуация и национальные отношения в советском тылу в годы Великой Отечественной войны (по материалам Урала)», *Отечественная история* №3 (2002).

практически только одни евреи. К станку вставляли 15–16-летние ребята и люди преклонного возраста.

Заместитель комсорга завода телефонной аппаратуры бригадир Александр Гольденберг, награжденный Почетной грамотой ЦК ВЛКСМ, был делегатом Всесоюзного совещания бригадиров комсомольско-молодежных бригад в 1944 году в Москве. В 1943 году 16-летний Абрам Крейс по путевке райкома пошел работать в Уфимское депо кочегаром на паровозе, возившем пассажирские и санитарные составы под литерой «С». Окончив Чкаловское училище зенитной артиллерии, принимал участие в 1954 г. в испытании атомной бомбы на Тоцком полигоне. Абрам Иосифович является ветераном подразделения особого риска.

Находилась работа и для тех, кто не имел специальности. Так, в эвакуированных из Киева мастерских Главпромстроя НКВД трудились домохозяйки, подростки.

Хлебные карточки с максимальной нормой хлеба – 800 гр. были лучшим материальным вознаграждением, а голубые шинели немецких офицеров – премией передовикам производства.

Часть оказавшихся в эвакуации более образованных интеллигентных людей, как правило, горожан, жила в более комфортных условиях, многие переселялись в город-спутник Уфы Черниковск, где создавался мощный промышленный потенциал республики и их профессии были более востребованы (в 1956 году был присоединен к расположенной южнее Уфе).

Отношение их к основной массе беженцев из местечек было несколько отстраненным. И не всегда материальный уровень являлся «водоразделом»: эти, в основном, ассимилированные люди, часто стеснялись малообразованных простых людей, их «жаргона». Интересно, что спустя семь десятилетий после окончания войны, автор получила кучу агрессивных упреков от сотрудницы редакции одного их журналов культуры Башкортостана в том, что в своей книге об истории евреев Башкортостана²³ не указаны фамилии многих жителей, в свое время эвакуировавшихся из Грод-

.....

23 Эмма Шкурко, *Очерки истории евреев Башкортостана* (Уфа, 1999).

но, Витебска и др. городов. На попытку объяснить, что еврейский национально-культурный центр «Кохав» и автор неоднократно обращались с просьбой предоставить воспоминания, рассказать об истории своей семьи, достойных людях, получила ответ: «Вы же писали только о местечковых, потому что сами такая».²⁴

Значительное увеличение населения не могло не вызвать определенные сложности и недовольство отдельных местных жителей, которых «уплотняли», подскочили цены на рынке, зимой 1941–42 гг. голодающим людям приходилось сутками стоять на морозе за пайком хлеба. Впрочем, так было повсюду. К чести наших сограждан, большинство из них поняло беду людей, потерявших на оккупированных территориях все: близких и кров.

Почти у всех кто-то из близких был на фронте, и каждый день с тревогой и надеждой люди вглядывались в идущего почтальона – какую весть он несет? Только в Уфу пришло свыше 450 «еврейских» похоронок. Журнал «Мишпоха» описал одну из таких семей. Борух и Годл потеряли 5 сыновей, но каждые 2–3 мес. Годл объявляла, что завтра приедет сын, готовила, накрывала стол, «встречая очередного сына», а потом страшно ругалась, что опять никто не приехал.²⁵

Было бы неверным игнорировать тот факт, что война вызвала всплеск антисемитизма не только на оккупированных территориях, но и в глубоком советском тылу. Облик, манеры и язык эвакуированных отличали их от окружающих и, порой, вызывали неприятие. Хранящиеся в архиве общественных объединений РБ документы дают возможность судить о том, каковы были реалии тех лет.

Лектор Л.Е. Якобсон, выступавший в разных районах республики и беседовавший как с местным, так и с эвакуированным населением, обратился в обком партии с докладной запиской «О некоторых явлениях межнациональной розни в БАССР».

.....
24 Автор – потомок старожилов края, николаевского солдата и уфимского раввина конца XIX в. Скорее всего, в конце 1990-х люди боялись давать информацию о себе, а потом увидели, что никто не пострадал.

25 *Мишпоха* № 12 (2002) 105–107.

«В одном из колхозов в поле местные жители не дали воды измученной жарой эвакуированной русской женщине, которая в конце концов упала без сознания. В Бирске циркулировали слухи о том, что пропавший без вести мальчик, русский по национальности, убит евреями, причем убийство носит ритуальный характер, «мол, евреи на свою Пасху пьют кровь у русских младенцев». Эту отвратительную легенду слышал из самых разных источников. В середине мая был найден труп пропавшего мальчика в одном из колодцев в Бирске, и только тогда слухи прекратились.

Зав. отделом пропаганды говорил, что эти явления возникли с наплывом эвакуированных (в известной части, евреев).

В райпрокуратуре лежит заявление одной еврейки, которую терроризирует, гонит с квартиры ее хозяин за то, что она – еврейка. Достойна удивления позиция райпрокуратуры, положившей под сукно это дело.

В марийском селе Шелкановка мальчишки-школьники марийцы и русские буквально затравили еврея Женю Фурманова (10 лет, 3-й класс). Никогда марийцы не знали чувства антисемитизма.

В Белебеевском районе в одном из сел жители отказались расселять эвакуированных, если они были евреями. В Нуримановском районе на бумажной фабрике «Красный Ключ» работало несколько евреев из Гомеля. В январе–феврале 1942 г. на фабрике избит до полусмерти рабочий-еврей. Секретарь парторганизации, как заявил лектор обкома т. Плисецкий, игнорировали политический характер этого дела, рассматривая его как обычное хулиганство.

В Ждановский райком партии г. Уфы поступило заявление военврача III ранга Красногорского Ш.А., инвалида войны, который жаловался на жестокое отношение к нему со стороны редактора Башкир книгоиздата, члена ВКП (б), родного брата начальника Главлита».²⁶

26 ЦГАОО РБ. Ф. П-122. Оп. 21. Д. 23. С. 184–186.

Якобсон сообщил о случае дикого убийства в Уфе группой русских школьников школьника-еврея.²⁷ Он предлагал усилить пропагандистскую работу, чтение лекций, проведение бесед об антисемитизме, отразить эту тему в печати.

С письмом к первому секретарю обкома 23 июля 1942 года обратился Борис Ефимович Копман, 36-летний начальник отдела института № 86, позже заместитель директора 210-го завода. Он вырос на Украине, пережил погромы Петлюры, Махно, Деникина, Волынца. Его брат и мать отца были зверски замучены. Воспитанный в духе интернационализма, работавший вместе с украинцами на строительстве укреплений и не слышавший каких-либо нареканий на евреев, Б.Е. Копман недоумевал, что «в Уфе имеют место антисемитские настроения среди многих лиц...».

Он также сообщал о следующих проявлениях антисемитизма:

«1. на улице Пушкина, где разместились эвакуированные из Киева семьи государственных и партийных работников, в начале первого ночи подошла группа подростков числом 10–12 человек и начала стучать в окна с выкриками «Бей жидов, спасай Россию!». Не ограничившись этим, они на протяжении часа пытались вырвать парадную дверь, продолжая выкрикивать погромные фразы. Никто не оказал должного отпора этой банде.

2. К его матери подошли два парня 16–17 лет и с угрозой спросили: «Ты – жидовка или русская?». Угроза последней доставить их в НКВД заставила парней удалиться и оставить старуху в покое.

3. К руководящему работнику одного из районов города члену ВКП (б) обратилась жена военного, погибшего на фронте, с просьбой оказать содействие в улучшении жилищных условий. Его первый вопрос в присутствии этой гражданки был, не является ли она еврейкой. Узнав, что это именно так, он в помощи отказал и в оправдание своих действий стал приводить глупые доводы со

.....

27 Эту информацию подтвердить какими-либо другими источниками не удалось (Э.Ш).

ссылкой на какие-то еврейские семьи, создавшие неблагоприятные условия для жилья.

4. Соседка обращалась к эвакуированным со словами: «Забери свою еврейку, имея в виду ребенка».

5. Около универсама возник спор из-за того, что один гражданин, которого не хотели пустить без очереди, доказывал, что евреев на фронте нет, что они якобы все в тылу, что все затруднения с продовольственными и промышленными товарами вызваны евреями. И это, несмотря на то, что здесь же находился раненый боец-еврей, лишившийся ноги на фронте. Слушавший это милиционер не счел нужным положить конец спору».

«Еще можно приводить множество подобных фактов», – продолжал Б.Е. Копман. Он видел в причину в «чьей-то подрывной деятельности и вражеской агитации, а также в наличии элементов, специально занимающихся этим». И задавал вопрос: «Почему не ведется борьба? Где и когда могли узнать подростки черные антисемитские призывы, вычеркнутые из русского лексикона? Кто мог научить их погрому? Почему бездействует агитация, милиция?»²⁸.

В рапорте о состоянии воспитательной работы в школах было отмечено, что «почти ежедневно в мужских школах имеют место случаи драк, проявления антисемитизма, хулиганства»²⁹.

Нам не удалось найти документы, позволяющие судить о принятых руководством республики мерах по пресечению подобных высказываний и действий.

Первым секретарем Башкирского обкома КПСС был в 1942–1943 гг. участник Гражданской войны, еврей по национальности, Семен Борисович Задонченко (Задончик), прибывший в Уфу вместе с Рыбинским моторостроительным заводом и наладивший здесь производство авиадвигателей. Позже он перешел в СНК БАССР заместителем заведующего отделом гособеспечения и

28 ЦГАОО РБ. Ф. П-122. Оп. 21. Д. 23. С. 188–190.

29 ЦГАОО РБ. Ф. П-122. Оп. 21. Д. 23. С. 194.

бытового устройства семей военнослужащих³⁰. Возможно, С.Б. Задионченко считал, что не следует фиксировать на этих фактах внимание и предпринимать какие-либо меры репрессивного характера, дабы не «подлить масла в огонь».

Почему подобные факты имели место в традиционно столь толерантном регионе, куда еще в годы Гражданской войны, устремились беженцы от погромов?

Во-первых, начало политики государственного антисемитизма пришлось именно на годы войны. Замалчивались факты геноцида еврейского населения на оккупированных территориях (такая информация перед началом войны и в первые ее месяцы могла спасти жизнь сотням тысяч евреев). Замалчивались и подвиги евреев, командиров и бойцов, на фронтах Великой Отечественной, тормозилось их награждение, зачастую в наградных документах указывалась иная национальность.

Во-вторых, часть людей ухудшение условий жизни связывали с евреями. Под влиянием пропаганды³¹ они считали, что Гитлер ведет войну только против евреев, что на фронтах их мало, нет на передовых. Не нужно забывать об антисемитских «традициях» в отдельных населенных пунктах, где попытки погрома были и в 1905, и во время Гражданской войны, хотя жертв не было и сколько-нибудь серьезного ущерба они не причинили. Часть эвакуированных и беженцев, успели захватить с собой какие-то ценные вещи, да и просто миф о «еврейском богатстве» провоцировал криминальные элементы.

В мае 2005 года нами было проведено интервьюирование 55 жителей г. Уфы, евреев по национальности, живших в военные годы в БАССР. Возраст опрошенных колебался от 72 до 86 лет. Задан был единственный вопрос: «Сталкивались ли вы с проявлениями

.....
30 «Очерки истории Башкирской организации КПСС. Газета евреев Башкортостана» // *Шораши* №1 (2005) 24.

31 На выставке пропагандистских листов, плакатов времен войны, проведенной в педуниверситете, автору довелось видеть листовки, изображающие советского солдата с типично семитскими чертами, звездой Давида на пилотке, выходящего из здания с надписью «синагога».

антисемитизма в Башкирии во время Великой Отечественной войны и в чем это выразалось?».

33 респондента (60%), почти не задумываясь, ответили отрицательно. Четверо из них жили во время войны в сельской местности и один в городе Бирске. 22 человека (40%) отметили проявления антисемитизма, сводившиеся к обзыванию «жидом/жидовкой» или «жидовской мордой», пении антисемитских песенок.

Особенно часто антисемитские оскорбления можно было слышать в очередях. Мальчиков избивали одноклассники. Эти явления носили эпизодический характер. Только одна женщина рассказала, что соседи закрывали двери, чтобы «не пустить еврейский дух». По-видимому, об этом случае упоминает в своем письме Л.Е. Якобсон.

Две женщины рассказали об убийствах евреев. Одна из них, еврейка, говорила о том, что семью ее бабушки грозились убить. Зная о подобных случаях, семья переехала на другую квартиру. Другая, русская по национальности, вспомнила, что, будучи ребенком, в 1948 или 1949 году была на улице Волочаевской на похоронах еврейской супружеской пары, убитой неизвестными.

В целом же атмосфера во время войны оценивалась как вполне доброжелательная и все, без исключения, респонденты выражали благодарность республике, приютившей их, давшей возможность выжить в суровые военные годы.

Заключение

Таким образом, еврейская миграционная волна 1941–42 гг. вызвала:

1. Создание мощного промышленного потенциала республики, рост культуры производства, развитие научных исследований, здравоохранения республики. Эвакуированные с предприятиями и научными учреждениями, несмотря на то, что часть из них вернулась в Москву, Ленинград, Киев, Прибалтику, и их потомки составили мощное ядро интеллигенции республики. Под руководством технической интеллигенции на месте

деревни Черниковка был построен промышленный город-спутник Уфы Черниковск, получивший в 1944 году статус города, в котором жила значительная часть еврейской интеллигенции. Присоединение в 1956 г. Черниковска к Уфе ускорило превращение столицы Башкортостана в город-миллионник (1980)

2. Рост численности населения республики в целом и в десятки раз увеличение еврейской диаспоры. Изменение национального и социального состава жителей республики, поскольку образовательный и общекультурный уровень эвакуированных был выше, чем у местного населения, способствовали повышению общего уровня культуры населения, особенно сельского.
3. Формирование нового пласта еврейского этноса края. Выходцы из местечек и городов бывшей «черты» способствовали сдерживанию ассимиляционных процессов среди местного еврейского населения, привнесли утраченный ими «идишкайт», приобщали к утраченным традициям, языку. К местным ассимилированным евреям они относились настороженно, как к «другим» (вспоминаю, как относились родные со стороны матери, к моему отцу, внуку николаевского солдата, поселившегося в Уфимской губернии в 1869 году).
4. Сегодня их потомки охотно посещают и активно участвуют в синагогальных мероприятиях, в Хэсэде, стараются приобщить более молодое поколение к истории и традициям. Их дети и внуки чаще уезжают в Израиль. Интересно, что до сих пор потомки беженцев с гордостью «щеголяют» в разговоре словечками на идиш, имеют отличия в манерах, некоторых оборотах речи, общем культурном уровне от потомков тех, кто строил пригород Уфы Черниковск и остался жить там.
5. Сегодня еврейское население республики по данным последней переписи составляет 1900 чел., хотя раввин Дан Кричевский называет цифру – около 5 тысяч, имея в виду, вероятно, галахических евреев, носящих фамилию отца-нееврея. Небольшое число живет в городах, единицы даже в районах Башкортостана. Это – тоже потомки эвакуировавшихся почти 80 лет назад. Надежды их на сохранение этничности не воплотились в жизнь – преобладают смешанные браки, более молодых не интересует еврейская история.

6. Нельзя не остановиться на атмосфере в годы войны, когда ухудшение материально-бытовых условий местного населения под влиянием пропаганды, «старых добрых антисемитских традиций» у части людей связывалось с наплывом евреев и приводило к росту антисемитских настроений в советском тылу. Отголоски этого мы можем уловить и сегодня в лекциях, публикациях и беседах с отдельными лицами, среди которых есть и вполне образованные экземпляры.

* * *

Эвакуация огромных масс спасла еврейское население западных областей СССР от пламени Холокоста, дала возможность прожить достойную жизнь, дать детям образование. Об этом с благодарностью помнят уже немногочисленные спасенные в огненные годы и их потомки.

«Мы живем в страшное время» Судьба семьи Игельник по материалам личной переписки и судебно-следственного дела НКВД

.....
Виктор Белоус, Ольга Радченко

После раздела Польши между нацистской Германией и Советским Союзом в сентябре 1939 г. около 200 тыс. беженцев еврейского, польского и украинского происхождения двинулись в сторону ее восточных регионов, которые были оккупированы Рабоче-крестьянской Красной Армией. До момента установления демаркационной линии между Советским Союзом и Германией части беженцев удалось добраться до Венгрии, Румынии, Болгарии, а также на тот момент еще независимой Литвы.¹ Но большое количество беженцев оказались на территории Восточной Польши, которая была аннексирована Советским Союзом. Позже она получила название Западной Украины и вошла в состав Украинской Советской Социалистической республики (УССР).

К сожалению, судьбе беженцев в данном регионе до сих пор не уделялось достаточного внимания со стороны историков. Среди немногочисленных работ следует назвать сборник под редакцией Цви Гительмана «Горькая легальность»,² сборник «Нацистский Холокост. Часть 8. Свидетели Холокоста. Том 3»,³ книгу Оли Гнатюк

.....
1 *Refugees*. United States Holocaust Museum. URL: <https://www.ushmm.org/wlc/en/article.php?ModuleId=10005139>.

2 Zvi Y. Gitelman, ed., *Bitter Legacy: Confronting the Holocaust in the USSR* (Indiana University Press, 1997).

3 *The Nazi Holocaust. Part 8: Bystanders to the Holocaust*, Band 3 (London, 1989).

«Отвага и страх», в которой речь идет о жизни еврейской, польской и украинской творческой и научной интеллигенции во Львове в начале Второй мировой войны.⁴

Толчком для данной статьи послужило судебное-следственное дело НКВД на братьев Игельник в Государственном архиве Кировоградской области.⁵ В нем говорится о беженцах еврейского происхождения братьях Мошеле и Симоне, которые вместе со многими другими гражданами Польши осенью 1939 г. пересекли демаркационную линию, а позже были завербованы на работу в разные регионы Советского Союза.

Спустя несколько месяцев братья переехали в Одессу, где им, однако, было отказано в регистрации. Затем они выехали в Кировоград, где один из них работал на заводе «Красный профинтерн», а другой – в парикмахерской. Следует заметить, что Кировоградская область вместе с Житомирской, Винницкой, Черниговской, Полтавской и некоторыми другими относилась к областям с относительно большим количеством переселенных беженцев. По данным на 1 февраля 1940 г. в восточную и южную Украину было направлено почти 33 000 беженцев⁶. Но жизнь братьев на новом месте продолжалась недолго – в конце 1940 г. НКВД их арестовало и 28 апреля 1941 г. предъявило одинаковое обвинение по ст. 54-10 УК УССР в «систематической агитации против Советской власти». На самом деле, речь шла о банальном сравнении условий жизни и труда в СССР и в Польше, и, конечно же, это сравнение было не в пользу страны социализма, о чем свидетельствовали коллеги и соседи братьев на допросах в НКВД. Игельники были приговорены к высылке в так называемые исправительно-трудовые колонии (ИТК) сроком на 10 лет каждому с последующим поражением в правах на 5 лет. Симона Игельника отправили в ИТК № 5, которая находилась в г. Свияжске за 45 км от Казани, столицы Татарской АССР. Симону посчастливилось пережить голодные, трудные годы, и он был освобожден 06.11.1944 г. по указу

.....
4 Оля Гнатюк, *Відвага і страх* (Київ, 2015).

5 Государственный архив Кировоградской области (далее ГАКО). Ф. П-5907. Оп 2-р. Д. 8074.

6 ГДА СБУ. Ф. 16. Оп.1. Д. 395. Л. 90.

Президиума Верховного Совета СССР от 10.08.1944 г. К сожалению, его брат Мошель, который отбывал срок наказания в другом лагере Татарии, в ИТК № 2, умер 29.05.42.⁷

Остается невыясненным вопрос, почему братья не попали под амнистию как польские граждане в августе 1941 г. Можно предположить, что формальным поводом послужило то, что оба они к моменту ареста приняли советское гражданство. Возможно также и то, что свою роль сыграла позиция начальников ИТК, которые по каким-то своим соображениям не были заинтересованы в том, чтобы узники вышли на свободу. Только в 1966 г. Игельники были реабилитированы по постановлению судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда УССР. Предположительно, Симон Игельник после войны проживал в Одессе.

В судебно-следственном деле НКВД сохранилось несколько писем Эстеры Игельник, датированных началом 1941 г., в далекий город Кировоград, где проживал и работал ее муж Симон. Переписка велась на польском языке. Письма подлежали проверке военной цензурой Вермахта, о чем свидетельствует немецкий штамп «Открывалось» на конверте (рис. 1).

Рис. 1. Конверт письма Эстеры Игельник.⁸

7 ГАКО. Ф. П-5907. Оп. 2-р. Д. 8074. Л. 118.

8 ГАКО. Ф. П-5907. Оп. 2-р. Д. 8074. Л. 165.

В письмах Эстеры зримо предстают тяготы жизни в гетто и нарастающее беспокойство молодой женщины об ее дальнейшей судьбе и в еще большей степени о судьбе маленькой дочери Марыли.

20 февраля 1941 г.

«Любимый Шимка, получила два письма, за которые сердечно благодарю. Шесть недель прошло, как я отправила заявление [в Народный комиссариат иностранных дел в Москве – прим. авт.], но ответа нет. Еще ни одна женщина не выехала легально к своим мужьям. А ты говоришь, чтобы я ждала бумаг. Я не знаю, когда это произойдет. < ... >

Я в критической ситуации. Не мог бы ты выслать посылку? Продать мне уже нечего, так как ничего не осталось. Шимка, ты не можешь представить себе мое положение. О легальном выезде не может быть и речи.

Любимый Шимка! Если хочешь мне помочь, то вышли посылку. Через Полю [сестра мужа Игельник-Вайс Поля Израйлевна, проживала во Львове – прим. авт.]. А если ты этого не сделаешь, то у меня нет выхода < ... >

Я не знаю, когда закончится мое терпение. Будем ли мы еще вместе. Я не могу больше. Я еще надеюсь, что мы встретимся < ... > Больше писать не о чем.

Прощаюсь, твоя Эстера и твоя дочурка Марылечка, которая хочет тебя увидеть, как можно быстрее. Сердечный привет от Розы и от всей моей семьи»⁹

Как уже отмечалось, беженцам в Советском Союзе в 1940 г. было предложено принять советское гражданство. Тех, кто отказался от него, судили за нелегальный переход границы и депортировали на север Советского Союза на спецпоселение. Поскольку Симон Игельник получил советское гражданство, то он обратился в НКВД СССР с просьбой разрешить въезд в СССР своей жене и

.....
 9 ГАКО. Ф. П-5907. Оп. 2-р. Д. 8074. Л. 157.

дочери, на что получил следующий ответ, датированный 10 декабря 1940 г.:

«Вашей жене, желающей въехать в СССР, необходимо лично или же по почте оформить через Полпредство СССР в Берлине или Консульстве СССР в Кенигсберге ходатайство по приему в гражданство СССР, так как вопрос о ее въезде в Советский Союз может быть решен лишь в случае принятия ее в гражданство СССР.

Вам, если Вы поддерживаете ходатайство Вашей жены, необходимо прислать подписку, заверенную нотариусом или по месту работы, в том, что в случае разрешения ей въезда в СССР, Вы возьмете ее на свое иждивение и обеспечите жилплощадью»¹⁰.

В своем следующем письме мужу Эстер пишет, что получила письмо из советского консульства, но особых надежд на воссоединение семьи к этому времени она уже не имела.

28 февраля 1941 г.

«Любимый Шимка! < ... > Консул написал, что принял мою просьбу и прислал 4 формуляра для заполнения, а также просит 5 моих фотографий и все это выслать почтой. И я должна ждать ответа 5–6 месяцев. Я все это сделаю и отправлю. Но это так долго ждать! Не мог бы ты поторопить их, так как я ничего не могу сделать < ... > Еще ни одна женщина не выехала легально. Только нелегальным путем. Напиши, что мне делать < ... > Любимый Шимка, не могу сейчас много писать, так как мы живем в страшное время < ... > Мы все должны жить в еврейском районе < ... > Напиши, что мне делать, чтобы быть вместе с тобой. Я не могу больше терпеть, а Марылька страшно тоскует по тебе < ... >»¹¹

4 марта 1941 г.

«Любимый Шимка, получила на этой неделе два письма, за которые сердечно благодарю. Шимка, ты не можешь себе представить, как рассердилась Марылька за то, что для нее не было ни

10 Там же. Л. 156.

11 Там же. Л. 157.

конфетки, ни шоколадки. Она сказала, что ты не хороший отец. Но как только я прочитала ей письмо, что в следующей посылке будут конфетки, то она очень обрадовалась. Но это все глупости. Посылка пришла так, как ты писал, только не было 2 кусочков мыла, и я заплатила 1 злотый и 60 грошей. Любимый Шимка, ты спрашиваешь, что еще прислать. Кроме соли можешь прислать любые продукты. И прошу, вышли чай и кофе, потому что я болею, и я надеюсь, что ты меня понимаешь.

Ты пишешь, чтобы я не ехала, ты мне запрещаешь. Тяжело мне это слышать и еще труднее находиться длительное время далеко от тебя. Шимка, ты не знаешь мою боль и тоску по тебе. Не проходит и дня, чтобы я не плакала, так как самую большую ошибку я сделала тогда, когда не поехала с тобой. Много женщин выехало к своим мужьям.

До сих пор я не знала, что Поля такая нехорошая. Раньше я не хотела этому верить, а теперь убедилась, так как она писала, что нельзя присылать посылки. Как она могла написать такую глупость? Из Львова посылки приходят по 10 злотых, в них высылают и масло, и жир, и мед. И вообще все.

Мы все должны жить в еврейском районе. Ты спрашиваешь, почему Ерлих живет в своем доме. Я тебе уже писала, что дом Ерлиха находится как раз в еврейском районе.

Ты меня спрашиваешь, почему я мало о себе пишу. Но что писать, если ты и так понимаешь, что работы нет. Я уже потеряла надежду, что ты хочешь слышать обо мне.

Дорогой Арко [Мошель, брат Симона – прим. авт.], мне очень приятно, что у тебя есть красивая девушка, которую ты любишь.

Что касается твоих фотографий, то я не знаю, где они. Вышлю, когда найду.

Твои королева Эстера и принцесса Марылечка. Сердечный привет от Розы < ... > и всей нашей семьи»¹²

.....

12 Там же. Л. 166.

Эстера, с декабря 1940 г. проживавшая на территории гетто Томашева-Мазовецкого, не получая больше писем из Кироваграда, пишет мужу следующее письмо:

31 мая 1941 г.

«Дорогой Шимка!

Уже прошло несколько недель, как от тебя нет никаких вестей. Я не знаю, что думать. Очень беспокоюсь. Я написала тебе несколько писем и открыток, но никакого ответа не получила.

Дорогой Шимка! Почему ты так мало пишешь мне? Чем я это заслужила? Я уже писала тебе, что получила от тебя 2 посылки и обе они пришли целыми. Любимый Шимка! Ты не можешь представить себе мою радость и радость ребенка, когда мы получили эти посылки. Ты не знаешь, Шимка, каково мое положение, и в каких условиях мы живем. Ты раньше присылал посылку через каждые 3–4 недели, но уже прошло столько времени, а от тебя нет даже письма. Неужели ты забыл о своей жене и дочурке? Не знаю, увидимся ли мы еще раз, ведь нас разделяют тысячи километров. Я ужасно расстроена, так как нечего и надеяться на легальный выезд. Что касается бумаг, которые ты мне прислал, то толку от них никакого. Шимка! Речь не обо мне, но жаль ребенка. Она сейчас взрослеет и ей нужны хорошие условия жизни, которых я не могу ей дать. Ты бы ее сейчас, Шимка, не узнал, так она выросла за время твоего отсутствия. У нас очень хорошая дочка. Когда Марылька встречает почтальона, то спрашивает, есть ли письмо для Игельников. Марылька каждый день ждет от тебя письма, как от любимого папы. Прошу тебя, Шимка, как получишь это письмо, то сразу же ответь. Что слышно у тебя? Работаешь, здоров ли и вообще, как ты живешь? О себе могу сказать только то, что большие я не выдержу. Я такая слабая, что еле хожу. Из родственников никто не может мне помочь < ... >

Напиши мне, любимый Шимка, получил ли ты письмо от Иды, и вместе ли ты с Лыском, и как у него дела?

Прощаюсь с тобой, дорогой Шимка, с сердечным приветом твои Эстера и Марыля.

Теперь пишу до Арко. Дорогой Арко, у меня к тебе большая просьба, в которой ты мне не откажешь. Долгое время я не получаю писем от Шимки. Я уже написала несколько писем и ни на одно из них не получила ответа. Может, случилось что-то плохое? Я очень волнуюсь. Прошу тебя, Арко, поскольку Шимка не может мне написать, не откажи мне и напиши. Что у тебя слышно, здоров ли, работаешь ли и чем занята твоя невеста? И напиши мне, пожелались ли вы, как вы и собирались. Прошу тебя, Арко, пришли мне ее фотографию. О своих делах не написала, так как уже написала Шимке. < ... > Нового ничего нет.

Твоя невестка Эстера и Марыля. Привет твоей [жене], не знаю, как ее зовут. Сердечный привет передают Роза и < ... >».¹³

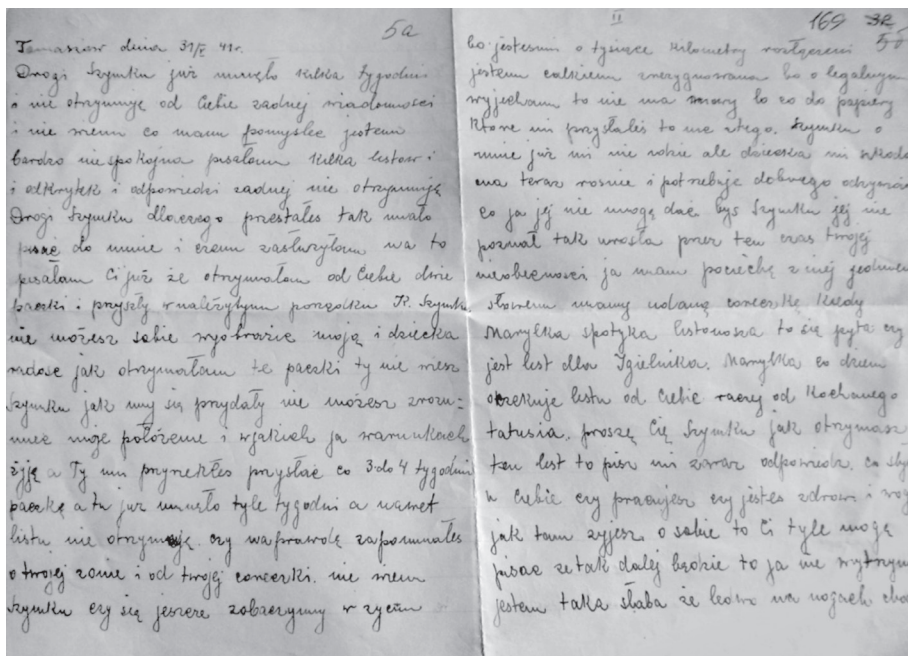

Рис. 2. Письмо Эстеры мужу от 31 мая 1941 г.¹⁴

Как именно сложилась судьба Эстеры и ее дочери – нам неизвестно. В мартирологе «Tomaszow Mazowiecki – Yizkor Book», изданной в 1969 г. в Израиле, упоминается имя брата Эстеры – Зигмунтовича

13 Там же. Л. 169.

14 ГАКО. Ф. П-5907. Оп. 2-р. Д. 8074. Л. 169.

Янкеля, и его семья. В городском архиве Томашева-Мазовецкого сохранилась учетная карточка Симона и Эстеры (рис. 2), где на обратной стороне внизу справа сделана запись карандашом: «Муж выехал в неизвестном направлении ранее 8 марта 1940 г. Жена выехала в неизвестном направлении в октябре 1942 г.». Такие записи делали в карточках тех, кто погиб. По воспоминаниям уцелевших узников гетто после проведения нескольких акций массовых расстрелов уцелевших евреев вывезли в лагерь смерти Трешлинка.

A B C D E F G H I J K L M N O P R S T U V W Y Z											
Nazwisko <i>Igielnik</i>										Nr. księgi kontroli ruchu ludności	przych. do gm. <i>210</i> opuszcz. gm. <i>82</i>
Imiona, kolejność i pismo Imion według metryki urodzenia. Dla mężatek nazwisko (panieński- i z poprzedniego (ch) małżeń- stwa (w):										MĘCZYŻNA <i>Symcha</i>	KOBIETA <i>Estera Rajela</i>
Imiona rodziców i nazwisko panieńskiej matki:										<i>z d. Zygmuntowicz</i> <i>Majur. Bor i Alka</i> <i>z d. Rosenfeld</i>	Zawód i stanowisko w zawodzie, stanowiące główne źródło utrzymania <i>przeł. szkolna</i>
Urodził(a) się:										dn. <i>16</i> m-ca <i>kwiecień</i> r. <i>1919</i>	
Miejsce urodzenia (miej- sowość, gmina, powiat względnie kraj):										<i>Tomaszów-Maz.</i>	
Prawne miejsce za- mieszkania:											Stan cywilny i imię drugiego z małżonków; data i miejsce spo- rządzenia odpowiedniego aktu
Wyznanie: (według metryki)										<i>Mojżeszowe</i>	<i>Żonaty małż.: Estera - Rajela Zygmuntowicz</i> <i>dn. 21. V. 1935 r. w Tomaszowie-Maz.</i>
Dowód osobisty, (nazwa do- wodu, numer data i urząd wysta- wiający):										<i>977/205703 d. 29. 37</i>	<i>Nr. 1429/139420 d. 28. 7. 36 w. 9.</i>
Stosunek do powszechnego obowiązku wojskowego:										Przynależność państwowa (nazwa dowodu, stwierdzająca przynależność państwową, data i urząd wystawiający):	
a) stopień wojskowy										<i>W. P. 8 reg. 233/37 d. 29. 37</i>	
b) Nr. gł. ks. ewid. lub aneksu wgł. księgi ewid. oficerów wzgl. Nr. listy poborowej lub Nr. rejestru										<i>W. P. 8 reg. 233/37 d. 29. 37</i>	
c) P. K. U.										<i>W. P. 8 reg. 233/37 d. 29. 37</i>	
D Z I E C I											
IMIONA		Data i miejsce urodzenia		Adnotacje		IMIONA		Data i miejsce urodzenia		Adnotacje	
1 <i>Syfra Mirjam</i>		<i>16. I. 1935 Tomaszów-Maz.</i>				5					
2						6					
3						7					
4						8					

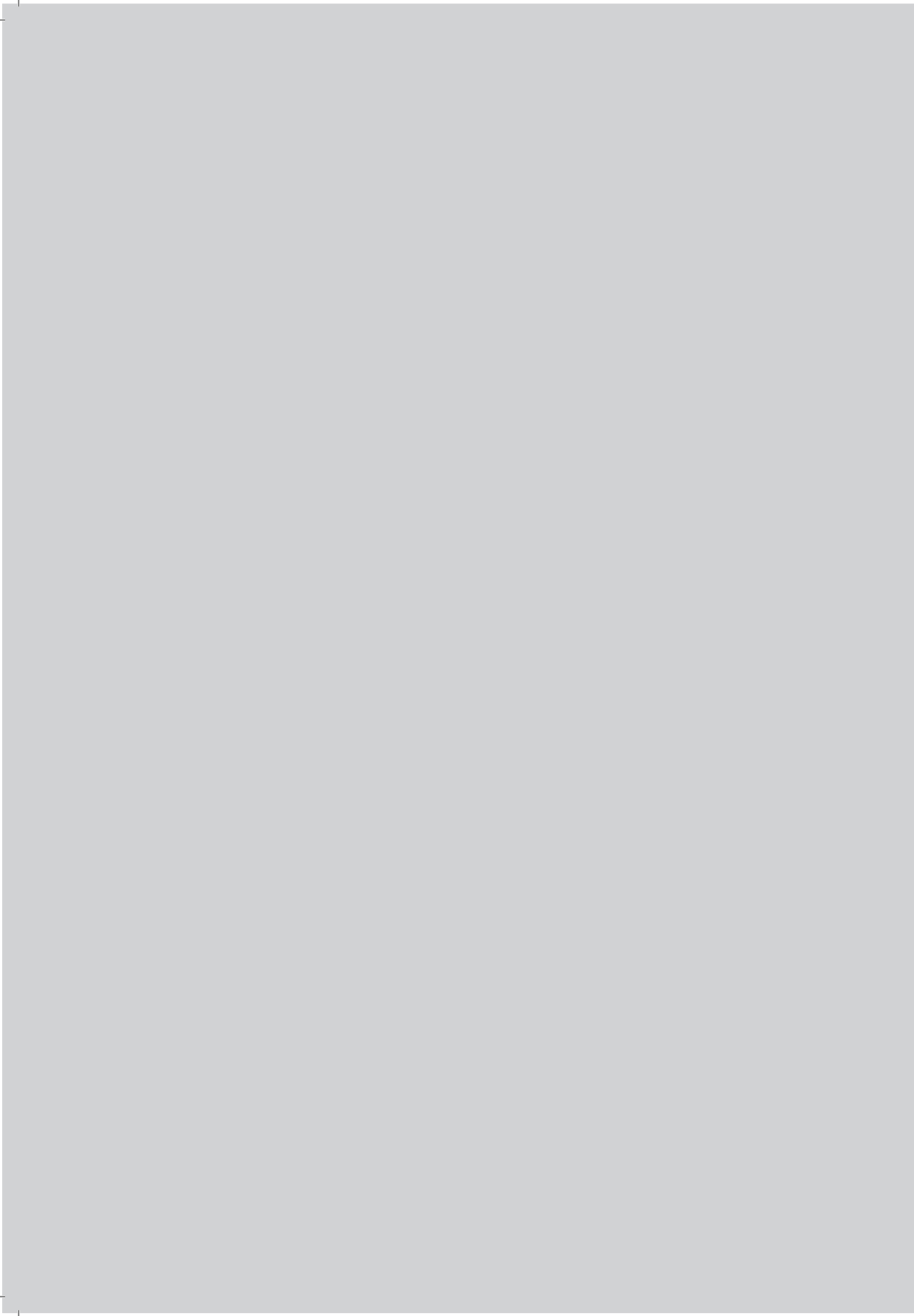
Рис. 3. Обратная сторона учетной карточки Симона Игельника по месту жительства в г. Томашев-Мазовецкий.¹⁵

¹⁵ Archiwum Państwowe w Piotrkowie Trybunalskim, Oddział w Tomaszowie Mazowieckim

История семьи Мошеля Игельника, представленная в письмах и в судебно-следственном деле, несмотря на свой индивидуальный характер, во многом отображает трагизм начального этапа Второй мировой войны: растерянность и паническое бегство сотен тысяч людей, разъединение семей и попытки воссоединиться, желание адаптироваться к новым условиям и крайнюю ограниченность ресурсов для выживания, особенно очевидную в случае с теми еврейскими семьями, которые остались на территории Генерал-губернаторства. Лишившиеся поддержки мужей женщины с детьми были переселены в гетто, где страдали от голода, болезней и унижений. Те из них, кто дожил до осени 1942 г., были отправлены на верную смерть в газовые камеры нацистских лагерей. Но и к тем беженцам, кто остался на территории Советского Союза, судьба была сурова: их могли ждать депортации на север или же заключение в лагеря и колонии НКВД. Тех, кто избежал советских репрессий и остался в Украине, уже летом 1941 г. настигла новая волна нацистской оккупации, не оставившая им практически никаких шансов на выживание.

Ч А С Т Ь 2

**АННОТИРОВАННАЯ
ПОДБОРКА ДОКУМЕНТОВ**

ВВЕДЕНИЕ

Еврейские беженцы и эвакуация, 1941–1946: собрание архивных документов

Зеэв Левин

В данном разделе содержится 24 документа, которые были собраны мной во время нескольких рабочих экспедиций в Среднюю Азию, когда я исследовал тему еврейских беженцев и эвакуированного населения в период Второй мировой войны. Представленные здесь документы являются смелой попыткой кратко документально отобразить те реалии, в которых существовали и выживали многие сотни тысяч беженцев и эвакуированных.

С архивными материалами советских времен есть множество проблем. Большинство из них связано с административной культурой, которая четко выработалась в ходе репрессий 30-х гг., где каждый документ мог послужить вещественным доказательством не только против адресата, но и против составителя. Поэтому очень о многом в них не говорится, и огласку большинства проблем и реалий можно найти только в сводках под грифом «совершенно секретно», из которых пока еще далеко не все рассекречены – в России. Именно поэтому большинство собранных мною материалов были найдены в архивах Республики Казахстан и Республики Кыргызстан.

После чудовищных репрессий конца 30-х годов «национальная» тема появлялась в официальных документах только изредка. Просмотрев огромное количество документов государственных учреждений, я лишь изредка наталкивался на случаи прямого

упоминания еврейского населения. Намного чаще встречались документы с упоминанием таких национальностей, как немцы и поляки – в связи с переселением представителей этих народов (как административно ссыльных или людей несоветских, «иностранных» национальностей). Несмотря на прямую опасность, которой было бы подвержено еврейское население оставаясь на оккупированной нацистами территории, ни один из указов (из тех, что я видел) не давал приоритета евреям при эвакуации.

Евреи, попавшие в тыловые районы страны в Сибири, Средней Азии и в других регионах, не были монолитной группой. Они отличались друг от друга не только по уровню образования, владения русским языком, профессиональной квалификации и степенью религиозности, но также – и это может быть важнейшим различием – по тому, каким путем они попали в место их пребывания в эвакуации.

Евреев в эвакуации можно разбить на три основные группы: официально эвакуированных, беженцев и амнистированных «польских граждан». Несмотря на общие трудности военного времени, нехватку жилищной площади и продовольствия, самой привилегированной частью эвакуированных безусловно были те, кто прибыл в рамках официальной эвакуации. В общей массе это были советские граждане, часть из них госслужащие, партийные работники, деятели культуры, семьи офицеров Красной Армии или работники стратегически важных предприятий, которые были вывезены в места назначения со своими заводами. Основываясь на этих критериях государство должно было организованно заботиться об их размещении, снабжении и устройстве на работу, и они могли взять с собой как минимум все необходимое в быту.

Другая же часть так называемых «эвакуированных» прибыла в эвакуацию не официально и не организованно, а самостоятельно. Эта масса бежала как могла – когда на повозках, когда в товарных вагонах, а когда и просто пешком – и конечно своего имущества у них практически не было. Поскольку советская власть не признавала феномен беженцев в официальных документах, эти люди фигурировали там как часть «эвакуированного населения», однако забота о стратегии своего выживания – жилья,

трудоустройства и пропитания – лежала исключительно на них самих, проводилась по их личной инициативе, они устраивались кто как мог. Можно предположить, что среди этой группы «неорганизованно эвакуировавшихся» доля евреев была непропорционально большой. В статьях Потемкиной и Шкурко в настоящем сборнике, а также в отдельной статье Куманева¹ и в опубликованных ниже документах (см. документ №3) приводятся примеры отдельных случаев. Насколько известно мне, на настоящий момент полноценного исследования на эту тему еще опубликовано не было, и пока это остается предположением, основанным на частичной статистике.

Положение третьей группы было, наверное, самым плачевным. В этой группе были освобожденные бывшие польские граждане, те, кого в 1940 г. сослали в Сибирь и на Дальний Восток из аннексированных в 1939 г. территорий Польши, и освободили в сентябре 1941 г. в рамках амнистии. Представители этой группы потеряли всё своё имущество в ссылке, и за год принудительных работ изрядно истощали и подорвали своё здоровье. После амнистии они были свободны, но, как и члены второй группы, были вынуждены сами заботиться о себе и решать самостоятельно, как выжить. Несмотря на все вышесказанное, после амнистии у этой группы были свои покровители в виде польского посольства и его представительств, отдельной формировавшейся польской армии (армии ген. Андерса); у них также была возможность получать посылки через Красный Крест и еврейскую организацию Джойнт. Советская администрация не всегда точно знала, как вести себя по отношению к этой группе, что с одной стороны приводило к множествам проблем (которые в некоторых случаях могли привести и к новым срокам заключения), но с другой стороны могло предоставить намного больше возможностей. Так же и по отношению к возвращению на родину, которое было более организовано для представителей этой группы, тогда как для остальных это во многом зависело и от официального освобождения с работы, и от возможности восстановить или получить право на жилплощадь и работу по возвращении домой.

.....

1 Георгий Куманев, «Война и эвакуация в СССР. 1941–1942 годы», *Новая и новейшая история* 6 (2006), 7–27.

Документы в этой подборке собраны в хронологическом порядке. Подробные комментарии, следующие за каждым документом, ставят своей задачей описать контекст и пояснить наиболее важные моменты, связанные с ним. На мой взгляд, данная подборка не совершенна, и в ней все еще много белых пятен, которые до сих пор не позволяют сформировать полноценное представление об эвакуации. Несмотря на это, в сочетании с научными статьями, и разделом свидетельств, эта подборка служит важным дополнением к ним. Она позволяет представить некий взгляд сверху, с разных уровней власти. Взгляд, который чаще всего не присутствует в частных свидетельствах или воспоминаниях очевидцев.

Аннотированная подборка документов по истории еврейских беженцев и эвакуированных, 1941–1946

Зеев Левин

№ 1¹

ВЫПИСКА ИЗ ПОСТАНОВЛЕНИЯ СНК СССР И ЦК ВКП(Б) О ПОРЯДКЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ РЕПРЕССИРОВАННЫХ ПОЛЬСКИХ ГРАЖДАН

г. Москва

12 августа 1941 г.

Сов. секретно

В связи с заключением соглашения между Советским правительством и Польским правительством Совет Народных Комиссаров Союза ССР и Центральный Комитет ВКП(б) постановляют:

1. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 12 августа 1941 г. освободить из тюрем, исправительно-трудовых лагерей, лагерей для военнопленных, спецпоселков и мест ссылки и высылки польских граждан:
 - а) всех военнопленных и интернированных военнослужащих бывшей польской армии;
 - б) осужденных к заключению на разные сроки в тюрьмы и исправительно-трудовые лагеря, а также находящихся под следствием; числящихся за органами НКВД, судами и прокуратурой;

1 ЦГА РК. Ф. Р-1137 Оп.1п. Д. 9 Л. 233–240.

- в) направленных в спецпоселки, выселенных с территории западных областей Украины и Белоруссии (осадников и лесников; членов семей репрессированных и других).
2. Освобожденным польским гражданам разрешить свободное проживание на территории СССР, за исключением пограничных районов; запретных зон, местностей, объявленных на военном положении и режимных городов первой и второй категорий.
 3. Освобожденным из тюрем; лагерей, спецпоселков и с мест ссылки и высылки польским гражданам выдавать документы на право проживания в СССР, установив следующий порядок выдачи этих документов:
 - а) при освобождении органы НКВД на местах выдают временное удостоверение по установленной НКВД СССР форме;
 - б) освобожденные польские граждане регистрируются в Польском посольстве в СССР (лично или письменно) и после получения польских паспортов обязаны получить в органах милиции в установленном порядке виды на жительство для иностранцев;
 - в) лицам, не желающим оформить свое польское гражданство или получившим отказ Польского посольства в регистрации, выдаются или паспорта; как для лиц без гражданства, или, в случае их желания и после соответствующей проверки, – советские паспорта.
 4. Поручить НКВД договориться с Польским правительством о порядке оказания за счет Польского правительства материальной помощи нуждающимся освобожденным польским гражданам и их семьям.
 5. Обязать советские и партийные органы (исполкомы и обкомы) на местах оказывать содействие освобожденным; в первую очередь женщинам с детьми, в их устройстве на работу и предоставление им жилплощади.
 6. Поручить НКО договориться с военными представителями Польского правительства о порядке польских воинских

частей, предусмотрев создание в местах набора призываемых в польские воинские части специальных призывных комиссий из представителей польского военного командования и местных райвоенкоматов.

7. Обязать НКВД СССР дать на места указания о порядке освобождения и направления польских граждан, подпадающих под действие Указа Президиума Верховного Совета об амнистии польских граждан.

Председатель Совнаркома СССР и Секретарь ЦК ВКП(б)
И. СТАЛИН

Комментарий

Данный документ является, несомненно, одним из важнейших и наиболее драматических в отношении многих тысяч бывших польских граждан, которые были депортированы в ГУЛАГ после советского вторжения в Польшу в сентябре 1939 года. Однако после того, как в июне 1941 г. нацистская Германия напала на Советский Союз, расторгнув договор о ненападении, СССР принялся искать союзников, и уже в начале августа было подписано соглашение о сотрудничестве с правительством Польши в изгнании. В соответствии с этим соглашением, всех бывших граждан Польши следовало освободить из-под стражи независимо от того, какие обвинения им были предъявлены, – что, в частности, фактически указывает и на то, что польские граждане были осуждены по сфабрикованным обвинениям. Данный документ также разрешил спорный вопрос о гражданстве, и теперь освобожденным было позволено подавать заявление и восстанавливать, по желанию, документы, свидетельствующие о наличии польского подданства. Более того, теперь они могли получать специально предназначенную для них финансовую помощь через свои особые учреждения, и быть призваны в особую польскую армию. Армия генерала Андерса будет сформирована в 1942 году в Узбекистане. В марте 1942 года около 79 тысяч солдат в сопровождении 37 тысяч членов семей выедут из СССР в Иран и перейдут под британское командование. Сообщалось, что среди солдат Андерса было не менее 15% евреев, а среди гражданских – более 700 еврейских сирот (известных как «тегеранские дети»). Вопрос об этом особом статусе, предоставленном только бывшим польским

гражданам, будет долго обсуждаться в годы войны и являться предметом переговоров со стороны советских властей (см. также документы 2, 3, 4, 6) вплоть до репатриации польских граждан обратно в Польшу в 1945–46 гг. (см. документы 23, 24). Одним из наиболее спорных вопросов было то, насколько этот акт применялся в отношении бывших польских граждан – евреев (и граждан других национальностей, таких как украинцы и литовцы). Из-за того, что формулировка была открытой, далеко не везде евреи – польские граждане были освобождены из лагерей и спецпоселений, и даже позже, когда они запрашивали возможность присоединиться к армии генерала Андерса, раздавались голоса (как с польской, так и с советской стороны), ставящие под сомнение их право на вступление в эти воинские части. Следует также отметить, что в конечном итоге соглашение не коснулось многих тысяч депортированных беженцев, которые не были бывшими гражданами Польши (например, из Бессарабии или стран Балтии), которые продолжали пребывать в ГУЛАГе до конца войны или даже дольше.

№ 2²

СОВЕТ НАРОДНЫХ КОМИСАРОВ
КАЗАХСКОЙ СОВЕТСКОЙ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Алма-Ата. Дом Правительства
4 декабря 1941 г.

№1041

Сов. Секретно

ИСПОЛКОМ ОБЛАСТНОГО СОВЕТА ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ

Тов. Шарипову
Г. Алма-Ата

Срочно информируйте Совнарком, что сделано Вами по реализации соответствующих указаний правительства в отношении польских граждан, находящихся на территории Вашей области.

В некоторых областях имеются представительства польского посольства. В Вашей информации также сообщите в чем выражается деятельность этих представительств и с какими вопросами они к Вам обращаются.

Доведите до сведения польских граждан (предварительно уведомив соответствующие польские представительства) о необходимости прекращения всякого рода самовольного и бесцельного передвижения их из области в область республики.

Переселение должно быть организованным, с ведома польских представительств и по согласованию с советскими организациями. В противном случае Совнарком не может нести ответственности за подобных лиц и оказывать им необходимую помощь.

.....
2 Алма-Атинский обл. арх. РК. Ф. 685 Оп.6. Д. 62 Л. 151.

Совнарком обязывает Вас оказывать необходимую помощь польским гражданам в устройстве их на работу, по бытовым нуждам, а также обеспечить транспортом и питанием (за плату) в эвакупунктах, организованно переезжающих польских граждан.

В случае отсутствия польского населения на территории Вашей области, с Вашим сообщением вышлите данное письмо в Совнарком.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ

КАЗАХСКОЙ ССР

<подпись> (Н. Ундасынов)

Комментарий

В этом документе отражены проблемы, возникшие у местных органов власти в отношении официальных представителей Польши, с одной стороны, и тот факт, что у этих беженцев была уникальная возможность «самовольного передвижения» по территории республики. И действительно, многие бывшие польские граждане направились в Среднюю Азию (причины для такого решения описаны в статье Вонса в настоящем сборнике), и *такая свобода передвижения* резко контрастировала с теми условиями, которые распространялись на большинство обычных советских граждан. Здесь также показано, что власти на местах не думали, что они несут ответственность за это население и обязаны обеспечивать его продовольствием – даже за плату.

№ 3³

.....

Сов. Секретно

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ИСПОЛКОМА АЛМА-АТИНСКОГО ОБЛСОВЕТА

Тов. ШАРИПОВУ

В ОТВЕТ НА Ваше письмо относительно польских граждан, Исполком Алма-Атинского Райсовета депутатов трудящихся сообщает следующее:

В наш район прибыло 33 семьи (83 чел.) польских граждан. Всем им представлена соответствующая жилплощадь в колхозах, большинство из них имеют работу; многим оказано содействие в приобретении продуктов питания.

От польских граждан, проживающих в колхозе «Красный Трудовик», поступила жалоба, в которой указывалось, что председатель Фрунзенского сельсовета тов. Ахметов и председатель колхоза «Красный Трудовик» тов. Ельцов не чутко относятся к польским гражданам, не представили им работу, продукты питания. Жалоба их была проверена в срочном порядке Исполкомом Райсовета. Приведенные в заявлении факты в основном подтвердились. Исполком райсовета на своем заседании 10/XII-1941 г. в принятом решении указал т. т. Ахметову и Ельцову на их упущения в этой части и предупредил, что в случае повторения подобных явлений они будут привлечены к ответственности.

Председателям сельсоветов и колхозов, в которых размещены польские граждане, дополнительно сделаны указания о необходимости полного устройства на работу последних и создать им нормальные бытовые и жилищные условия.

Списки польских граждан при этом прилагаются.

Председатель исполкома Райсовета депутатов трудящихся
/Черемухин/

.....

3 Алма-Атинский обл. арх. РК. Ф. 685 Оп.6. Д. 62 Л. 160.

Комментарий

Документ свидетельствует о внимании, которое местная администрация уделяла беженцам. В ответ на запрос, поступивший от более высоких инстанций, им пришлось признать, что поначалу с беженцами имели место некоторые трудности, но теперь все исправлено. Мы увидим, что жалобы на пренебрежение и дискриминацию будут продолжать поступать и в будущем (см. документы 17, 19). Кроме того, документ указывает на то, что в группе бывших польских граждан большое количество евреев, в списке имен (который здесь не прилагается) имена 24 евреев, что составляет почти 30% из всей группы.

№ 4⁴

1.

Союз Советских
Социалистических
Республик

Сов. секретно
Лично
164/с
1 апреля 1942 г.

Совет Народных
Комиссаров

Председателю совнаркома
Казахской ССР – т. УНДАСЫНОВУ Н.

14 марта, 1942 г.
№3-1282
Москва, Кремль

Копия: Секретарю ЦК КПБ
Казахстана – т. СКВОРЦОВУ Н.А.

В совнарком СССР поступают сообщения о тяжелом материально-бытовом положении отдельных групп населения, эвакуированного из прифронтовой полосы.

Вопросами трудового и хозяйственного устройства эвакуированных местные советские органы занимаются совершенно недостаточно. Имеют место случаи, когда отдельные работники местных советских и хозяйственных органов проявляют бездушное, а подчас и преступно-халатное отношение к нуждам эвакуированных, особенно в обеспечении их жилищами и снабжении продовольствием. Об этом свидетельствуют такие факты:

«Прибывшие во Фрунзенский район, Южно-Казахстанской области, 222 человека эвакуированных размещены в непригодных для жилья квартирах и не обеспечены топливом. На почве тяжелых материально-бытовых условий имели место попытки со стороны отдельных эвакуированных к самоубийству».

«В пос. Горы, Гурьевской области, в одной комнате проживают 17 человек – все спят на полу, не имея никаких постельных принадлежностей».

.....

4 Арх. Президента РК. Ф. 608 Оп. 6/2. Д. 10 Л. 45–48.

«В колхозе им. Крупской Чимкентского района, Южно-Казахстанской области 56 чел. размещены в 12 квартирах, из которых пригодны к жилью лишь 3 квартиры, в остальных отсутствуют печи и двери».

«Эвакуированные в г. Караганду учащиеся школ ФЗО в количестве 1100 человек размещены в землянках. В землянках сыро и холодно, в щели набивается снег, учащиеся сильно завшивели. Когда к директору ФЗО Сулейманову учащиеся обратились с просьбой принять меры к ликвидации завшивленности, Сулейманов ответил: «Это не беда, без вшей человек жить не может».

2.

«В колхозе «Интернационал» Сыр-Дарьинского района, Кзыл-Ординской области, группа эвакуированных студентов Киевского университета около 3-х месяцев питается только одним рисом. Овощи и другие продукты в пище студентов отсутствуют, в результате чего здесь распространено заболевание цингой».

«В колхозе «Комсомол» Сыр-Дарьинского района, Кзыл-Ординской области, 95 семей эвакуированных не имеют хлеба; организованное снабжение хлебом эвакуированных отсутствует, а приобрести хлеб на местном рынке они не в состоянии за неимением достаточных средств».

«В Аральский район, Кзыл-Ординской области в ноябре м-це 1941 г. прибыло 1200 человек эвакуированных, в подавляющем большинстве членов семей командно-политического состава Красной Армии, партийных и советских работников. Все они находятся в тяжелом материальном положении, так как отпускаемое им количество хлеба не удовлетворяет минимальных потребностей, других продуктов питания им вообще не продается».

«В Затобольском, Мендыгаринском, Пресновском и Карабалыкском районах Кустанайской области, по линии торгующих организаций была запрещена продажа хлеба эвакуированным и в то же время Райисполкомами не было дано четких указаний колхозам о порядке снабжения эвакуированных хлебом».

«В Курдайский район, Джамбульской области эвакуирован Московский детский интернат. Помещение, в котором размещен интернат, не отапливается, питание плохое, дети сильно завшивели и болею чесоткой, фурункулезом и сыпным тифом».

«В Семипалатинской детской инфекционной больнице, заполненной преимущественно больными детьми эвакуированных, больничный уход организован крайне плохо. На 100 человек больных детей имеется только одна санитарка. Белье детям не меняется».

3.

О тяжелом материально-бытовом положении эвакуированных, размещенных в ряде районов Казахстана и о фактах бездушного отношения к ним со стороны отдельных работников на местах, свидетельствует также содержание писем эвакуированных своим родственникам.

Эвакуированная Колосова, проживающая в Мендыгаринском районе Кустанайской области, пишет своему мужу, находящемуся в действующей Красной Армии:

... «Мне приходится погибать как мухе... Деньги нам не выплачивают, живем как собаки несмотря на то, что мы жены командиров» ...

Эвакуированная Скородворкина, проживающая в Куйбышевском районе Павлодарской области, пишет в Ленинград:

«Жить мне очень трудно, очень каюсь, что уехала из Ленинграда. Пусть убила бы бомба, чем здесь в степи помирать голодной смертью».

Эвакуированная Рахманова, проживающая в Самарском районе Восточно-Казахстанской области, пишет:

«Мне не пережить этих мучений. Я буду вынуждена решить ребенка – маленького Колю и себя. Руководство мне не помогает».

Эвакуированная Вознюк, проживающая в Цюрупинском районе Павлодарской области, пишет на фронт своему мужу:

«Здесь сильные холода... У меня отморожены пальцы на ногах, хожу в туфлях, больше одеть нечего. Не знаю, как я проживу, наверно придется умирать с голода»...

Эвакуированная Купакова – жена военнослужащего, проживающая в Баксайском районе Гурьевской области пишет:

«Работы нам не дают, даже не хотят с нами разговаривать. В сельсовете председатель мне ответил, что мы вас не звали, вы сами приехали сюда. Продуктов не дают никаких, а хлеба когда дадут, а когда и не дадут».

4.

Совнарком СССР считает совершенно нетерпимым наличие указанных фактов и предлагает виновных в непринятии соответствующих мер привлечь к ответственности, а вопрос о работе Местных Советов по трудовому и хозяйственному устройству эвакуированного населения рассмотреть в Совнаркоме республики и о принятых мерах доложить Совнаркому СССР.

Зам. Председателя Совета Народных Комиссаров Союза ССР
(Р. ЗЕМЛЯЧКА)

Комментарий

Документ свидетельствует о суровых условиях, в которых пребывали эвакуированные, о нехватке продовольствия в различных регионах по всему Казахстану. В этом документе важно то, что большая часть приведенных случаев относится к семьям действующих военнослужащих Красной армии – эта группа эвакуированных получала ежемесячные платежи и имела право на снабжение продовольствием, но даже они (не говоря уже о других группах беженцев, которым «повезло меньше») очутились в тяжелых условиях. Похоже, что особенно тяжелой была ситуация в колхозах – там был постоянный дефицит продовольствия и крайне стесненные жилищные условия.

№ 5⁵

.....

СЕКРЕТАРЮ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ЦК КП(б)К

Товарищу СКВОРЦОВУ

Прошу поставить вопрос на ближайшем бюро ЦК о борьбе с детской беспризорностью. Дело обстоит так, что беспризорных детей уже имеется более 200 человек, которые бродят по улицам городов.

Вопрос нужно решить быстрее, т.к. с каждым днем положение осложняется.

ЧЛЕН БЮРО ЦК КП(б)К /БАБНИН/

28 марта 1942 г.

№0688

Бюро ЦК КП(б)К считает, что борьба с детской беспризорностью и безнадзорностью в Республике проводится совершенно неудовлетворительно.

Существующие детприемники НКВД переполнены беспризорными детьми, состояние их неудовлетворительное. Снабжении продуктами питания, вещевым довольствием со стороны местных организаций проходит также неудовлетворительно.

Облисполком депутатов трудящихся по Кзыл-Ординской области отпускает продукты на 20 чел. детей, хотя председателю Облисполкома тов. *Едельбаеву** хорошо известно, что в детприемнике содержится систематически до 60 человек.

Госплан КазССР /тов. Дунаев/ – вместо рассмотрения по существу заявки НКВД КССР об отпуске необходимых материалов для детприемников, отделался бюрократической отпиской: «Обратиться в вышестоящие организации».

.....

5 Арх. Президента РК. Ф. 608 Оп. 6/2. Д. 110 Л. 6-7.

Секретари Обкомов КП(б)К, ЛКСМК, начальники УНКВД областей – не интересуются состоянием детприемников и в большинстве своем ни разу не бывали в них.

Основным недостатком в работе детприемников является очень долгое пребывание детей в них /до 3 месяцев/, в результате того, что Наркомпрос и Наркомзем и их органы на местах несвоевременно извещают НКВД КССР о направлении детей в детские дома, или колхозы.

В результате такого положения в ряде городов республики и особенно в г.г. Алма-Ата, Джамбул и Чимкент имеется несколько сот беспризорных детей, предоставленных самим себе.

Считая такое положение далее нетерпимым, бюро ЦК КП(б)К

п о с т а н о в л я е т:

1. Обязать НКВД, НКПрос, НКЗдрав немедленно проверить состояние детприемников во всех областях, выделив для этой цели специальные проверочные бригады.

Предложить секретарям Обкомов КП(б)К оказать всемерное содействие проверочным бригадам в части устранения обнаруженных недостатков на месте, не ожидая специальных решений по этому вопросу.

2. Обязать бюро Совнаркома в ближайшие дни рассмотреть вопросы снабжения и финансирования детприемников, обязав НКТорг и НКФин снабжать и финансировать детприемники не по средне-годовым нормам, а по фактическому количеству содержащихся детей, т.к. практика снабжения и финансирования по различным средним нормам приводит к ухудшению состояния детей и по существу не вызывается никакими соображениями.
3. Обязать НКВД КССР очистить горда от беспризорных детей, поместив их в детприемники, с последующим направлением в детские дома, колхозы и совхозы для работы.

* Внесено красным карандашом от руки (прим. ред.)

Комментарий

Одной из самых болезненных проблем эвакуации и массового бегства на Восток стала проблема детей-сирот. Как показано в этом документе, тысячи из них наводнили города Средней Азии, попав в некую «серую зону», где ими либо не занималась ни одна из существовавших инстанций, либо те инстанции, которые должны были о них заботиться, не были на это способны. Детям, которым повезло, нашлось место в государственных детских домах, но у них тоже было множество проблем, и слишком многие из них вынуждены были искать пропитание на улицах. Жизнь многих была разрушена после того, как они оказывались в тюрьме за мелкие правонарушения, такие как кража еды. Из-за того, что государство из-за множества проблем затруднялось справиться с этими явлениями, власти обратились к местному населению с просьбой брать на усыновление беспризорных детей. Только в Узбекистане около 200 тыс. детей были переданы в семьи местных жителей, и многие семьи усыновляли детей и растили как своих. Корней Чуковский, оказавшийся в эвакуации в Ташкенте, посвятил один из рассказов этому удивительному явлению.⁶ Одним из наиболее известных примеров, но не единственным, была семья Шамахмудовых из Ташкента, которая во время войны взяла на воспитание и усыновила 12 сирот разных национальностей (двое из них были евреями). В 1982 году Шамахмудову был поставлен памятник на площади Дружбы народов, одной из центральных площадей Ташкента.

⁶ Корней Чуковский, *Узбекистан и дети* (Ташкент, 1942).

№ 6⁷

.....

СССР
НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ
ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

АГЕНТСТВО
НКИД СССР в КСРР
В АЛМА-АТА

№55/82с

С. Секретно
27 июля 1942 г.
<печать №387 27/VII>

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ АЛМА-АТИНСКОГО ОБЛИСПОЛКОМА
тов. БЕЙСЕБАЕВУ

Направляю переписку о польских гражданах для Вашего сведения. Польские граждане, живущие в КазССР, как и остальные иностранцы, полностью подчиняются всем советским законам. Никаких исключений не должно быть в мере наказания, если нарушен закон Советской власти. Необходим, чтобы поляки уважали советские законы и им подчинялись.

Прошу Вас дать указание областным организациям разобраться в вопросе по существу и если виновность поляков в какой-то мере доказана, оставить решение суда в силе.

Приложение: на 3-х листах

`Отп. 2 экз. НС

1-й в адрес

2-й в дело

УПОНОМОЧЕННЫЙ НКИД
ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ КССР

<подпись> /Г. СМЕРНОВ/

.....

7 Алма-Атинский обл. арх. РК. Ф. 685 Оп.6. Д. 62 Л. 157.

Комментарий

Этот документ еще раз указывает на проблемы, связанные с польскими гражданами и их ответственностью перед советскими законами. В документе конкретно не указано, о каких правонарушениях идет речь, но ясно, что существуют расхождения между тем, как воспринимают свой правовой статус в СССР польские граждане, и тем, как понимают его различные органы власти. Некоторые из польских граждан имели советские паспорта, а некоторые – нет, некоторые были зарегистрированы и работали как советские эвакуированные, а некоторые – нет. Некоторые из них были насильственно призваны в трудовую армию, других это не затронуло. Добавим, что даже те, у кого были действительные польские паспорта, не могли до конца войны покинуть Советский Союз.

№ 7⁸

СПРАВКА

О фактах антисемитизма в гор. Фрунзе

По улице Дзержинской, около Пединститута, на тротуаре, поперек, было написано мелом «Бей жидов, спасай Россию».

Около Мединститута, в круге было написано «Бей жидов и коммунистов».

В артели «Авангард» усилились разговоры, евреев не берут в армию, они только по тылам наживаются и т.д. Проведена специальная лекция о дружбе народов (лектор Горина) и беседа по цехам культурником Рабер. Разговоры стихли.

На Табачной ф-ке также усилились антисемитские разговоры среди рабочих. Руководитель агитколлектива т. Баринава провела специальные беседы для устранения этих враждебных толков.

Рабочий цеха Индивидуальн. пошива в УЧНК рассказал, что 26/VII-42 г. возвращался после воскресника с ГЗСа. Подходя к городу он захотел напиться воды. Одна из 3-х женщин, стоящих у водопровода с злым выражением вылила на него воду из ведра, вместо ответа на его просьбу дать напиться. 2 Другие женщины укоризненно отругали ее и дали ему кружку воды.

На хлебозаводе №2 рабочий Бабкин проходя с железными прутами мимо мастера Колбаскина (еврея) сделал угрожающий жест прутами со словами: «скоро мы вас будем бить».

8 ЦГА общественно-политической документации Кир. Ф. 56 Оп. 1. Д. 162 Л. 250–251. Документы н. 7–8 были ранее опубликованы на Английском языке, см: Zeev Levin, “Antisemitism and the Jewish Refugees in Soviet Kirgizia 1942”, *Jews in Russia and in Eastern Europe*, 1(50), Summer, 2003, 191–203.

Бухгалтер Старцев, не проверив как следует, распространил среди рабочих слух о недостатке в экспедиции 3-х тонн хлеба и облек этот слух в такую форму: «в экспедиции недостачи, потому что там работают 3 еврейки – коммунистки». Через 2–3 дня он уже стал находить вместо недостачи 6 тонн излишков.

Парторганизация как надо не реагировала на эти факты.

Рабочий Кепкин, правда, уволен, но за нарушение трудовой дисциплины.

На собрании по обсуждению передовой «Правды» от 30/VII-42 г., которое проходило 3/VIII-42 г. вопросу борьбы с подобными фактами было уделено серьезное внимание.

В общежитии Киргосстроя на дверях было написано «Бей жидов, спасай Россию».

С приходом на работу Упр. Киргосстроём тов. ОРЛОВА /нрзб/ были разговоры: «Орлов, не Безель, он из треста всех жидов изгонит».

В Сельхозинституте рабочий Голодан заявил об агрономе Шфарцмане: «я с жидом этим работать не буду».

Среди рабочих ГЗСа разговоры: «русские на земле работают, а евреи все в торгующих организациях».

Киргостеатр. 1/V-42 г. артист Мадакенов явился пьяным на спектакль вместо объяснений тов. Михайловскому, исполнительному директору театра Мадакенов ударил Михайловского, называя его жидом и др. бранными словами.

Среди сотрудников театра распространяется антисемитский анекдот: «Три еврейские дивизии захватили города Фрунзе, Токмак и Каят».

- 2 -

Есть факты драк между детьми с выкриками «бей жида». Есть много случаев антисемитских выкриков на рынке.

Есть сведения о злых враждебных отношениях между проживающими вдоль Аламединки.

Свердловский РК специально обследовал положение проживающих по Аламединской ул. д. 78.

По заявлению соседей, действительно драки и побоиения очень часты между русской хозяйкой и квартиранткой.

Разъяснительная агит. работа проводится. По 2 раза доклады в июле в парках «О дружбе народов», «О национальной политике фашизма».

На Август месяц в тематику агитколлектива в парках, на ГЭСе включен доклад «Дружба народов СССР залог победы».

Ни одного случая административных взысканий и пред/..../ за антисемитизм – нет.

Зав. Отделом пропаганды
и агитации ГК КП(б) Кирг.
7/VIII-42 г.

(...)

Комментарий

11 июня 1942 года группа женщин – жен военнослужащих Красной Армии – направила письмо «вождю народов СССР» товарищу Сталину с копией в ЦК компартии Киргизии. В письме женщины жаловались на проявления антисемитизма в их городе Токмак. В ответ на обращение, 26 июня областной комитет партии издал указ «О некоторых проявлениях антисемитизма в городе Токмак», в котором осуждались инциденты антисемитского характера; указ был напечатан в местной прессе 30 июня. Партийный аппарат не ограничился, однако, публикацией указа, и приступил к проведению двух расследований: одно во Фрунзе (отчет от 7 августа), другое в Токмаке (отчет от 30 августа).⁹ Неясно, произошли ли после этого случая какие-либо реальные изменения в том, что касается антисемитизма в Киргизии. Однако то, как власти повели себя в отношении

9 Возможно, этот вопрос рассматривался и на общереспубликанском уровне, но единственный документ в архивной папке содержит лишь отчеты по городам Фрунзе и Токмак.

полученного письма, было необычным и могло служить прецедентом для дальнейших шагов со стороны партийного руководства.

Факт распространенности антисемитских настроений среди населения был известен властям, которым поступало много жалоб на эту тему, однако в ответ на это, как правило, мало что делалось (если вообще делалось что-либо).¹⁰ В своей речи 8 ноября 1941 года Сталин сравнил антисемитизм с людоедством; после этого не было принято никаких мер по борьбе с этим явлением.¹¹ Возможно, что произошедший в Киргизии эпизод был намеренно освещен как бы для того, чтобы показать другим регионам в СССР, как советский режим борется с антисемитизмом. Другое объяснение связано со временем публикации постановления (август 1942 – критический момент войны, дела на фронте обстоят плохо для СССР), а также с тем, что среди пострадавших от проявлений антисемитизма были и иностранные граждане (польские евреи). Этот случай мог поставить в несколько неловкое положение СССР, который надеялся, что мировое еврейство окажет давление на правительство США, приведет его к более активному взаимодействию с СССР в войне с Германией.¹²

Представленный в обоих документах довольно длинный список распространенных проявлений антисемитизма отражает повседневную действительность, то, как простые люди выражали присущие им антисемитские настроения в очередях за едой и водой, на рабочих местах и даже в государственных учреждениях. Большая часть задокументированных случаев указывает на то, что антисемитское поведение было распространено среди европейского населения республики (судя по упомянутым фамилиям) и менее характерно для представителей коренных народов Средней Азии, которым, вероятно, было сложнее отличать друг от друга переселенцев из Польши, России или Украины. В документе говорится, что правительственные чиновники обеспокоены такими проявлениями и предпринимают меры по их минимизации. Однако их действия были ограничены разъяснительной работой среди «масс», и никаких попыток искоренить

.....

10 См. заключения по поводу расследования инцидентов в Токмаке в следующем документе.

11 См.: Benjamin Pinkus, *The Jews of the Soviet Union* (Cambridge, 1988) 139.

12 Польские евреи поддерживали связи с представителями своего посольства и с организацией «Джойнт», через которые они получали посылки помощи. См.: Davies, pp. 150–151. Почти тогда же был учрежден Еврейский антифашистский комитет. Если бы этот инцидент, как и многие другие, получил огласку, это могло бы навредить усилиям советского руководства по объединению мирового еврейства в поддержку СССР. См.: Shimon Redlich, *Propaganda and Nationalism in War Time Russia* (1982), 43–46, and Mordechai Altshuler, *Yehudei brit hamo'atsot bashanim 1939–1953* (Jerusalem, 1971) 88, 95–96.

эти явления не предпринимается. Очевидно также и то, что чиновники были обеспокоены ситуацией, при которой в массовом сознании проводилась связь между «коммунистами» и «евреями» как источниками всего зла, поэтому власти оказались перед непростым выбором: пытались бороться с антисемитизмом, но так, чтобы при этом не выглядеть «защитниками евреев» за счет людей других национальностей. Следующий документ является продолжением правительственного запроса.

№ 8¹³
.....

СЕКРЕТАРЮ ЦК КП(б) КИРГИЗИИ

Тов. ВАГОВУ

от зав. сектором печати ЦК КП(б)К
К. ОРОЗАЛИЕВА

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

О некоторых фактах антисемитских вылазок среди населения г. Токмака.

По Вашему поручению мною проверено заявление группы жен военнослужащих об антисемитском отношении местного населения г. Токмака к жителям-евреям. Основные факты, указанные в письме, подтвердились. Беседа с лицами, написавшими письмо, и ответственными работниками партийной и советской организации, не только подтвердила, но и дополнила факты, изложенные в письме.

Антисемитские разговоры в городе идут в основном в следующих направлениях: а/ Русские проливают кровь за родину и за евреев; б/ из-за евреев дороговизна; в/ евреи убивают детей других национальностей, выпивают их кровь, а остальное используют для варки мыла.

Все эти разговоры принимают довольно часто форму прямой травли и преследования евреев, а иногда и физического избиения. Факты таковы:

1. Из колхоза «Серп и молот» вернулся ученик 7 или 8 класса еврейский мальчик потому, что его оскорбляли и били как еврея, колхозные ребята. Избиение еврейских ребят имело место в других школах. Например, школьники 6-й школы избили еврейского мальчика Фрейден.

.....
13 ЦГА общественно-политической документации Кир. Ф. 56 Оп. 1. Д. 162 Л. 246–249.

2. Зав. Горздравотделом, по специальности врач, кандидат в члены ВКБ(б), т. Крайзман, рассказал мне следующие факты: когда он возвращается с работы, его начинают оскорблять ребята соседа за то, что он еврей. Инициатором этой группы ребят является сын председателя колхоза Стрыгуна – члена ВКП(б). Однажды группа ребят с криком «бей жидов» камнями била окна. Такой же случай был с секретарем горкома партии по кадрам тов. Кошелевой. Когда она шла по улице, ребята школьного возраста кричали: «жидовка».
3. По улице Слободской №127 у гр-ки Песковой проживал еврей – польский подданный. Однажды Пескова половину вещей этого гр-на выбросила на улицу и отказалась пустить его в комнату. В это время старшая дочь Песковой залезла на крышу и стала бросать в еврея камнями и бутылками, одна из которых попала в голову польского гражданина и разбила голову до крови. В присутствии милиционера Пескова заявила польскому гражданину: «подожди, скоро сюда Гитлер придет, тогда вам всем евреям даст». Гр-ка Пескова арестована органами НКВД, следствие закончено, на днях над Песковой состоится суд.

- 2 -

4. В колхозе «Серп и молот» ходят слухи, что наша партия занимается покровительством евреям, что партия скрывает преступную деятельность евреев, что в г. Токмаке появились плакаты, где Сталин прячет под свою шинель евреев и т.д. По этому вопросу меня информировал председатель ОСО города т. Рябцев, который написал заявление в горком партии, откуда заявление направили в следственные органы.
5. Начальник паспортного стола Чоклаев не прописал гр-ку Гольцман за то, что она еврейка.
6. «На хлебозаводе работает инженер Мильман, по национальности еврей. Там же на сете написано: «Мильман жид», «Мильман жид» и т.д. – рассказывает инструктор горкома партии т. Делуази.

7. Тракторист Памирстроя Никульщин Николай Алексеевич два раза ударил Хасанова, по национальности еврея, и при этом оскорбил его: «жидовская морда». Никульщин арестован. Прокуратурой закончено следствие. На днях состоится суд над этим хулиганом.
8. Работник того же Памирстроя Карпичкин Владимир Гаврилович, будучи на строительстве БЧК, оскорбил еврея Минина и при этом два раза ударил палкой по носу, в результате чего из носа пошла кровь. Карпичкин тоже арестован, на днях его будут судить.
9. Главный бухгалтер токмакского Киргизторга некий Трусов самовольно урезал оклад и оскорбил Прискер за то, что он еврей, а также всячески принимал меры к тому, чтобы не принимать евреев на работу.

Трусов арестован органами НКВД, следствие закончено, на днях состоится судебный процесс.

10. В течение нескольких дней по городу шел слух о том, что на 11 июня назначен еврейских погром, что на днях будет открытый суд над группой евреев в здании Токмаковского городского театра. На этот процесс готовились организованно приехать даже колхозники.

Группа евреев пришла к нарсудье т. Яско с просьбой разрешить им присутствовать на судебном процессе над группой евреев (тогда как никакого процесса даже не предполагалось быть).

11. Зав. отделом мобилизации горисполкома Елькин, член ВКП(б), однажды с одним работником горисполкома Островским, по национальности евреем, ходили на базар, и Елькин заявил: «Видишь, из-за ваших соотечественников такая неслыханная дороговизна у нас в городе». Партийная организация объявила ему выговор и сняла с работы. Факты проявления антисемитизма были даже в самом аппарате городского комитета партии. Работник (учетчик) отдела кадров горкома Олишевка (жена Каприка – зав. военным отделом горкома) говорила секретарю по кадрам Горкома т. Кошелевой, что евреев

принимать на работу не надо. Поведение Олишевка первичная парторганизация обсудила и поставила ей на вид, от работы в горкоме партии Олишевка освобождена.

- 3 -

Заслуживает серьезного внимания следующий факт: работник городской детской библиотеки Золотоволосова (жена бывшего секретаря по кадрам Токмакского горкома Золотоволосова) однажды утром поделилась своим мнением, якобы она слышала, что кто-то принес главному врачу детской больницы Якинец свежую детскую кровь. Кстати, надо сказать, что гр-ка Золотоволосова частенько занимается распространением разного рода слухов антисемитского характера. Отец Золотоволосовой, некий Денисенко, за расхищение государственной собственности арестован, мать Золотоволовой Денисенко и она сама (Золотоволосова) тоже сидели по 6 и 9 месяцев в тюрьме за нарушение советского закона о запрещении абортов. Мать Золотоволосовой – Денисенко открыто занимается распространением антисемитских слухов, учит ребенка Золотоволосова «а нука покажи, как жид смеется, как жид ходит» и т.д. Золотоволосова и ее мать Денисенко свою домашнюю собаку зовут «Абгашей» (Абрашей).

Денисенко является одним из источников распространения антисемитских разговоров. Кстати, к этой Денисенко ходит некая гражданка Колесникова, которая утверждает, что «Красная Армия голодает, поэтому ее бьют немцы» и т.д.

ВЫВОДЫ:

1. Партийная организация г. Токмака, прежде всего горком партии, проявили недопустимую медлительность, своевременно недооценили факты антисемитизма и ДЮ решения обкома партии, т.е. до 28 июня, не приняли никаких мер для их устранения.

Отдельные факты проявления антисемитизма со стороны местного населения к еврейским жителям были известны горкому партии еще в начале марта.

В результате этого, а также ослабления партийно-политической и агитационно-массовой работы среди неорганизованного населения города, антисемитизм принял широкий размах.

2. Имея достаточно материалов об антисемитизме, применении физической силы со стороны отдельных хулиганов к отдельным евреям, прокурор Чуйского района и начальник НКВД до решения горкома (28-го июня) не приняли никаких мер и только лишь после решения горкома стали заниматься этим вопросом. Характерно то, что прокурор РайНКВД до моего отъезда из Токмака (25 июля) никого из этих хулиганов и провокаторов не судили.
3. Партийная организация не работает с неорганизованным населением, агитационно-массовая работа на кварталах отсутствует.
4. Совершенно отсутствует воспитательная работа среди школьников. Партийная организация этот участок работы совершенно забросила.
5. Не занимаются вопросами борьбы с проявлениями антисемитизма директора предприятий, руководители советских, хозяйственных организаций.

- 4 -

6. Секретари и зав. отделами горкома партии ни разу не выступали с докладами на эту тему среди неорганизованного населения города, на собрании жен военнослужащих и, наконец, среди партийного и хозяйственного актива.
7. Если в ближайшее время партийная, советская, комсомольская и профсоюзная организации г. Токмака по-настоящему не будут заниматься этим вопросом, то существующее положение еще более усугубится.

8. Со всеми этими фактами и моими замечаниями по этому вопросу согласны секретари горкома партии т.т. ДИХТЕНКО и КОШЕЛЕВА.

ПРИМЕЧАНИЕ: Правильность этих фактов подтвердили следующие лица:

1. РОЗЕНШИЛЬД – член ВКБ(б) с 1929 г., лектор горкома партии, по национальности – русский.
2. КРАЙЗМАН – зав. Горздравотделом, кандидат в члены ВКБ(б).
3. КРИВОНОСОВА – зав. городской детской библиотекой.
4. ТУРЕЦКАЯ – зав. городской библиотекой – член ВКБ(б) с 1920 г.
5. РЯБЦЕВ – председатель гор. ОСО – член ВКБ(б).
6. ДЕЛУАЗИ – инструктор ГК партии, член ВКБ(б) с 1925 г.
7. КОРБОВНИЧИЙ – прокурор Чуйского района.
8. КРУТОВ – Нач. РайНКВД.

(К. ОРОЗАЛИЕВ)

30.VIII.1942 г.

Письмо, адресованное на Ваше имя, написано следующими лицами – женами военнослужащих:

1. КЕСЕЛЬМАН Белла Григорьевна – проживает в г. Токмаке, ул. Кожевенная /? нрзб/, № 31;
2. ЭСКИНА Евгения Ефремовна – Каракольская № 81, образование высшее, преподаватель литературы и русского языка.
3. МАРШАК Татьяна Рудольфовна, прож. по ул. Каракольской №81, образование высшее – преподаватель немецкого языка.

.....

Комментарий

Обратите внимание на первую подпись, стоящую под этим письмом Розеншильд, рядом с которой стоит пометка: «по национальности русский». Это единственная фамилия в списке, при которой с указанием национальности, и это, наверное, призвано более всего подчеркнуть аспект «национального вопроса» и «дружбы народов», в контексте которого Розеншильду важно подчеркнуть, что он не еврей.

№ 9¹⁴

.....

2 сентября

Сов-секретно

Секретарю обкома КП(б) Казахстана
тов. УШАЯКОВУ.

В ЦК КП(б) Казахстана поступают многочисленные сигналы о том, что в г. Джамбуле и Джамбулской области, за последнее время имели место неоднократные случаи проявления антисемитизма, переходящего даже в активные действия, как например, избиение евреев.

ЦК КП(б) Казахстана рассматривает это, как вылазку антисоветских элементов, пытающихся подорвать единство и дружбу народов Советского Союза и этим ослабить наш тыл.

ЦК КП(б)К считает, что подобные явления происходят в результате слабой постановки политико-воспитательной работы среди населения и недостаточной борьбы с антисемитами органами прокуратуры и милиции.

Предлагаем Вам усилить политико-воспитательную работу и шире разъяснить трудящимся в лекциях и беседах учение Ленина-Сталина о национальной политике. Пропагандисты и агитаторы должны добиться четкого и ясного понимания трудящимися, что только единство и дружба всех народов нашей страны обеспечит нам победу над фашистскими захватчиками.

Наряду с усилением партийно-политической работы обязываем Вас потребовать от местных судебно-прокурорских органов и милиции быстро и оперативно разбирать дела, связанные с антисемитизмом, привлекая виновных к суровой ответственности и не пропускать безнаказанно ни одного случая антисемитизма, как позорящего звание советского человека.

.....

Направляем копию письма т. Матвеева, предлагаем срочно проверить и принять меры к пресечению подобных фактов и о принятых мерах сообщить нам к 10 сентября, предлагаем также сообщить о результатах принятых мер по письму т. Гриншпун, посланного нами 7 августа.

Секретарь ЦК КП(б) Казахстана

Абдыкалыков.

Комментарий

Как и в случае с утверждениями о проявлениях антисемитизма в *Киргизии* (документы 7–8), здесь прослеживается все та же схема многочисленных письменных жалоб, которые множество евреев направляли в советские административные органы: лично Сталину, местным высокопоставленным чиновникам, в партийный аппарат и в Еврейский антифашистский комитет в Москве. Этот комитет был создан для лоббирования интересов СССР среди мирового еврейства (особенно в США), но вскоре стал адресатом обращений многих тысяч советских евреев, которые видели в комитете представителя своих интересов в советской администрации.¹⁵ В годы войны комитет проявлял большую активность в этом направлении. В данном случае мы имеем дело с приказом, исходящим из самых высоких эшелонов партийного руководства Казахстана (и, вероятно, также от более высокопоставленных инстанций), расследовать жалобы с мест и сообщать о полученных результатах. В приказе требуется прилагать больше усилий для проведения политико-воспитательной работы в духе «дружбы народов», а также для обеспечения соблюдения закона и уголовного преследования тех, кто причастен к таким противоправным деяниям. Как мы увидим в следующем документе (документ 10), местные власти приняли это во внимание.

В то время Джамбул (сейчас Тараз, город в Южном Казахстане, недалеко от Ташкента и Фрунзе) был важным железнодорожным узлом. Многие тысячи из прибывавших туда беженцев застревали в городе, не имея возможности продолжить свой путь. Тяжелые условия жизни привели к распространению в этом районе эпидемий, таких как тиф, который унес много тысяч жизней. Большое еврейское кладбище в Джамбуле/Таразе (в котором до войны не было большой еврейской общины) служит безмолвным свидетелем происходившего.

15 Gennady Estraiikh, “The Life, Death, and Afterlife of the Jewish Anti-Fascist Committee”, *East European Jewish Affairs* 48 (2) 2018, 139–148.

№ 10¹⁶

Копия

Сов. Секретно

ПРОКУРОРУ СОЮЗА СССР – тов. БОЧКОВУ

СПЕЦЗАПИСКА

В Джамбулской области Казахской ССР особенно в г. Джамбуле за последнее время наблюдаются случаи проявления антисемитизма, причем несмотря на ряд мер, принятых органами Прокуратуры и местными партийными организациями, количество случаев увеличивается. Об этом свидетельствуют нижеприведенные данные. Так, за первое полугодие 1942 г. органами прокуратуры возбуждено 4 уголовных дела и привлечено к уголовной ответственности 4 человека, а за период с 1-го июля по 1-е сентября 1942 г. за два месяца возбуждено 11 уголовных дел и привлечено к уголовной ответственности 14 человек.

Эти данные свидетельствуют о росте высказываний антисемитского погромного характера, направленных на унижение национального достоинства еврейской национальности, на разжигание национальной вражды.

Таким образом, за 1942 г. по состоянию на 1-IX органами Прокуратуры Джамбулской области возбуждено 15 дел и привлечено к уголовной ответственности 18 человек из них: мужчин 15 человек, женщин 3 человека.

По социальному происхождению:

из кулаков 1 человек.

из кустарей..... 1 – «» --

из крестьян 10 – «» --

из рабочих..... 0 – «» --

.....

Из возбужденных 15 дел, следствием окончено и передано под суд 12 дел и в производстве Народных следователей находится 2 уголовных дела, кроме того одно уголовное дело (по обвинению Тихомирова) производством прекращено в связи со смертью обвиняемого.

Из 12 дел, переданных в суд, судом рассмотрено 7 дел и по ним осуждено 7 человек к следующей мере наказания:

До 1 года 1 чел.

5 лет 1 «»

7 лет 1 «»

8 лет 2 «»

10 лет 2 «»

Из анализа этой категории установлено, что первыми делами, возбужденными органами Прокуратуры за проявление антисемитизма были дела против квартиросдатчиков, которые с целью выселения из квартир подвергали квартиросъемщиков по национальности евреев систематическим издевательствам.

Так например:

в апреле м-це 1942 года привлечена к уголовной ответственности ПРОЦЕНКО Вера Георгиевна, систематически издевавшаяся над семьей военнослужащего – СКЛЯР, проживающая у нее на квартире. Будучи настроена против еврейской национальности – ПРОЦЕНКО проводила агитацию среди своих соседей с целью возбуждения неприязненного отношения к евреям и в частности к СКЛЯР. ПРОЦЕНКО – 1916 г. рождения, русская, из рабочих, осуждена к 7 годам лишения свободы.

Из анализа дел, возбужденных в августе м-це 1942 года, видно, что форма проявления антисемитизма изменилась, т.к. преступники занялись систематическим избиением граждан по национальности евреев, на улицах сопровождая избиения выкриками погромного характера, так например:

ФРОЛОВ Михаил Михайлович и ПОБЕЛИХИН Ф.Ф. (призывники) 10-го августа 1942 г. будучи в нетрезвом состоянии на улице г. Джамбула задерживали проходящих мимо них граждан-евреев и избивали их. В этот день они избили 4-х человек, причем при побоях выкрикивали: «Бей жидов спасай Россию», «Жида продали Россию», «не поедем на фронт, пока не перебьем всех жидов» и т.д.

Следствие по делу окончено, передано в суд.

- 2 -

Привлечен к уголовной ответственности рабочий Трансторгпита /.../ ГОЙЖЕ, который на пути возвращения с работы домой несколько дней подряд на одном и том же месте избивал граждан-евреев, оскорблял их национальное достоинство и разжигал национальную вражду, как-то в момент когда он устраивал дебош, вокруг собиралось большое количество людей и он сопровождал дебош выкриками: «Бей жидов», «Все русские на фронте, а жида поприезжали прятаться в Джамбул, работать не хотят, в колхоз не идут» и т.д. За вышеуказанные действия, ГОЙЖЕ предан суду.

Кроме того имеют место случаи и распространения листовок антисемитского контрреволюционного характера, так например:

Привлечен к уголовной ответственности АРХИПОВ Федор Антонович (инвалид без обеих ног), который на протяжении 12 лет, т.е. с 1930 года, нигде не работал и не занимался общественно-полезным трудом, а занимался игрой на деревянных косточках на рынке г. Джамбул. Играя на них, он выкрикивал лозунги погромного характера и распространял листовки (от руки написанные) антисемитского характера: «В Киеве был еврей, а Джамбуле жид», «Не пускай жидов к курам и маслу, они поели всех кур и масло» и т.д.

За распространение листовок к.р., антисемитского характера, Архипов осужден к 8-ми годам л.с.

Необходимо отметить, что со стороны Облсуда не было принято мер на усиление репрессии по делам этой категории в связи с чем, были случаи, когда Облсуд переквалифицировал уголовные

преступления со ст. 59-7 на ст. 159 УК и выносил меру наказания 6 месяцев ИТР, как например:

Рассмотрев уголовное дело по обвинению КУЧМА Марии Яковлевны, которая с целью выселения из квартиры квартиросъемщицу Заславскую систематически издевалась над ней, обзывая ее нецензурными словами, кроме того в мае м-це КУЧМА устроила у себя на дому гулянку, куда было приглашено ряд лиц, в присутствии которых КУЧМА проводила агитацию, направленную на возбуждение неприязненных отношений к представителям еврейской нации.

КУЧМА осуждена к 6 месяцам ИТР. Данный приговор своевременно опротестован.

Органы Прокуратуры установили рост преступлений по делам этой категории в июле м-це поставил в известность об этом ОК КП(б)К, для принятия мер по усилению массово-разъяснительной работы среди населения города Джамбула, а также разъяснения принципов Ленинско-Сталинской национальной политики, так как причины возникновения преступлений этой категории дел является отсутствие агитационно-массовой работы среди населения города.

Несмотря на то, что ОК КП(б)К принял решение по усилению массово-разъяснительной работы, преступления связанные с проявлением антисемитизма не уменьшились, а как видно из вышеуказанного увеличилась.

В связи с этим мною вторично поставлен вопрос перед ОК КП(б)К о необходимости принятия соответствующих мер. Кроме того мною дважды ставился об этом в известность Прокурор КССР.

Учитывая актуальность борьбы с данной категорией преступности считаю необходимым об этом поставить и Вас в известность.

ПРОКУРОР

ДЖАМБУЛСКОЙ ОБЛАСТИ КССР.

(ПОЛУЭКТОВ)

Комментарий

Перед нами очень редкий документ. Его уникальность заключается в том, что он содержит информацию о реальных наказаниях за правонарушения на почве антисемитизма. Если о необходимости расследования или проведения массовой учебно-воспитательной работы среди антисемитски настроенного населения говорится и во многих других источниках, то в этом документе содержится подробная информация о том, как власти боролись с антисемитизмом. Несмотря на то, что документ поступает из весьма периферийного места и, насколько мне известно, не был использован в показательных целях, все же важно помнить, что в то время советское руководство нуждалось в поддержке широких масс, в глазах которых защита евреев не была особо популярным делом.

Документ представляет собой отчет, направленный генеральному прокурору СССР от прокурора Джамбульской области, где тот сообщает, что было проделано в его городе в плане борьбы с антисемитизмом. Из подробного отчета мы видим, что местные власти воспринимают этот вопрос с серьезной обеспокоенностью. Широко известно, что антисемитизм (как и любая другая форма ненависти на национальной почве) был в СССР уголовно наказуемым – в данном случае я не могу представить себе, что еще в каком-либо государстве в то время существовала такая практика. Более того, как мы видим, приговоры суда по обвинению в таком, незначительном на наш взгляд, правонарушении, как «проявление бытового антисемитизма», оборачивались длительными сроками лишения свободы, большинство из которых варьировалось в промежутке от 5 до 10 лет.

Интересно также и то, что в своем отчете областной прокурор проводит две линии «развития» проявлений местного антисемитизма: одна из них – хронологическая, с резким подъемом летом 1942 года, а другая отражает некоторое усиление динамики этих проявлений, которые начинаются с отказа предоставить евреям квартиру в аренду, перерастают в физическое насилие и достигают своего пика уже становясь «контрреволюционной деятельностью». В отчете также приводится интересная социо-демографическая оценка, по которой антисемитское поведение связывается с социальным происхождением правонарушителя – большинство осужденных были крестьянами, а не представителями рабочего класса.

№ 11¹⁷
.....**ИЗ ИНФОРМАЦИИ НКВД КАЗССР В ЦК КП(б) КАЗАХСТАНА
ОБ АНТИСОВЕТСКИХ ВЫСТУПЛЕНИЯХ
СРЕДИ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ И ЭВАКУИРОВАННЫХ**

г. Алма-Ата 18 октября 1943 г.

Совершенно секретно

К началу войны Советского Союза против фашистской Германии в Казахстане насчитывалось 80 тыс. немцев, больше 130 тыс. поляков, 60 тыс. корейцев, больше 180 тыс. кулаков-трудпереселенцев, 15 тыс. ссыльно-поселенцев, 33 тыс. ссыльных и высланных.

В первые месяцы войны в Казахстан прибыло еще около 400 тыс. немцев, 50 тыс. поляков и 15 тыс. ссыльных и высланных.

Наличие в Казахстане такого большого количества кулаков-переселенцев, ссыльных, немцев, корейцев ит. д. является реальной базой для всякого рода антисоветских проявлений и активных выступлений со стороны враждебных элементов.

За время войны по Казахской ССР ликвидировано свыше 700 антисоветских организаций и групп с общим числом арестованных по ним до 4 тыс. человек. | ...

Во время войны в Казахстан из западных республик и областей СССР, а также из прифронтовой полосы в числе эвакуированного гражданского населения прибыло до 300 тыс. человек евреев, среди которых оказалось значительное число еврейского националистического элемента, в основном бывших членов сионистских партий и организаций.

.....
17 Арх. Президента РК. Ф. 708 Оп. 71. Д. 145 Л. 30–36.

Еврейские националисты сами распространяли провокационные слухи о якобы имевших место еврейских погромах, пытаясь использовать панические настроения эвакуированных евреев для организации среди них националистической работы.

Представители Польского правительства в СССР, так называемые делегатуры, использовали враждебное отношение к СССР части евреев для своей нелегальной деятельности против СССР, а отдельные представители этих делегатур пытались инспирировать среди них тенденции к массовой эмиграции. | ...

Народный комиссар государственной безопасности КазССР
БАБКИН

Комментарий

Документ свидетельствует о социальной напряженности и сложностях, связанных с социальной фрагментацией, в советском Казахстане военного времени. Будучи местом массовой депортации уже и в довоенные годы, республика должна была принять еще большее число людей – беженцев и эвакуированных – в годы войны, что радикальным образом увеличило и без того существовавшую там напряженность. В отчете наркома госбезопасности КазССР говорится, что за два года в Казахстане было раскрыто более 700 антисоветских групп и осуждены более 4 тысяч человек. В отчете не указывается, что это были за группы и чем они занимались, но в том, что касается евреев, говорится о наличии около 300 тысяч еврейских беженцев, и проводящейся среди них значительной «националистической деятельности». В последнем параграфе также говорится о контактах между польскими делегатурами и представителями еврейского населения, и указывается на влияние этих представительств на формирование враждебного отношения к советскому режиму. Польские граждане в том же предложении удивительным образом не упоминаются.

№ 12¹⁸

НКС СССР
Особое строительно-монтажное
Управление
№5

ОСМЧ №5
Ноября _____ 1943 г.
№_154/3
Алма-Ата. Тел. № /нрзб/

ЦК КП(б)К
тов. СКВОРЦОВУ

Копия зам. Народного
Комиссара
Внутренних Дел КазССР
Генерал Майору Милиции
тов. Белюнову

7/XI с.г. в 5 часов вечера в г. Алма-Ата на Слободской ул. В доме № 57 имело место возмутительное антисоветское выступление группы хулиганов под руководством ГРАНКИНА Ильи Онуфриевича, его жены Феклы Леонтьевны и их дочери Анны Ильиничны проживающих по Слободской ул. в доме № 55 и Левина Ивана проживающего по Слободской ул. в доме № 66.

Организовав толпу ГРАНКИНЫ и ЛЕВИН с антисоветскими и антисемитскими выкриками /бей жидов спасай Россию и т.п./ двинулись к квартире нашего старшего прораба т. ЛИТВАК Израиля Борисовича по Слободской ул. в д. № 57.

Так как квартира была изнутри заперта, то хулиганы потребовали от соседа по квартире, бывшего в то время у тов. ЛИТВАК, тов. ЛАПШИНА Алексея Константиновича, чтобы он впустил их в квартиру.

Как они выражались, им нужно было «избить длинного жида».

Тов. ЛАПШИН проявил гражданское мужество, отказался впустить хулиганов, пытался их уговорить разойтись, но был ими жестоко избит, причем на нем была в клочки порвана рубашка.

18 Арх. Президента РК. Ф. 708 Оп. 7. Д. 264 Л. 104–105.

Услышав шум, наш инженер ЛИТВАК вышел на улицу и стал вырывать тов. ЛАШИНА из рук разъяренных хулиганов. Тогда ГРАНКИНЫ, ЛЕВИН и другие с теми же антисоветскими и анти-семитскими выкриками, набросились на тов. ЛИТВАК и начали его избивать и душиить за горло.

При этом у тов. ЛИТВАК был вырван клочок волос и сорваны и похищены с левой руки часы фирмы «Павел Буре».

Вырвавшись из толпы, т. ЛИТВАК вбежал в дом. В квартире находились домохозяйка т. ТАРОНЕНКО Прасковья Васильевна, дочь ее Мария Ивановна, тов. ЛАПШИН Алексей Константинович с женой, МАРЧУКОВА Любовь Васильевна. Кроме того, свидетелями всего происшедшего были матери ЛАПШИНА и него жены проживающие в этом же доме и прибежавшие на шум рабочие ОСМУ-5 т.т. КУРАЧЬ и ЯСТРЕБ.

После того, как тов. ЛИТВАК вырвался из рук хулиганов, последние в течении 1½ – 2 часов пытались взломать двери в квартиру и побили стекла в квартире.

- 2 -

Весь этот дебош сопровождался теми же антисоветскими и анти-семитскими выкриками.

Дочь вожака хулигана ГРАНКИНА Анна Ильинична в присутствии ряда лиц, в том числе тов. ТАРАНЕНКО Марии Ивановны, проживающей по Слободской 57, заявила, что все равно «/нрзб/ ЛИТВАК здесь не жить», а жена ГРАНКИНА в присутствии ТАРАНЕНКО Прасковьи Васильевны говорила своему мужу «ты бей /нрзб/ стекла, а не те, хозяйские».

Не смотря на вмешательство зам. Секретаря ЦК КП(б) /нрзб/ оборонной промышленности тов. Койшегулова и неоднократные вызовы по телефону, 2-й район милиции г. Алма-Ата своевременной помощи не оказал, и только органы НКВД быстро явились на вызов и отобрали у вожаков хулиганской банды их документы.

Выступление хулиганской группы с возбуждением и разжиганием национальной розни носит явно выраженный антисо<ветский> характер и, возможно, организован вражеской агентурой.

Поэтому просим Вашего срочного распоряжения о про<извод>-стве тщательного расследования всех обстоятельств по данному делу с немедленным привлечением виновных лиц к строгой ответственности.

Одновременно сообщаем, что инженер ЛИТВАК является одним из лучших специалистов строительства награжденным <гра>-мотой Верховного Совета КазССР.

Начальник ОСМУ-5 /Кром/

Секретарь парторганизации /Кириллов/

.....

Комментарий

Еще одно сообщение о проявлении антисемитизма – случай, относящийся к бытовому насилию. Здесь сообщается, что местная милиция ничего в связи с этим не предприняла, и единственные, кто что-либо делал (и неясно, с каким результатом), были сотрудники органов НКВД.

№ 13¹⁹

.....

Сов. секретно

Организационно-инструкторский отдел ЦК КП(б) Каз.

ИНФОРМАЦИЯ

О РАБОТЕ МЕСТНЫХ ПАРТИЙНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

№ _____

2 февраля 1944 г.

СЕКРЕТАРЮ ЦК КП(б) Казахстана
тов. ШАЯХМЕТОВУ.

**О бедственном положении семей фронтовиков –
колхозников в некоторых районах Алма-Атинской
и Кустанайской областей.**

В ряде колхозов Андреевского и Дзержинского районов, Алма-Атинской области, семьи военнослужащих-колхозников находятся в очень тяжелый материально-бытовых условиях, не обеспечены хлебом и другими продуктами первой необходимости. На этой почве в семьях фронтовиков имеются случаи истощения и болезни взрослых и детей.

В таком же бедственном положении находятся семьи военнослужащих-колхозников в некоторых других районах. Например, в колхозах Карабалыкского района, Кустанайской области, насчитывается до 300 красноармейских семей, нуждающихся в неотложной продовольственной помощи, а в ряде колхозов (Урнек, Тасты-Узек, Енбек, Кызыл-Ту, Берлик) в семьях фронтовиков имеются случаи опухания детей от голода.

Бюро Алма-Атинского обкома КП(б)К 8 января 1944 года вынесло решение по указанному вопросу, потребовав от руководителей

.....

19 Арх. Президента РК. Ф. 708 Оп. 8. Д. 194 Л. 1.

Андреевского и Дзержинского районов принять меры на месте к обеспечению продовольствием особо нуждающиеся семьи фронтовиков-колхозников.

Для контроля и оказания помощи местным партийным, советским организациям в данные районы командирована бригада обкома КП(б)К и исполкома облсовета депутатов трудящихся.

Обком обязал районы КП(б)К обсудить постановление на закрытых заседаниях бюро и принять необходимые меры оказания помощи остро нуждающимся семьям фронтовиков.

Карабалыкский райком КП(б)К также обсудил этот вопрос на заседании бюро.

Для поддержания семей фронтовиков-колхозников райком постановил выделить из отходов станционного элеватора «Заготзерно» 46 центнеров продуктов.

Зав. сектором информации
организационно-инструкторского отдела ЦК КП(б)К.
(МАСТЕРОВА)

Комментарий

Репортаж о голоде и истощении в колхозах среди семей военнослужащих. Неясно, насколько уникальной была эта ситуация, и действительно ли предоставленное решение улучшило ситуацию на местах. Очевидный вывод здесь состоит в том, что голод и истощение были неотъемлемой частью жизни в сельской местности не только в первые, но и в последующие годы войны, и затрагивали не только самых незащищенных, но даже и тех, кто должен был находиться на государственном обеспечении.

№ 14²⁰

.....

<печать получателя:>

ЦК КП(б) Казахстана

№497

21 III-1944 г.

ZARZĄD GŁÓWNY
ZWIAZKU PATRIOTÓW POLSKICH
w ZSRR

Moskwa, proezd Wladimirova, 4
Tel. K-3-19-77

СЕКРЕТАРЮ ЦЕНТРАЛЬНОГО
КОМИТЕТА ВКП(б)
КАЗАХСКОЙ ССР

гор. Алма-Ата

ГЛАВНОЕ ПРАВЛЕНИЕ
СОЮЗА ПОЛЬСКИХ ПАТРИОТОВ
в СССР

Москва, проезд Владимирова 4
Тел. К-3-19-77

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВЕТА
НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ
КАЗАХСКОЙ ССР

гор. Алма-Ата

СЕКРЕТАРЮ ЦЕНТРАЛЬНОГО
КОМИТЕТА ВКП(б) СССР

гор. Москва

10-III-1944
№539

ЗАМЕСТИТЕЛЮ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ
СОВЕТА НАРОДНЫХ
КОМИССАРОВ СССР

Тов. МОЛОТОВУ

Союзом Польских Патриотов получено обращение Облправления Союза Польских Патриотов в Джамбуле к местным властям с просьбой принять меры к обеспечению 20.000 б. польских граждан проживающих в Джамбульской области (копии в приложении).

Мы проинформированы Облправлением Союза Польских Патриотов в Джамбуле об исключительно тяжелом положении этой группы б. польских граждан из-за того, что неурожай привел к излишкам рабочей силы в этой области и связанные с этим последствия в обеспечении населения. Так как б. польские граждане

эвакуированные несколько раз из-за военных действий лишены других средств существования, нашлись они в безвыходном положении на месте. Как нас информируют, в соседних областях ощущается потребность рабочей силы, особенно в промышленности (Ташкент, Фрунзе, Самарканд) – поэтому Облправление Союза Польских Патриотов в Джамбуле обратилось к местным властям с просьбой переселить соответствующий излишек б. польских граждан в эти области и устроить на работу. Так как местные власти этого вопроса не могут решить без указания выше стоящих организаций, убедительно просим:

1. Переселить излишек б. польских граждан в указанные области и устроить на работу.
2. Рекомендовать Правлениям колхозов не препятствовать б. польским гражданам в выезде из колхозов при возможности получения работы в другой местности и выдавать соответствующие справки о расчете.
3. Обеспечить б. польских граждан в Джамбульской области в части гособеспечения наравне с прочим населением эвакуированным из оккупированных областей (за счет фонда для эвакуированных).

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ГЛАВНОГО
ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПОЛЬСКИХ ПАТРИОТОВ
В СССР: (Ванда ВАСИЛЕВСКАЯ)

Комментарий

В этом документе подчеркивается проблема беженцев, которые были переселены в колхозы, где их не могли обеспечить в достаточной степени ни работой, ни питанием. Из-за ограничений на передвижение гражданских лиц в Советском Союзе этим беженцам не позволялось покидать места своей прописки, и они были обречены на голод. В то же время в документе говорится, что есть регионы, где ощущается нехватка рабочих рук, но

власти на местах не могут решить эту проблему ввиду их зависимости от вышестоящих инстанций.

Обращение подписано Вандой Василевской, председателем Союза польских патриотов. Василевская, известная польская и советская писательница и общественный деятель, бежала в СССР из Польши в 1939 году, спасаясь от преследования нацистов, и затем стала одной из ведущих фигур в деле восстановления советско-польского сотрудничества. Движение было создано в 1943 году для вовлечения польских граждан, находившихся в то время в СССР, в совместную борьбу за освобождение Польши от нацистов в рядах Красной армии, для сохранения польской культуры (в советском духе), и Василевская была одной из ответственных за организацию и осуществление послевоенной репатриации польских граждан на родину.

№ 15²¹

173 17/5 ?

Секретно

СОВЕТ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СССР
ПОСТАНОВЛЕНИЕ №359-105с

От 5 апреля 1944
Москва, Кремль.

Об оказании дополнительной материальной помощи бывшим польским гражданам, эвакуированным из западных областей Украины и Белоруссии в тыловые районы СССР.

ВПИСКА:

В дополнение к распоряжению Совнаркома СССР от 29 января 1942 г. №1541-рс и Постановлению Совнаркома СССР от 21 мая 1943 г. № 556-173с, Совет народных комиссаров Союза СССР

ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Обязать Наркомторг СССР выдать бывшим польским гражданам, эвакуированным из западных областей Украины и Белоруссии в тыловые районы СССР, продовольственный паёк (сверх существующих норм снабжения) в следующем размере на одного человека: муки по 2 килограмма, крупы по 1 килограмму, жиров по 500 граммов, сахара и кондитерских изделий по 500 граммов, соли по 500 граммов, мыла хозяйственного по одному куску с отовариванием в апреле месяце и такого же единовременного продовольственного пайка с выдачей в мае 1944 г.
2. Разрешить областным, краевым исполкомам и Совнаркомам республик выдавать остро нуждающимся семьям военнослужащих польской армии в СССР единовременное

.....
21 Алма-Атинский обл. арх. РК. Ф. 685 Оп.6. Д. 70 Л. 5.

денежное пособие до 500 рублей на одну семью из имеющихся в распоряжении отделов по государственному обеспечению и бытовом устройству семей военнослужащих бюджетных и внебюджетных ассигнований.

3. В целях улучшения материально-бытового устройства семей военнослужащих польской армии в СССР обязать областные, краевые исполкомы и Совнаркомы республик провести мероприятия, указанный в приложении №1.

Зам. Председателя Совета
Народных Комиссаров Союза СССР

В. Молотов

Управляющий Делами Совета
Народных Комиссаров СССР

Я. Чадаев

Комментарий

Эта резолюция от апреля 1944 г. еще раз показывает исключительное положение бывших польских граждан в СССР: для исправления ошибок прошлого, Совет народных комиссаров просит предпринять позитивные меры выравнивания в отношении этой группы. Речь идет о политике, к которой власти прибегали редко, дабы не дискриминировать одних советских граждан по отношению к другим; аналогичная проблема возникла и с посылками от «Джойнта», предназначенными для распределения среди нуждающегося еврейского населения.

№ 16²²

Қазақ ССР

Казахская ССР

ІШКІ ІСТЕР ХАЛЫҚ
КОМИССАРИАТЫ

г. Алма-Ата

НАРОДНЫЙ
КОМИССАРИАТ
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Отдел БДББ

№ 21/1/1149

5 мая 1944 г.

СОВ. СЕКРЕТНО

СЕКРЕТАРЮ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
ПАРТИИ БОЛЬШЕВИКОВ КАЗАХСТАНА

ТОВ. СКВОРЦОВУ

В результате проверки Акмолинской УНКВД Урюпинского детдома, находящегося в Калининском районе установлено, что руководство детдома преступно халатно относилось к работе, не выбирало отпускаемых для питания ребят продуктов, только за апрель месяц т. г. детдом не получил свыше 2-х тонн картофеля 90 клгр. масла и т.д.

Неполучение основных продуктов питания резко сказалось на качестве пищи, приготовляемой для детей, что привело к сильному истощению большого количества ребят, содержащихся в детдоме.

На день проверки было выявлено с признаками резкого истощения 30 детей.

По указанному факту Калининским РО НКВД ведется расследование, виновные через Прокуратуру будут привлечены к ответственности.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ НАРОДНОГО КОМИССАРА
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ КАЗ. ССР
(НИКОЛАЕВ)

Комментарий

Хотя на первый взгляд могло бы показаться, что этот документ не имеет отношения к беженцам или эвакуированным (и мы не знаем, сколько из детей были эвакуированными сиротами, и были ли там такие вообще), на мой взгляд это прекрасный пример того, насколько местное руководство, даже низкого звена, могло сделать на местах все необходимые шаги для улучшения ситуации в это тяжелейшее военное время. Верно, что из этого документа неясно, что на самом деле произошло, и были ли пропавшие товары украдены администрацией приюта, или они не достигли места назначения, потому что они были похищены / украдены другими высокопоставленными чиновниками. Суть в том, что наиболее слабое звено этой цепи, дети-сироты, страдали из-за этой ситуации. Однако документ указывает и на то, что власти расследовали произошедшее, и были намерены привлечь к ответственности виновных в сложившейся ситуации. Но можем ли мы знать, сколько было таких случаев? См. также аналогичную ситуацию с товарами, предназначенными для беженцев – бывших польских граждан (документ 19), где не содержалось никакого требования официально расследовать произошедшее.

№ 17²³

5 мая 44

№1032

СТРОГО СЕКРЕТНО

Только лично

СЕКРЕТАРЮ КРАСНОАРМЕЙСКОГО РАЙКОМА КП(б)К

Тов. ГОРИНУ

По имеющимся у нас сведениям, постановление ЦК ВКП(б) от 7 марта и решение ЦК КП(б) Казахстана от 15 марта с.г. в отношении оказания остро нуждающимся семьям военнослужащих помощи продовольствием и промтоварами в Красноармейском районе выполняется крайне неудовлетворительно.

Так, в колхозе «Весенний труд» семья погибшего фронтовика ЧИЖ, имеющая 8 детей и жена фронтовика Баланда с тремя детьми на почве голода опухли. Председатель колхоза Загоруля на просьбу об оказании помощи рекомендует им посылать детей нищенствовать.

В колхозах района имеется до 120 детей спецпереселенцев, мобилизованных в промышленность, которым не оказывается необходимой помощи. Дети голодают, нищенствуют, воруют и собирают отбросы. В конце марта в колхозе «Коминтерн» умерло от голода четверо детей.

Считая такое отношение районных организаций к нуждам семей военнослужащих совершенно недопустимым, ЦК КП(б) Казахстана предлагает:

1. Срочно проверить сообщаемые факты и оказать вышеуказанным семьям и детям спецпереселенцев необходимую помощь продовольственными и промышленными товарами.

2. Обеспечить выполнение постановление ЦК КП(б)К от <нрзб> и добиться ликвидации продовольственных затруднений, <далее не видно>
3. смертности среди населения района.
4. К 25 мая с.г. представить подробную докладную <далее не видно> ходе реализации постановления ЦК КП(б)К и результатах <далее не видно>
5. сообщаемых райкому фактах.

Секретарь ЦК КП(б) Казахстана

(Ж. ШАЯХМЕТОВ)

.....

Комментарий

Как и в предыдущем документе, здесь также представлена ситуация с голодом в колхозах. В документе говорится о ситуации с детьми военнотружущих Красной армии и подобном положении, в котором оказались дети беженцев и «спецпереселенцев». Все, хотя и были трудоустроены, страдали от пренебрежительного отношения и голода и вынуждены были идти попрошайничать и воровать. Кажется, что, хотя голод и нехватка продовольствия были проблемами первых лет войны, на самом деле это явление никогда не прекращалось, продолжалось далее и очень сильно ощущалось и весной 1944 года.

№ 18²⁴

21/VI-44 г.

СПРАВКА

О контингенте бывших польских граждан, эвакуированных из западных областей Украины и Белоруссии после 1939 года и проживающих в настоящее время на территории гор. Алма-Ата.

Составлено на основании данных незаконченной <?> добровольной регистрации быв. польских граждан, производимой Облуправлением Союза Польских патриотов, по состоянию на 15 июня 1944 г.

п/п		Всего человек	В том числе:				
			Поляков	Евреев	Украин.	Белорусов	В т.ч. имеющих действ. польск. наепер. <?>
1.	Мужчин:	831	141	539	147	4	2
2.	В т.ч. призывного возраста	731	120	470	137	4	2
3.	Женщин:	337	67	266	4	-	-
4.	Детей:	240	112	128	-	-	-
5.	Всего бывших польских граждан	1408	320	933	151	4	2
6.	В т.ч. в % по национальности	100%	22,6%	66,5%	10,6%	0,3%	-

.....
 24 Алма-Атинский обл. арх. РК. Ф. 685 Оп.6. Д. 70 Л. 17.

Алма-Атинский сельский район в настоящей справке не учитывается.

Председ. Областного Правления
Союза Польских патриотов в СССР

/ГИЛЬФ/

Комментарий

В этом документе фигурируют данные о числе бывших польских граждан, проживающих в городе Алма-Ате (нынешнем Алматы), и отражены некоторые проблемы, уже упомянутые выше.

Прежде всего, в отличие от указанного в заглавии документа, речь идет о людях, которых никто не эвакуировал. Они бежали самостоятельно или стали жертвами депортации, а затем были освобождены. Тем не менее советская администрация считает их эвакуированным населением только потому, что это единственное существовавшее тогда юридическое определение. Далее, и это удивительно, в те времена не существовало советской административной инстанции, которая бы вела учет тех или иных групп населения: было много неопределенности, происходило перемещение больших масс населения, и ни у кого не было достаточных полномочий эти массы контролировать. Поэтому в нашем случае данные о числе польских граждан были получены в результате добровольной регистрации, проведенной Союзом польских патриотов.

Во-вторых, процент евреев в этом списке чрезвычайно велик (66%). Это может быть связано с тем, что Алма-Ата, тогда столица Казахстана, была культурным и экономическим центром, и многие представители интеллигенции, художники, музыканты и ремесленники осели в этом городе, в то время как многие польские граждане – этнические поляки предпочли селиться на земле, в сельской местности.

В-третьих, и это поразительно, – согласно документу, контингент бывших польских граждан в городе был практически весь мужской. Наибольший разрыв между числом мужчин и женщин наблюдался среди евреев. Можно предположить, что это происходило потому, что по каким-то причинам женщины не регистрировались в добровольном опросе, иначе объяснить этот разрыв было бы затруднительно.

В-четвертых, высоки также показатели в отношении людей «призывного возраста». Бывшие граждане Польши не подлежали поголовному призыву. Можно предположить, что непропорционально большое количество мужчин-евреев, граждан Польши, сконцентрированное в больших городах, могло послужить одной из причин возникновения ошибочного стереотипа, согласно которому «евреи воевали в Ташкенте».

№ 19²⁵

Барлық елдердің
жұмысшылары біріктіреді!

Қазақ Советтік
Социалистік Республикасы

ХАЛЫҚ КОМИССАРЛАРЫ
СОВЕТІНІҢ
КАУЛЫСЫ

Пролетарии всех стран,
соединяйтесь!

Казахская Советская
Социалистическая
Республика

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
СОВЕТА НАРОДНЫХ
КОМИССАРОВ

Алма-Ата, Дом Правительства

6 октября 1944 г.

№587-1128

Секретно

О незаконном использовании благотворительных грузов поступивших для польских граждан

Совнарком отмечает, что заместитель председателя Алмаатинского Облисполкома тов. Хасенов и бывший председатель Алмаатинского Облпотребсоюза тов. Сарынов допустили в 1943 году использование не по назначению промышленных и продовольственных товаров, поступивших с благотворительной целью для польских граждан, на сумму 745.039 рублей

Своевременно сделанное Совнаркомом указание о возмещении незаконно израсходованных благотворительных грузов указанные лица не выполнили.

Совет Народных Комиссаров ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. За незаконное использование благотворительных грузов, предназначенных для снабжения польских граждан и за невыполнение указания Совнаркома о их возмещении, Зам. Председателя Алмаатинского Облисполкома тов. Хасенову и

25 Алма-Атинский обл. арх. РК. Ф. 685 Оп.6. Д. 70 Л. 24.

быв. Председателю Алмаатинского Облпотребсоюза т. Сарынову – объявить строгий выговор.

2. Возместить незаконно израсходованные благотворительные грузы на общую сумму 745.039 рублей 41 к. за счет следующих организаций:

а) Казспецторга	63.791 руб. 35 к.
б) Алмаатинского Облпотребсоюза	314.609 руб. 26 к.
в) Казкоопинснабсбыта	182.759 руб. 40 к.
г) Артель «Красный прибор»	183.879 руб. 40 к.
3. Взыскание указанных сумм продовольственными и промышленными товарами с Казкоопинснабсбыта и артели «Красный прибор» возложить на Алмаатинский Облисполком. Взыскание с Казспецторга и Алмаатинского Облпотребсоюза произвести Наркомторгу путем уменьшения их фондов по промышленным и продовольственным товарам на IV квартал 1944 года.

Комментарий

В этом документе приводится отчет о незаконной передаче товаров не по назначению. Огромное количество товаров, предназначенных для бывших польских беженцев, было передано для других целей (неясно, были ли они украдены или должны были восполнять другие убытки), причем фигурирующие здесь суммы намного выше тех, которые указываются в случае с Урюпинским детским домом (документ 16). И несмотря на то, что и в этом случае люди, недополучившие помощь, могли оказаться в ситуации голодного истощения, ответственный за этот проступок отделался лишь строгим выговором, ему не было предъявлено никаких обвинений.

№ 20²⁶

1	2	3	4	5	6	7
5	Сапаргалиев Г.	I секретарь Казгаловского райкома КП(б) Казахстана	1-1941 года.	Бюро Западно-Казахстанского обкома КП(б) Каз. От 28/XI/1942 г.	Выговор	За недисциплинированность, грубейшие нарушения директив партии и правительства по обеспечению руководства промышленностью.
6	Симонов П.И.	I секретарь Терекгинского райкома КП(б) Казахстана	VII-1941 года.	Западно-Казахстанским обкомом КП(б) Казахстана от 8/VI-1943 года	Строгий выговор	За плохое руководство общ. животноводством антигосударств. практику, очковитительство, допущение большой гибели скота, за срыв выполнения государственного плана развития животноводства, за непринятие мер борьбы с расхитителями колхозного скота и продукции животноводства.
7	Акмурзин Д.	Председатель исполкома Джангалинского райсовета депутатов трудящихся.	VIII-1941 года.	Бюро Западно-Казахстанского обкома КП(б) Казахстана От 14/XI/1941 г.	Выговор	За непартийное поведение, выразившееся в том, что на райпартактиве и бюро РК КП(б) Казахстана вместо разоблачения негодного стиля руководства Шактиева, его антиморальных действий и бездеятельности в работе чтобы воспитывать на ошибках массы тов. Акмурзин отделался заявлением «мы все виноваты» ничего не сказал о действиях Шактиева.
8	Фридланд Е.Д.	Зам. пред. исполкома Зап. Каз. Облсовета депутатов трудящихся по заготовке местного топлива	V-1943 г.	Низовой праторганиз. завода в 40 году	Выговор	За два опоздания на работу по 1 минуте каждое в течение одной декады.

Комментарий

Документ является выдержкой из сообщения о нарушениях, совершенных партийно-советскими работниками.

В списке указываются различные нарушения со стороны партработников и государственных служащих, перечисляются их правонарушения и назначенное им за это наказание. В этом списке значится только одна еврейская фамилия (Фридланд – п.п. 8). И хотя нарушения всех остальных фигурантов документа гораздо серьезнее проступка Фридланда, все они получают одинаковое наказание – притом, что единственная вина товарища Фридланда – «два опоздания на работу по 1 минуте каждое в течение одной декады».

№ 21²⁷

КазССР Спецотдел

Сов. Секретно

Шифровка №213

Дата 29 ноября

Куда и кому: Председателю Алмаатинского Облисполкома

Т. Кузембаву

Текст Передаём текст шифровки за подписью т. Косыгина:

«В соответствии с постановлением СНК СССР №2863-830сс от 10.XI-с.г. обязываю Вас создать трехдневный срок при исполкоме (крайисполкоме, Совнаркоме ССР, Совнаркоме АССР) специальные комиссии в составе: председателя комиссии, зам. председателя исполкома (крайисполкома, Совнаркома) и членов комиссии: зам. нач. УНКВД, зам. нач. УКГБ и зам. прокурора (области, края, республики).

На указанных лиц возлагается:

- а) утверждение представляемых орг. милиции и другими советскими органами списков лиц польской и еврейской национальностей, бывших польских граждан, желающих переселиться в Польшу, соответствии с Советско-Польским соглашением от 6.VII-1945 г.
- б) точный учет лиц польских и еврейских национальностей, бывших польских граждан, права на переселение которых в Польшу будут утверждены комиссией;
- в) извещение переселяющимся лицам о сроках и порядке выезда их из СССР в Польшу;

27 Алма-Атинский обл. арх. РК. Ф. 685 Оп.6. Д. 76 Л. 20–22.

г) оформление эвакуационных удостоверений и выдача их через органы милиции выезжающим в Польшу лицам;

д) организация выезда с настоящего места жительства переселяющихся в Польшу лиц польской и еврейской национальностей бывших польских граждан.

В списки переселяемых в Польшу вносятся лица польской и еврейской национальностей из бывших польских граждан и членов их семей (жена или муж, дети, мать, отец, воспитанники и другие родственники, независимо от их национальности, если они имеют общее хозяйство) возбудивших соответствующие ходатайства о переселении их в Польшу на основании Советско-Польского соглашения от 6.VII-1945 г., а также лиц польских национальностей и членов их семей, подпадающие под действие Указа Президиум Верховного Совета СССР от 27.V и 14.VII-1944 года.

При рассмотрении и утверждении списков лиц польской и еврейской национальностей бывших польских граждан,

- 2 -

подлежащих переселению в Польшу, комиссия должна руководствоваться следующим:

1. Срок подачи заявлений о выезде из СССР в Польшу лиц польской и еврейской национальностей из числа бывших польских граждан установлен до 1.1-1946 г. срок переселения указанных лиц до 15.VI-1946 года.

ПРИМЕЧАНИЕ: Местные власти при приеме заявлений используют ранее изготовленные и разосланные на места бланки заявлений о выходе из Советского гражданства лиц, подпадающих под соглашение от 6.VII-45 г.

2. Комиссии принимают к рассмотрению заявления от всех лиц польской и еврейской национальностей бывших польских граждан, которые заявят, что они состояли в 17.IX-1939 г. в польском гражданстве и желают выехать на жительство в Польшу.

3. Заявление о желании выехать из СССР в Польшу от лиц польской и еврейской национальностей бывших польских граждан принимают местные органы власти (в городах органы милиции, в сельских местностях – Сельсоветы и во всех остальных случаях – соответствующие советские административные власти) и затем через органы милиции передаю комиссии по данной области (краю, республике) которая окончательно решает вопрос о выезде этих лиц из СССР в Польшу.
4. Право на переселение в Польшу комиссия при представлении заявителем документов, подтверждающих проживание последнего на территории Польши к 17. IX-1939 г. (Советского паспорта с отметкой о том, что он выдан на основании документов, указывающего принадлежности заявителя к польскому гражданству; польского паспорта, польско-военского билета, свидетельства о рождении, профсоюзная и больничная книжка. Справка об амнистировании и тому подобное.
5. В случае, если лица, подавшие заявления о выезде в Польшу, не смогут предъявить какие бы то ни было документы, подтверждающие проживание их на территории Польши к 17.IX-1939 г. комиссии, при разрешении вопроса о предоставлении этим лицам прав на переселение в Польшу используют имеющиеся в органах НКВД материалы паспортизаций бывших польских граждан, проводившихся в 1943 г. и другие сведения, которые могут быть в распоряжении комиссии.
6. При отсутствии материалов или сведений о праве данного лица на выезд в Польшу, в соответствии с соглашением от 6.VII-1945 года, если комиссия установит, что это лицо проживало на территории Польши к 17.IX-1939 г. то она выносит решение в отношении такого лица по своему усмотрению.
7. В отношении подавших заявление лиц польской национальности из числа бывших военнослужащих польского войска, а также из числа лиц, оказавших активное содействие польской армии в ее борьбе за освобождение Польши, комиссия руководствуется Указом Президиума Верховного Совета при СССР от 22.VI- и 17.VII-1944 г.

8. Членов семей переселяющихся в Польшу должны представить свидетельства (или заверенную копию) о браке, а при наличии детей свидетельство (или заверенную копию) о рождении детей. Члены семей лиц, оказывающих содействие польской армии в ее борьбе за освобождение Польши и члены семей военнослужащих польских войск или ранее состоявших в его рядах кроме того представляют такие справки, выданные командованием частей польских войск или Красной Армии или партизанским отрядом об участии военнослужащих его борьбе за освобождение Польши, либо справки Союза Польских Патриотов чем конкретно заявитель содействовал польскому войску.
9. Комиссия рассматривает заявления детей от 14 до 18 лет, которые отказываются выезжать в Польшу вместе со своими родителями, и выдают этим детям удостоверения которые служат им документом на право проживания по месту жительства до получения ими Советского паспорта.
10. Комиссия не принимает заявления на переселение в Польшу от лиц, находящихся в заключении до отбытия ими срока наказания. Заявления от таких лиц могут быть приняты в течение 3 месяцев после освобождения. Для осуществления руководства и контроля за работой областных (краевых, республиканских комиссий по эвакуации польских граждан при СНК СССР образована комиссия под моим председательством. В соответствии с вышеуказанным

ПРЕДЛАГАЮ:

- а) сообщить фамилии председателей комиссий по вашей области, краю, республике;
- б) председатели комиссий обязаны представить в СНК СССР к 15.XII- с.г. предварительные и к 5.I-1946 г. окончательные сведения о количестве лиц, утвержденных комиссией на переселение в Польшу с указанием района проживания эвакуированных, ближайших ж.д. станций погрузки и намеченных сроках отправки.

Дальнейшем указания о порядке выезда эвакуируемых, следования эшелонов пути, обслуживанию переселяемых, выдаче эвакуационных удостоверений и другим вопросам, связанных непосредственно из СССР в Польшу лиц, подлежащих эвакуации, будут даны дополнительно.

А. Косыгин.

Управляющий Делами

Совнаркома ССР

(Д. Сырцов)

29 ноября 1945 г., г. Алма-Ата, счет № _____

Принято решение Облисполкома от 30 ноября 1945

№430-18с

Комментарий

Этот основополагающий документ, подписанный Косыгиным, проложил путь к репатриации бывших польских граждан в Польшу. В нем упоминаются только те, кто имеет право на репатриацию, а именно – поляки и евреи, в то время как польские граждане других национальностей, такие как украинцы, белорусы, немцы и литовцы, такой возможности лишены. В документе не затрагивается вопрос, о какой именно территории Польши идет речь, и он позволяет репатриироваться на территории «новой Польши» тем, кто был польским гражданином до нацистского / советского вторжения, не вдаваясь в подробности относительно территории «старой Польши». За этим указом также крылось достаточно очевидное намерение советской власти очистить территорию бывшей Восточной Польши – ту, что перешла Украинской ССР и Белорусской ССР, – от польского населения.

Документ установил общие правила, в соответствии с которыми следует подавать заявления и получать разрешение на репатриацию. Кроме того, он уполномочил органы местной власти принимать решения в тех случаях, когда в распоряжении заявителя не оказывается нужной документации для обоснования заявки.

Закон также предоставил возможность подросткам старше 14 лет при желании расстаться с уезжающей на родину семьей и оставаться в Советском

Союзе (возможность для подростка самостоятельно репатрироваться в Польшу, если семья решила остаться в СССР, не предусматривалась): это соображение было принято из-за большого демографического разрыва, вызванного войной – в Советском Союзе была нехватка молодых людей, и власти были готовы использовать «мягкую силу» для того, чтобы те, кто действительно вырос в СССР, продолжали оставаться там и не репатриировались.

№ 22²⁸

№87с

17 декабря 1945

С. СЕКРЕТНО

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВНАРКОМУ Казахской ССР
тов. УНДАСЫНОВУ.

На Ваш 1308ш сообщаем: по предварительному учету в Алма-Атинской области проживает 1500 чел. поляков и евреев польской национальности бывших польских подданных подлежащих возвращению в Польшу.

Из них подало заявлений о выходе из Советского подданства и желают переехать в Польшу 1017. Рассмотрено на комиссии до 15 декабря 187 заявлений из них утверждено на выезд 184 чел.

Дальнейшую работу по выявлению лиц подлежащих возвращению также рассмотрению заявлений продолжаем.

Зам. Пред. Облисполкома

/В.БОНДАРЕНКО/

Комментарий

В документе речь идет о том, что из 1500 бывших польских граждан только 1017 ходатайствуют о репатриации (или 68%). Эта ситуация отражает серьезное недоверие тех, кто однажды уже был осужден за «ненадежность» и крайнюю осторожность с их стороны – люди боялись ошибиться и на этот раз. После начала первого раунда возвращения польских граждан все больше людей будут подавать заявки на репатриацию в Польшу, которая будет продолжаться до 1947 года. С другой стороны, определенный процент бывших польских граждан, те, кто обосновались и устроились на новых местах, завели семьи, или те, кому не к кому уже было возвращаться, выберут остаться в Средней Азии.

28 Алма-Атинский обл. арх. РК. Ф. 685 Оп.6. Д. 76 Л. 34.

№ 23²⁹

.....

21 декабря 1945

№92сс

С/секретно.

ЗАМЕСТИТЕЛЮ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОВНАРКОМА КазССР
тов. КУНАЕВУ.

На Ваш №221ш от 14 декабря с.г. сообщаем следующее:

В Алма-Атинской области в поселке Или имеется Польский детский интернат, в котором находится 54 чел. Детей польской и еврейской /из бывших польских подданы/ национальностей.

Из этого количества 20 детей круглые сироты. 3-е детей имеют только отцов, находящихся в Польской армии, а остальные дети имеют родителей, проживающих на территории области.

Обслуживающий состав интерната состоит из 14 чел. поляков и евреев польской национальности. Из числа сирот 6 человек достигших 14 лет, которые подали заявления о своем желании переселиться в Польшу.

Отправка интерната будет произведена со станции Или Турксиба. Желательный срок отправки – конец марта или начало апреля 1946 года, чтобы избежать длительной дороги в зимних условиях.

Зам. Председателя Исполкома

Облсовета депутатов трудящихся

/В.БОНДАРЕНКО/

Отпеч. 2 экз.

1 экз. адресату

1 экз. в дело.

в/в.

.....

Комментарий

Детские интернаты для бывших польских граждан создавались в Советском Союзе с 1941 года. Некоторые из них были эвакуированы с линии фронта в Западной Украине, а другие образовывались уже позже, в тылу. Некоторые из интернатов были эвакуированы из Советского Союза вместе с армией генерала Андерса в 1942 году. Другие (такие как этот) остались и были репатриированы после 1945 года. В этих уникальных детских домах еврейские дети имели больше шансов сохранить свою еврейскую идентичность, поскольку евреи были и среди коллектива сотрудников этого заведения; вместе с тем, в некоторых случаях дети сообщали, что им приходилось участвовать в католических службах наравне с их польскими сверстниками. Тем не менее, условия жизни в них были намного лучше, чем в обычных советских интернатах. У выпускников таких детских домов была одна проблема: по достижении совершеннолетия воспитанники покидали эти заведения, чтобы начать учебу или устроиться на работу; они не имели корней в Польше, поэтому многие выпускники решали остаться в СССР.

№ 24³⁰

.....

21/ХІІ-45 г.

№93сс

ЗАМЕСТИТЕЛЮ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ
СОВНАРКОМА КазССР тов. КУНАЕВУ.

Сов. Секретно.

На Ваш №225ш от 19. ХІІ – сообщаем:

1. Данных об учетном количестве проживающих в области быв. польских граждан ни ОблУпр. НКВД, ни ОблУпр. НКГБ нам дать не могли. По учету в Союзе польских патриотов числится 1987 чел. в том числе детей до 16 лет 465.
2. По состоянию на 20 декабря в Милицию поступило 1710 заявлений, в том числе от быв. польских граждан 1660 и 50 от Советских граждан, желающих переехать в Польшу, в связи с переходом в Польское гражданство глав семьи / жены и др./.
3. Комиссией разработано и утверждено заявлений на переселение в Польшу от 388 взрослых граждан и детей старше 14 лет.
4. С ними выезжают 85 детей до 14-летнего возраста.
5. Общее количество лиц, утвержденных на выезд 473.

Желательные сроки эвакуации – конец марта, начало апреля 1946 г.
Место организации и отправки эшелонов – ст. Алма-Ата.

Надо отметить, что медлительность в разборе заявлений происходит исключительно из-за задержки оформлений дел НКВД и НКГБ.

.....
30 Алма-Атинский обл. арх. РК. Ф. 685 Оп. 6. Д. 76 Л. 39.

Особо тревожно то, что среди подавших заявление около 25% не имеет никаких документов, подтверждающих их проживание в Польше до 17.XI-1939 г., а по линии НКВД и НКГБ не проводится никаких эффективных мер для выявления этого вопроса, что, учитывая очень не большой оставшийся срок, может привести к нежелательным последствиям. Материалы папортизации быв. польских граждан в органах НКВД, согласно п. 5 указания СНК СССР №1308ш находятся не в должном порядке, что не дает возможности ими пользоваться и точно ответить на пункт 1 Вашего запроса.

В связи с Вашим указанием непосредственной информации СНК СССР на имя тов. Косыгина в дальнейшем не производим, считая, что эти данные в СНК СССР направляются Республиканской комиссией.

Зам. Председателя Исполкома
Облсовета депутатов трудящихся

/В.БОНДАРЕНКО/

Отпеч. 2 экз.

Экз. в адрес

Экз. в дело.

в/в.

Комментарий

Документ подчеркивает сложности с подотчетностью и административным контролем в послевоенном Советском Союзе, по крайней мере, в отношении бывших польских граждан. Автор документа жалуется, что органы МВД и НКГБ не выполняют свою работу, а находящиеся у них дела «находятся не в должном порядке». Все это мешает регистрации и утверждению ходатайств граждан на репатриацию. В документе утверждается, что единственным доступным источником данных является Союз польских патриотов, и что число обладателей польского гражданства основано на добровольной регистрации. Кроме того, документ подчеркивает проблему отсутствия официальной документации или

каких-либо документов приблизительно у 25% тех, кто выразил желание репатрироваться. В документе также появляется тема смешанных браков бывших польских и советских граждан. В некоторых воспоминаниях этот факт упоминается в связи с тем, что было немало случаев, когда евреи из религиозных общин заключали фиктивные браки только для того, чтобы покинуть пределы Советского Союза. В других случаях люди, отчаянно стремившиеся выехать из Страны Советов, но не подпадавшие под нужные критерии, старались выезжать по чужим документам.³¹

.....

31 Yosef Litvak, *plitim yehudim mipolin bivrit-hamoatsot, 1939–1946* (Hebrew University of Jerusalem, 1988) 335.

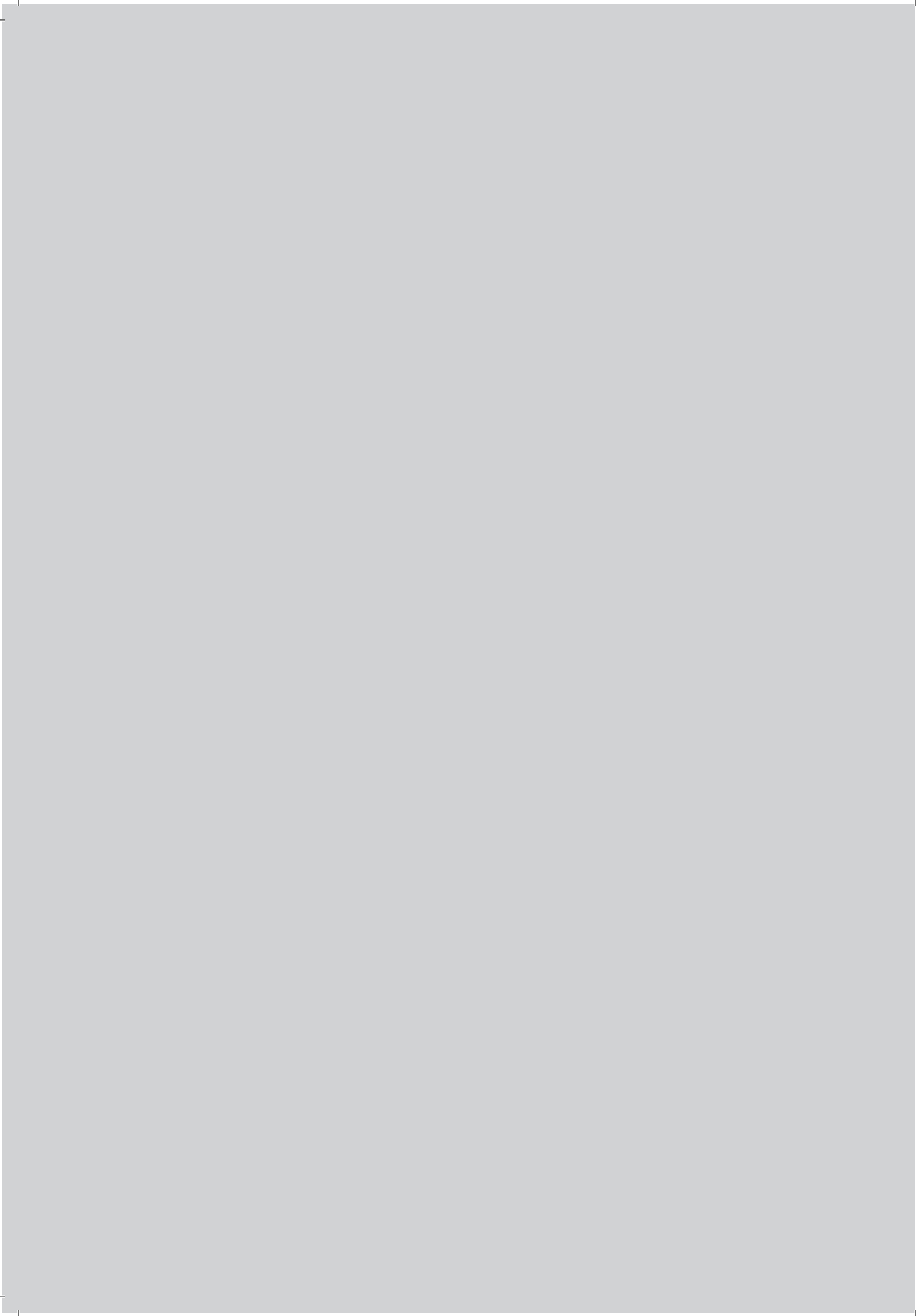
Список документов

<i>Номер документа в сборнике</i>	<i>Название / тема документа</i>	<i>Дата</i>	<i>Стр.</i>
1	Выписка из постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) о порядке освобождения репрессированных польских граждан	12.08.1941	141
2	Просьба информировать Совнарком о том, что сделано по реализации указаний правительства в отношении польских граждан	04.12.1941	145
3	Ответ на письмо относительно польских граждан из исполкома Алма-Атинского райсовета	Декабрь 1941	147
4	О тяжелом материально-бытовом положении эвакуированных	14.03.1942	149
5	Борьба с детской беспризорностью	28.03.1942	153
6	О правовом статусе польских граждан	27.07.1942	156
7	О фактах антисемитизма в гор. Фрунзе	07.08.1942	158
8	О некоторых фактах антисемитских вылазок среди населения г. Токмака	30.08.1942	163
9	Случаи проявления антисемитизма в Джамбульской области	02.09.1942	170
10	Проявления антисемитизма в Джамбульской области	09.11.1942	172
11	Об антисоветских выступлениях среди переселенцев и эвакуированных	18.10.1943	177
12	Об антисоветском выступлении группы хулиганов	07.11.1943	179
13	О бедственном положении семей фронтовиков колхозников в некоторых районах Алма-Атинской и Кустанайской областей	02.02.1944	182

14	Об исключительно тяжелом положении группы бывших польских граждан Джамбульской области	21.03.1944	184
15	Указание выдать бывшим польским гражданам продовольственный паёк	05.04.1944	187
16	О преступно халатном отношении руководства детдома	05.05.1944	189
17	Об оказании остро нуждающимся семьям военнослужащих помощи продовольствием	05.05.1944	191
18	О контингенте бывших польских граждан	21.06.1944	193
19	О незаконном использовании благотворительных грузов, поступивших для польских граждан	06.10.1944	195
20	Выговор за два опоздания на работу по 1 минуте каждое в течение одной декады	1944	197
21	Утверждение списков лиц польской и еврейской национальностей, желающих переселиться в Польшу	29.11.1945	199
22	Результаты учета поляков и евреев бывших польских подданных, подлежащих возвращению в Польшу	17.12.1945	205
23	Польский детский интернат	21.12.1945	206
24	Данные об учете проживающих в области бывших польских граждан	21.12.1945	208

Ч А С Т Ь 3

СВИДЕТЕЛЬСТВА

ВВЕДЕНИЕ

ЖГУЧАЯ ПАМЯТЬ ОБ ЭВАКУАЦИИ

.....

Александр Берман

Испытания, которые выпали на долю еврейских беженцев на территории СССР во время войны с нацистской Германией (1941–1945 гг.), почти полвека оставались в тени главной трагедии еврейского народа – гибели 6 миллионов евреев. Причиной этого была советская цензура, которая запрещала какие-либо публикации об участии евреев, спасшихся от уничтожения нацистами только благодаря тому, что успели уйти из родных мест и эвакуироваться на восток до того, как туда вошли немцы. Только после перестройки, раскрытия секретных архивов и массового выезда советских евреев в Израиль и другие страны начала приоткрываться правда о жестоких испытаниях, которые выпали на долю сотен тысяч еврейских беженцев на территории СССР во время войны с нацистской Германией. Большую роль в этом процессе играют воспоминания еврейских беженцев, опубликованные в последние годы (1–20)¹, а также исследования ученых-историков об эвакуации гражданского населения СССР в 1941–1945 годах (21–32). Следует сказать, что свидетельства о судьбах еврейских беженцев на территории СССР публиковались и ранее (см., например, 32), но они не получили публичного резонанса и мало известны широкой общественности.

Многие обстоятельства, связанные с эвакуацией гражданского населения СССР во время той войны, до сих пор изучены недостаточно. В советской печати речь всегда шла об организованной эвакуации и никогда – о стихийном бегстве сотен тысяч людей в

первые месяцы войны СССР с нацистской Германией. По данным В. Дубсона (24), еврейские беженцы составляли непропорционально большую часть среди всего эвакуированного гражданского населения СССР – от 70% до 80% среди неорганизованных беженцев в первые месяцы войны и от 20% до 30% среди всех эвакуированных. Напомним, что до войны евреи составляли около 2,5% от всего населения СССР. Старшее поколение еврейских беженцев не дождалось эпохи гласности и массового отъезда евреев СССР в Израиль и другие страны, и поэтому летописцами страшных военных событий стали те, кто пережил их ребенком.

Многие воспоминания, представленные в указанных книгах (1–20), написаны настолько эмоционально и с такими подробностями, что иногда кажется, будто речь идет о событиях, которые происходили вчера, а не более полувека тому назад. В действительности все эти повествования записаны через шестьдесят и более лет после войны и эвакуации. С этим связана и другая особенность этих воспоминаний: во время тех трагических событий, о которых идет речь, почти все авторы вошедших в эти книги воспоминаний были детьми. Наконец, нельзя не заметить, что авторы сосредоточили основное свое внимание на одних и тех же событиях из жизни беженцев. И хотя события эти происходили в разных местах и в разное время, они всегда были критическими для участников: решался вопрос их жизни и смерти. В этом отношении очень показательны воспоминания Реувена Руха (2–5, 20), которому в начале войны было тринадцать лет. Его семья, жившая в литовском городке Рокишкис, пыталась уйти от приближавшейся нацистской армии и перейти на российскую территорию. В своих воспоминаниях, записанных шестьдесят пять лет спустя, Р. Рух восстанавливает события первой недели войны очень детально, буквально час за часом. Однако с того момента, когда семья переходит границу и попадает на территорию РСФСР, воспоминания становятся более фрагментарными и менее эмоциональными. В беседе со мной Реувен Рух так объяснил эту перемену: пока они оставались на территории Литвы и Латвии, они знали, что им угрожает смертельная опасность – не только от наступающей немецкой армии, но и от местных националистов, которые буквально охотились на евреев. После перехода границы его семья почувствовала себя в относительной безопасности,

поскольку попала в общий поток беженцев и эвакуируемых. Постоянное напряжение первой недели после начала войны уступило место уверенности, что самое страшное осталось позади, – и воспоминания утратили свой эмоциональный накал.

Все отмеченные выше особенности воспоминаний, представленных в этих книгах, и прежде всего их чрезвычайно высокая эмоциональность, свидетельствуют, на мой взгляд, о том, что авторы воспоминаний, бывшие еще детьми, получили во время бегства и эвакуации тяжелую психическую травму, и поэтому мучительные воспоминания о событиях военного детства преследуют их всю жизнь.

Поскольку разные авторы воспоминаний обращаются к одним и тем же ключевым моментам в жизни беженцев, к одним и тем же событиям, эти воспоминания можно рассматривать как коллективное свидетельство детей – участников этих событий – об испытаниях, которые выпали на долю еврейских беженцев на территории СССР. Высокая эмоциональность, яркая образность публикуемых в этих книгах текстов позволяют читателям почувствовать свою сопричастность к событиям того времени и вызывают острое чувство сострадания – и к еврейским беженцам, и к их близким, погибшим во время Холокоста.

Многие авторы воспоминаний выражают глубокую благодарность своим матерям, которые в тяжелых условиях военного времени делали все возможное и невозможное, чтобы спасти детей, иногда – ценой собственной жизни. Многие вспоминают своих родных, которые погибли, сражаясь в рядах Красной армии, или были убиты нацистами на оккупированных территориях СССР, или умерли (или пропали без вести) в эвакуации. Пожилым авторам воспоминаний очень важно, чтобы слова «Никто не забыт, ничто не забыто» имели самое непосредственное отношение к их близким, погибшим во время той войны.

О каких же событиях военного времени чаще всего рассказывают те, кто ребенком пережил бегство или эвакуацию? Прежде всего речь идет о мучительном выборе, который предстояло сделать еврейским семьям – бежать из родных мест от приближающейся нацистской армии или остаться, поверив рассказам пожилых людей о том, что немцы народ цивилизованный, и

понадеявшись, что ничего плохого они евреям не сделают. Очень часто решение необходимо было принять в считанные часы. Как оказалось впоследствии, это был выбор между жизнью и смертью. Об этом вспоминают многие авторы, например, Р. Рух и А. Шарнопольский (2, 20). Как известно, большинство советских евреев (около трех миллионов) остались на территории, оккупированной германской армией; они погибли от рук нацистов и их помощников из местного населения. Многих по сей день мучает вопрос, почему их близкие не приняли правильное решение и не ушли из родных мест. Основная причина этой трагедии нам видится в том, что еврейское население в большинстве своем не знало, насколько опасно евреям оставаться на территории, оккупированной немецкими войсками. В первые месяцы войны Советская власть позаботилась об эвакуации семей партийных работников и командиров Красной армии, но не предупредила о грозящей опасности еврейское население пограничных с Германией областей СССР – Литвы, Латвии, Эстонии, а также Западной Украины, Белоруссии, и Молдавии.

Очень важный материал, который позволяет понять, почему большинство еврейского населения Белоруссии, в которой проживали около миллиона евреев, в первые дни войны не попыталось уйти от наступающей немецкой армии, представлен в воспоминаниях сотрудницы белорусского радио Муси Левиной (6, 20). Из-за паники, которая царил в первые дни войны во властных структурах Белоруссии, государственное радио этой республики так и не передало в эфир ни одного сообщения, которое позволило бы гражданскому населению понять, как развиваются военные события, которое позволило бы евреям решить – бежать или оставаться дома. Государственное радио молчало – молчало, пока в столицу Белоруссии, город Минск, не вошла немецкая армия. Многие евреи не смогли уйти от приближавшейся немецкой армии и погибли от рук нацистов. Иногда советские власти препятствовали самостоятельной эвакуации еврейского населения в тыл страны. Реувен Рух (2–5, 20) рассказывает в своих воспоминаниях, как советские пограничники в первые дни войны отправили на верную смерть – в Латвию, уже захваченную немецкой армией, – целый железнодорожный состав с беженцами-евреями (по словам Р. Руха – около 800

человек) со словами: «Мы через несколько дней освободим всю Прибалтику от нацистской армии, и вы будете снова спокойно жить в своих домах».

Местное население в тылу страны принимало самое непосредственное участие в приеме и размещении в своих домах нескольких миллионов беженцев и эвакуированных, и делало это по отношению ко всем эвакуированным, независимо от их национальности. Многие авторы рассказывают о помощи, которую оказывало семьям еврейских беженцев местное население.

Многие авторы вспоминают об антисемитизме, с которым пришлось столкнуться беженцам-детям. Некоторые из них именно в эвакуации впервые узнали, что они не такие, как остальные дети, что их не любят только за то, что они евреи. Иногда бытовой антисемитизм оборачивался семейной трагедией, как это произошло, например, в семье братьев Ваксман (1–5, 20). Один из братьев, Семен Ваксман, под влиянием антисемитской атмосферы детдома, где он жил какое-то время, сам стал антисемитом. Антисемитские выпады сверстников глубоко врезались в память и стали одним из факторов психической травмы, полученной детьми – авторами воспоминаний во время войны. Проявлениям антисемитизма по отношению к еврейским беженцам в республиках Средней Азии во время войны СССР с нацистской Германией было посвящено исследование З. Левина (29). Вопросы борьбы с проявлениями бытового антисемитизма по отношению к еврейским беженцам не раз стояли на повестке дня местных органов советской власти во время войны, наряду с необходимостью обеспечения всем необходимым эвакуированных многодетных матерей (30). Тяжелые условия военного времени, как и нацистская пропаганда, способствовали усилению бытового антисемитизма в тылу страны.

В течение многих лет трагедия семей, потерявших близких во время эвакуации, оставалась их личным делом. Только сегодня приоткрывается завеса секретности над истинными масштабами жертв, принесенных советскими людьми во имя победы над нацистской Германией, – и сегодня пришло время понять, какую цену заплатило за эту победу гражданское население. Необходимо восстановить историческую правду не только в отношении

военных событий, но и в отношении испытаний, выпавших на долю гражданского населения в тылу страны. Большую роль в этом могут сыграть свидетельства о том, в каких условиях работали во время войны подростки на военных заводах, см. главу «Все для фронта, все для победы» (2). Во многих воспоминаниях представлены очень важные подробности жизни эвакуированных в тылу страны, которые недостаточно освещены в исторической литературе, посвященной войне 1941–1945 годов.

Большинство советских евреев, оставшихся в живых после окончания войны с нацистской Германией, выжили только благодаря тому, что бежали или эвакуировались из родных мест. Из 5,2 млн евреев, живших в СССР до войны, в живых после войны остались всего 2,26 млн, из которых 1,5 млн были беженцами. Среди еврейских беженцев большинство составляли женщины с детьми и пожилые люди. Матери предпринимали героические усилия, чтобы спасти детей от смерти, от голода и болезней в условиях бытовой неустроенности, в которых оказались многие эвакуированные.

Особенно трудно пришлось многодетным еврейским матерям-беженкам в республиках Средней Азии, куда во время войны были эвакуированы около 800 тысяч советских евреев. В условиях военного времени выжить могли только те семьи эвакуированных, в которых хотя бы один человек работал и получал рабочую продуктовую карточку. Семьи эвакуированных без рабочей карточки были обречены на голодную смерть, а ведь многодетные матери-беженки далеко не всегда могли найти работу, которая была необходимым условием для получения рабочей карточки. Это очень ярко и очень страшно показано, например, в воспоминаниях Клары Фридман (2–5, 20). Многие авторы вспоминают, как беженцы, прежде всего дети и старики, умирали от голода и болезней в республиках Средней Азии (см., например, воспоминания Б. Шнайдера, Б. Вольфлётка, Н. Стражас, А. Ханиной, А. Гольдберг) (1, 20).

О постоянном чувстве голода говорится почти во всех воспоминаниях. На всю жизнь дети беженцев запомнили, что по рабочей продуктовой карточке дают 800 граммов хлеба в день, а по

иждивенческой (для неработающих членов семьи) – только 400 граммов. По сей день они помнят, каким счастьем оказывался для них крохотный довесок хлеба, который можно было съесть прямо в магазине, и какой трагедией для семьи оборачивалась потеря или кража продуктовой карточки. Конечно, во время войны не только беженцам приходилось трудно. Однако местное население, как правило, легче решало проблему выживания в то тяжелое время, нежели беженцы и эвакуированные.

Большая концентрация эвакуированных евреев в республиках Средней Азии способствовала распространению антисемитского мифа о том, что советские евреи «воевали на ташкентском фронте». Этому содействовала советская цензура, которая скрывала, что около 500 тысяч евреев сражались в рядах Красной армии (31) и что евреи занимали первое место среди народов СССР по относительному числу солдат и офицеров, воевавших против нацистской Германии во время войны 1941–1945 годов. Суровая правда об условиях жизни эвакуированных в республиках Средней Азии – о голоде, болезнях, неустроенности – также не попадала на страницы советской печати.

Мне представляются особенно важными свидетельства о том, что десятки тысяч, а возможно и сотни тысяч эвакуированных и беженцев умерли в тылу СССР от голода и болезней... Кто сегодня может сказать, сколько еврейских беженцев погибли во время той войны от обстрелов с немецких самолетов или от голода и болезней? Возможно, исследователи Холокоста и войны СССР с нацистской Германией в дальнейшем найдут ответы на эти вопросы.

Восстановить справедливость по отношению к еврейским беженцам на территории СССР чрезвычайно важно. Страдания и испытания, выпавшие на долю еврейских беженцев на территории СССР, спасшихся от уничтожения нацистами, до сих пор остаются недостаточно изученной частью истории Холокоста.

* * *

Воспоминания, представленные в книге, которую вы держите в руках, впервые были опубликованы в сборнике «Чтобы помнили» (19), составителем которой был Ефим Иосифович Кипнис (1931–2019), и которая вышла под редакцией Григория Нисенбойма. Все авторы этих свидетельств во время войны были детьми, и тексты писались в основном через 70 или более лет после описываемых событий.

В их текстах есть много общего. Как и в воспоминаниях, описанных мною ранее, одним из наиболее страшных моментов были налеты немецкой авиации на уходящие на восток поезда. Вспоминает Виктор Розензафт: «В пути нас неоднократно бомбили и обстреливали. Вскоре в вагоне появились умершие. Их некогда было хоронить. Помню запах разлагающихся трупов, горевшего человеческого тела, смрада и чада горящих строений и вагонов. Слышу крики, мольбу и стоны раненых и изувеченных. Вижу мёртвых мам и плачущих возле них детей, мам с трупиками на руках или у груди...»

Второй момент, на который следует обратить внимание, прочитывается «между строк». Речь идет о существенной разнице между тем, что прошли «официально» эвакуированные, и тем, как складывалась судьба «стихийных» беженцев: в этой книге представлены воспоминания и тех и других.

Как и в опубликованных прежде воспоминаниях, так и здесь постоянно возникают такие темы, как самоотверженность матерей, смерть близких от голода, болезней и мороза в условиях эвакуации. Временами появляется и тема бытового антисемитизма, который разгорелся во время войны – как, например, в воспоминаниях Исаака Заславского: «Тридцать первого августа я пошёл учиться во второй класс в другую школу. Когда я подошел к группе учащихся моего второго «Б», кто-то из ребят спросил: «А нет ли у нас в классе новеньких?» В ответ прозвучало: «Да есть тут в списке один жидёнок – Заславский Исаак». Кто-то ухмыльнулся, кто-то рассмеялся, а я промолчал. В восемь лет я даже словесно не мог защитить себя, еврея».

Многие воспоминания завершает тема непростого возвращения домой: реальность, в которую попадают вернувшиеся из

эвакуации, оказывается своеобразным продолжением предыдущей главы – люди возвращаются на родину домой, но дома их больше нет, или там уже живут другие люди, работу тоже предстоит еще найти, везде разруха, голод и плохо скрываемая неприязнь к вернувшимся, казалось бы, домой еврейским беженцам.

Свидетельства, вышедшие в этом сборнике, дополняют уже собранный нами материал, и эта работа продолжается.

Опубликованные воспоминания беженцев холокоста на территории СССР во время войны 1941–1945 гг. позволяют нам обратить внимание на некоторые центральные моменты.

1. Повторяемость одних и тех же критических для жизни еврейских беженцев событий, упомянутых в воспоминаниях разных авторов, говорит о том, что эти детские воспоминания можно рассматривать как коллективное свидетельство о жестоких испытаниях, которые выпали во время той войны на долю беженцев от Холокоста. К таким событиям относятся неорганизованное бегство сотен тысяч людей от приближающейся немецкой армии, обстрелы гражданского населения с немецких самолетов, смерть беженцев и эвакуированных от голода и болезней, столкновения еврейских детей с проявлениями антисемитизма во время войны и т. д.
2. В первые дни войны еврейское население западных районов СССР не получило от советской власти необходимой информации об опасности, которая угрожала им на захваченных нацистской армией территориях. Спастись от уничтожения, как правило, удавалось тем, кто решился бежать из родных мест на свой страх и риск – или тем, кто получил от советских органов власти указание срочно эвакуироваться (то есть работникам эвакуировавшихся предприятий, партийным работникам и членам семей командиров Красной армии).
3. Во время войны во многих районах СССР (например, в Средней Азии) беженцы и эвакуированные часто страдали от голода, в частности потому, что не могли найти работу и поэтому не получали рабочей продовольственной карточки.

4. Воспоминания свидетельствуют не только о тяжелейших испытаниях, выпавших во время войны на долю еврейских беженцев на территории СССР, но и о том, что очень многим не суждено было это пережить – многие погибли от бомбежек, голода и болезней. Оставшиеся в живых тяжело пострадали: многие получили психологическую травму из-за пережитого в экстремальных ситуациях военного времени, из-за нависшей над ними угрозой уничтожения.

Список литературы

1. *Эвакуация. Воспоминания о детстве, опаленном огнем Катастрофы. СССР, 1941–1945.* Иерусалим, 2009. Составитель и редактор сборника Алла Никитина. Иерусалим, Союз ученых-репатриантов Израиля и Ассоциация Хазит ха-кавод, 2009.
2. *Неизвестная эвакуация. Воспоминания еврейских беженцев. СССР, 1941–1945.* Издано ассоциацией Хазит ха-кавод и Союзом ученых репатриантов Израиля. Составитель сборника: Александр Берман. Иерусалим, Союз ученых-репатриантов Израиля и Ассоциация Хазит ха-кавод, 2015
3. פליטי השואה. פליטים ומפונים יהודים בברית המועצות. זיכרונות של ילדות בצל השואה והמלחמה, 1941–1945. מרוסית: דינאל פידלמן, חיים דולגופולסקי; עריכה: אריאל כהנא, ורד דוד. ירושלים, הוצאת עמותת חזית הכבוד, אגודה ישראלית למדענים עולים, 2015.
[Сокращенный перевод издания №2 на иврит]
4. *The Refugees: Jewish Refugees and evacuees in the USSR 1941–1945. Recollections of Wartime Childhood.* From Russian Sergei Makarov, Michael Gribov, English editors: Fern Seckbach, Gila Ansell Brauner, Marie Cochran. Jerusalem, Hazit Hakavod Association & Israeli Association of Immigrant Scientists, 2017.
[Английская версия издания №2]
5. *Flucht und Evakuierung. Die unbekannten Geschichten jüdischer Kinder im Schatten des Holocaust.* Chefredakteur: Dr. Alexander Berman, Hrsg. Haim Dolgopolsky, deutsche Übersetzung: Viatcheslav Obodzinskiy. Hazit Hakavod Association & Israeli Association of Immigrant Scientists, 2019.
[Немецкая версия издания №2]
6. Лев Слобин. *Осталось за кадром и между строк.* Минск, 2009.
7. Женнидора Медник (сост.). *«Как хочется жить!» Война глазами ее «детей».* Тель-Авив, 2011.
8. Аркадий Цфасман / Arkady Tsfasman. *Последние свидетели войны и Холокоста. Еврейские мигранты Мекленбурга – Передней Померании вспоминают о своем детстве в СССР в годы*

Второй мировой войны / Die letzten Zeugen des Krieges und des Holocaust. Jüdische Migrantinnen und Migranten aus Mecklenburg-Vorpommern erinnern sich an ihre Kindheit in der UdSSR während des Zweiten Weltkrieges. Rostock, 2012.

9. Анна Кипнис (сост. и ред.) *Взрослое детство войны. Сборник воспоминаний* – 1. Ашдод, 2013.
10. Анна Кипнис (сост. и ред.) *Взрослое детство войны. Сборник воспоминаний* – 2. Ашдод, 2013.
11. Иосиф Есаков / Iossif Jessakow. *Шрамы войны. О евреях – новых гражданах Нюрнберга, переживших войну и Холокост / Narben des Krieges. Über jüdische Neubürger Nürnbergs, die Krieg und Holocaust erlebten.* Nürnberg, 2013.
12. *Военное детство. Сборник воспоминаний.* Ашкелон – Тель-Авив, 2014.
13. Наум Райскин, *Опаленное детство.* Тель-Авив, 2014
14. Григорий Нисенбойм (сост. и ред.), *С войной покончили мы счеты...* Израиль, 2015.
15. Рива Фукс (сост.). *Военное детство. Сборник воспоминаний жителей Цфата, переживших войну.* Цфат, 2015.
16. Берта Файнштейн. «Крапивка». Повесть // *Девочка из гетто.* Израиль, Компас, 2016.
17. Иосиф Скарбовский (автор и составитель). *Дети войны помнят хлеба вкус.* Израиль, Studio Fresco, 2016.
18. Joseph Skarbovsky (author and compiler). *The children of the war remember the taste of bread.* Israel, Studio Fresco Publishers, 2016
19. Ефим Кипнис (сост.). *Чтобы помнили. Сборник воспоминаний беженцев Холокоста.* Израиль, 2017.
20. Проект «Опаленное детство» 2007–2020 гг. «Воспоминания спасшихся беженцев Холокоста об эвакуации. СССР. 1941–1945 гг.». Интернет-сайт движения «Хазит ха-кавод» – www.lost-childhood.com на 4-х языках – русском, иврите, английском и немецком.

21. מרדכי אלטשולר. הפינוי והמנוסה של יהודים מביילורוסיה המזרחית בתקופת השואה, יוני - אוגוסט 1941 // *יהדות זמננו* 1986 (3), 158-119.
22. Ицхак Арад. *Катастрофа евреев на оккупированных территориях Советского Союза (1941-1945)*. Днепропетровск – Москва, 2007. Т. I, 135-157.
23. Kaganovitch A. "Jewish Refugees and Soviet Authorities during World War II" // *Yad Vashem Studies*. Vol. 38, № 2 (2010), 85-122.
24. Vadim Dubson. "On the Problem of the Evacuation of Soviet Jews in 1941 (New Archival Sources)" // *Jews in Eastern Europe*. Vol. 40, № 3 (1999), 37-56.
25. Rebecca Manley. *To the Tashkent Station: Evacuation and Survival in the Soviet Union at War*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2009.
26. Семен Швейбиш. «Эвакуация и советские евреи в годы Катастрофы» // *Вестник еврейского университета в Москве*. 1995. № 2 (9), 36.
27. Vadim Dubson. "Toward a Central Database of Evacuated Soviet Jews' Names, for the Study of the Holocaust in the Occupied Soviet Territories" // *Holocaust and Genocide Studies*, Vol. 26, № 1 (2012), 95-119.
28. *История, память, люди*. Материалы VI Международной научно-практической конференции 18 октября 2012 г. Алматы, 2013.
29. Zeev Levin. "Antisemitism and the Jewish Refugees in Soviet Kirgizia 1942" // *Jews in Russia and in Eastern Europe*. № 1 (50) (2003).
30. Марина Потемкина. *Эваконаселение в Уральском тылу (1941-1948 гг.)*. Магнитогорск, 2006. С. 149-150.
31. *Холокост на территории СССР. Энциклопедия*. Москва, 2009, стр. 472, статья «Красная армия».
32. Ben-Zion Pinchuk. *Soviet Jews in the Face of the Holocaust: A Study in Deportation and Removal Problems*. Tel Aviv, Tel-Aviv University Press, 1979.

СВИДЕТЕЛЬСТВА

Яков Айзенберг¹

.....

Эвакуация

В конце лета 1941 г. наша семья – папа, мама и я – на грузовике отправились в Феодосию. Родители до войны работали в аптеке, и их, как медработников, взяли в госпиталь.

В Феодосии нас погрузили на последнюю баржу с зерном и отправили в г. Новороссийск. Поверх зерна лежал брезент с нарисованным огромным крестом, символизирующим, что транспорт медицинского назначения и на борту раненые солдаты. За солдатами были закреплены медработники, и в том числе мои родители, как фармацевты.

Когда вытягивали якорь, у одного из мальчишек нога попала между цепью и бортом, и ему там же отрезали на ноге пальцы. Перепуганный увиденным, я старался держаться возле родителей. Через некоторое время уже в открытом море появился странный самолёт с крестами на крыльях, который кружил над нами. Как только он появился, всех людей быстро убрали с палубы. После я заснул, но из рассказов взрослых узнал, что этот самолёт сел на воду перед носом баржи и плыл впереди нас около 4-х часов. Когда утром я выскочил на палубу, мы уже были совсем близко к Новороссийску.

После того как баржа пришвартовалась, наш старенький капитан, стоя на мостике, три раза перекрестился!

.....

¹ Яков Айзенберг родился в 1935 г. в г. Старый Крым (Украина, тогда – РСФСР), где проживал с родителями до эвакуации. Место эвакуации: Цхалтубо, Грузия. В Израиле с 1997. Записано автором воспоминаний в 2003 году в г. Кирьят-Шмона.

Станица Усть-Лабинская

В Новороссийске всех раненых пересадили на поезд, и мы отправились в станицу Усть-Лабинскую, Краснодарского края. Родители работали посменно в госпитале, а когда были свободны, выезжали со всеми на уборку урожая, я их почти не видел. Жили мы в бараке, и я подружился с местными ребятами.

Мы целыми днями болтались на улице, но самым любимым нашим занятием было воровать макуху в конюшне, ею тогда кормили лошадей. Для этого мы делали крючки из проволоки, заостряли один конец, цепляли им круг макухи и вытаскивали его из-под ворот конюшни.

Несмотря на то, что был конец лета, было много арбузов и других фруктов, для нас не было ничего вкуснее этой ворованной макухи. Там же возле магазинов мы ждали повозку с хлебом, потому что после разгрузки извозчик разрешал нам подбирать крошки хлеба, оставшиеся в повозке. Это было что-то!

Грузия, г. Цхалтубо

После месячного пребывания в станице раненых перевели в поезд, и нас отправили через станцию Армавир в Грузию. В Армавире поезд стоял очень долго. Сначала перед паровозом обнаружилась неразорвавшаяся бомба после очередного налета и требовалось время, чтобы саперы убрали её с рельсов. Потом всех нас выгнали в поле, т.к. началась сильная бомбёжка. Я помню, как раненые на костылях прыгали по степи и вдруг падали. Это потом я понял, что немцы расстреливали бегущих из своих пулемётов. Лежачие раненые оставались в поезде, и, естественно, медперсонал оставался с ними.

Уразумевши это, немцы стали поливать пулеметным огнем окна и стены вагонов. Мне запомнилось, как мама бросила меня на пол, положила сверху подушку и накрыла меня своим телом. Прежде чем упасть, я успел увидеть злорадный оскал на лице немецкого пилота в кабине самолета, и эту «рожу» я запомнил на всю жизнь!

Многих раненых мы тогда не досчитались, но в конце концов добрались до г. Цхалтубо, Грузинской ССР. Раненых разместили в

эвакогоспитале 2452, а медперсонал с семьями в двухэтажном доме на опушке леса в трех км от госпиталя. Я помню длинные коридоры и двери, двери, двери..., за которыми жили люди. Родители работали в госпитале круглосуточно, приходили домой только в субботу вечером, а следующим утром уже уходили на работу.

Мы, дети, бегали босиком, в трусиках и маечках в любую погоду, а на шее у каждого на куске бинта висели ключи от помещений, в которых мы жили. А главное, были почти всегда голодны. Родители перед уходом на работу оставляли мне еду на неделю, а я собирал друзей, и в течение полчасика мы уничтожали все до крошки.

Чтобы как-то выжить, нам, 7-10-летним пацанам, необходимо было самостоятельно добывать еду. В нашем арсенале было несколько способов, которые применялись в зависимости от обстоятельств.

Способ 1. Мы лазили в частные сады за фруктами. Кто-то из хозяев гонял нас, кто-то давал нам фрукты сам ещё и на дорогу, а кто-то стрелял в нас из ружья.

В одной из усадеб города, огороженной высокой оградой, жили князь с княжной и сыном. Мы его очень боялись, т.к. это именно он и стрелял в нас из ружья, но всё равно мы бывали в его саду, хоть и не так часто, как в других. Однажды князь, выйдя из дома и увидев, что на старой груше кто-то сидит, схватил ружьё и выстрелил. Этим выстрелом князь убил своего единственного сына. Горе его было безутешным, через месяц князь умер, а ещё через месяц похоронили и княгиню. Усадьбу с садом и постройками передали детскому дому.

Способ 2. На железнодорожном вокзале были склады с бутылками из-под керосина. Мы воровали эти бутылки, отмывали их с помощью песка в речке, что занимало примерно три часа на одну бутылку, потом продавали их местным жителям, которые охотно их у нас покупали для своего вина. За одну чистую бутылку нам платили 3 рубля, а на них можно было купить три чурека (пышка из кукурузной муки), и этого на день нам вполне хватало.

Способ 3. На том же вокзале был и угольный склад. Мы брали с собой торбочки и у охранника, инвалида войны без ноги, выпрашивали уголь. Ребята постарше выходили в места, где поезда с углём замедляли ход, забирались на вагоны и сбрасывали оттуда крупные куски угля. Потом мы этот уголь продавали, и это тоже спасало нас от голода.

Способ 4. Дом наш стоял на опушке леса, и по ночам прямо к окнам подходили шакалы из леса. От их воя и от страха я не мог заснуть, но утром они уходили, и жизнь продолжалась.

Мы часто ходили в лес за ажиной (ежевикой), фундуком, дикими яблоками и грушами, алычой, сливами, земляникой. Это была солидная добавка к нашему питанию! Однажды, уже после полудня, ребята позвали меня в лес за ажиной, я взял кастрюльку и пошёл с ними. Увлёкшись сбором ажины, я потерял ребят из виду, а потом понял, что заблудился. Начало темнеть. Что мне было делать? Я услышал, как воют шакалы, и решил залезть на дерево подальше от них.

Представьте себе: ночь, на дереве сидит, дрожит от страха и плачет 6-летний ребёнок, а внизу под деревом ходят друг за другом четыре шакала! Стало прохладно, я весь сжался и видя, что шакалы меня не могут достать, немного успокоился и задремал. Это чуть не стоило мне жизни, так как я еле удержался, чтобы не свалиться с дерева.

Надо было как-то себя обезопасить. Несмотря на холод, я снял майку и ею привязал себя к стволу дерева. Так я просидел всю ночь. Когда рассвело и ушли шакалы, я с дерева увидел наш дом и уже через 10 минут был у себя. Ребята мне потом сказали, что они меня искали и решили, что я сам ушёл домой. Родители об этом долго не знали, лишь через много лет, когда я рассказал маме об этом, она побледнела, но ничего мне не сказала.

Способ 5. Многие раненые, которые калеками выписывались из госпиталя, не хотели возвращаться домой и промышляли, кто чем мог. Двое из них делали на продажу сигареты. Но не было табака, бумаги, клея. Они нанимали нас, пацанов, собирать бычки (окурки), за каждый бычок платили 10 коп., а табак использовали

для сигарет. Где они брали клей и бумагу, не знаю. Но помню, что в городе вдруг начали умирать люди.

Когда выяснилось, что умирают они от сигарет, купленных у инвалидов, их арестовали и расстреляли. Оказалось, что вместо клея они использовали гной своих ран.

Способ 6. Конечно, любимым местом у нас всегда был городской рынок, здесь мы промышляли двумя способами.

а) Прямо на территории рынка мы копали ямку, наливали туда воду и бросали в неё карбид. Потом мы брали большую консервную банку с одним дном, пробивали гвоздём в дне дырку и этой банкой вверх дном с дыркой затыкали ямку с водой и карбидом. Карбид в воде выделял ацетилен, и когда через отверстие в банке начинал интенсивно выходить газ, а мы это определяли по запаху, кто-то из нас ложился на землю, подносил к отверстию в дне банки горящую бумажку на длинной палке, и смесь в банке взрывалась. Банка летела вверх на высоту 50 – 60 м и, падая, издавала воющие звуки. Конечно, продавцы в этот момент разбегались кто куда, и мы на 2-3 минуты становились хозяевами положения. Этого времени вполне хватало для обеспечения себя продуктами на два, три дня.

б) Чуреки на рынке продавали грузинки, располагавшиеся в один ряд. Они садились на корточки или на что-то очень низкое, расстилали вокруг себя свои широкие юбки прямо по земле, а перед собой ставили вёдра с чуреками.

Мы, предварительно посчитав, сколько женщин сидит в одном ряду, вытёсывали столько же деревянных кольев и, потихоньку заходя сзади, втыкали их в землю через расстеленные юбки торговок. Потом пацаны, по количеству сидевших в ряду продавщиц, проходили перед ними, перемещаясь цепочкой вперед, и когда первый оказывался против крайней из продавщиц, мы все по команде хватали чурек из ведра. Не подозревающие подвоха женщины вскакивали в попытке схватить наглеца за руку. А поскольку прибитые кольями к земле юбки держались на их бёдрах только на резинках, то естественно в это же мгновение юбки оставались на земле, а смущенные тётеньки лишь в том, что осталось на их теле.

Конечно, им было уже не до чуреков, они одной рукой хватались за свои юбки, а другой пытались как-то прикрыться. Мы же в это время занимались их чуреками. Но со временем мы вынуждены были отказаться от такого промысла, т.к. женщины, зная на что мы способны, стали брать с собой на рынок своих сыновей, братьев, а они нам пощады не давали. Однажды даже бросили меня в арык (канал) с водой. Я бы там и утонул, если б не наш сосед, который идя с работы, случайно меня увидел и вытащил на сушу. Все эти творческие, порой грубые способы добывания пищи придумывали старшие ребята, но это давало нам возможность как-то выживать.

О маме

Когда она в те редкие часы и минуты, что была дома, старалась меня накормить, я, зная, что она тоже голодна, но сама не ест, чтобы все досталось мне, придумывал различные отговорки: то у меня болят зубы, то еще что-нибудь не так из-за чего я сейчас не могу есть корки, уговаривая ее съесть самой. Это надо было видеть, с каким она аппетитом съедала оставшиеся корки!

Школа

С наступлением осени я пошёл в русскую школу. Книжка была одна на всех, писали мы на старых газетах. В основном все дети были разных возрастов, плохо одетые и полуголодные. Школа, в которой я закончил три класса, ничем примечательным мне не запомнилась, кроме того, что я отморозил себе руки и ноги, бегая зимой в школу босиком и почти раздетым. Последствия этого со мной на всю оставшуюся жизнь и особенно напоминают о себе при наступлении холодов.

Эвакогоспиталь 2452

Уроков дома мы почти не делали, но, становясь старше, понимали всё острее, что идёт война, что вся страна живёт в страшном напряжении, и мы старались быть хоть чем-нибудь полезны людям. Мы ежедневно бегали за 3 км в госпиталь, где работали

наши родители. Помогали раненым бойцам чем могли и быстро сдружились с ними.

Это ценили все: и раненые, и начальник госпиталя, и весь медперсонал. У каждого из нас было по 2-3 подопечных, и мы старались облегчить им пребывание в госпитале на лечении. Читали им газеты и письма, под диктовку писали за них письма родным и друзьям, пели военные песни и сами, и вместе с ними.

По вечерам в госпитале «крутили» кино. Мы садились на полу в проходе рядом со своими подопечными, а если по какой-либо причине один из нас не приходил или опаздывал, что бывало крайне редко, бойцы без нас в кино не шли. Молодые ребята выздоравливали, уходили на фронт, а на их место привозили других. Мы встречали эшелоны с ранеными бойцами и тут же, у вагонов, становились рядом и сопровождали их на носилках прямо в палаты. Я хорошо помню, как однажды привезли тяжелораненого солдата всего в бинтах и без сознания. Я сидел у его кровати, слушал, как он стонет, и тихо плакал, мне было очень его жалко. В какой-то момент солдат встрепенулся, ойкнул и, справившись с болью, спросил меня, почему я плачу, кто я и что делаю рядом с ним. Я ответил, что плачу, потому что мне очень его жалко, что мои родители работают в этом госпитале, а я помогаю раненым солдатам. Услышав это, он сказал, что не нужно его жалеть, что ему совсем не больно и что он очень доволен тем, что я рядом. Мы с ним подружились, звали его Володя, ему ампутировали обе ноги. При мне он ни разу не застонал и лишь по его болезненным гримасам на лице я видел, какие боли он переносит.

Сегодня я не могу вспомнить, скольким солдатам мне удалось помочь, да это и не так важно. Важно то, что мы, дети, нашли себя в этот тяжёлый для страны час!

Я хорошо запомнил парня, которого звали Серёжей. Он прибыл к нам с одним из эшелонов уже без рук и без ног, его вынес на руках парень с забинтованной головой, которого звали Семёном. Увидев это, я обомлел.

Серёжа сказал: «Ты чего, пацан, испугался? Видишь, теперь Семён – это мои руки и ноги, а я его голова!» Он усмехнулся, и его занесли в палату. Детская память избирательна, не всё, что было,

запомнилось, но то, что осталось в памяти – осталось на всю жизнь! Время текло, и мы становились всё старше, а наша помощь всё более полезной.

31 декабря 1943 г. в госпитале организовали ёлку. Мы, дети медработников, помогали её украшать ватой, марлей, бумажными поделками и подготовили небольшой концерт для раненых бойцов. Представьте картину: большой зал со сценой (госпиталь размещался в здании бывшего санатория) набит людьми. Это раненые, медперсонал и другие работники госпиталя. И, конечно, среди них наши родители. Выходит на сцену девчушка 8 лет в сарафане из марли и начинает читать стихотворение Симонова «Жди меня, и я вернусь...». Весь зал со слезами на глазах встаёт, таких аплодисментов я никогда не слышал. Раненые стучали о пол костылями и палками, и это был салют нам, детям войны, которые старались разделить вместе с ними все их радости и боли!

Я спел военную песню «Землянка». Другие дети тоже читали стихи и пели песни. Все песни зал пел вместе с нами, взрослые стояли и, обливаясь слезами, хлопали нам, пытались петь с нами. Сидели только те раненые, которым стоять было либо тяжело, либо не на чем. После концерта начальник госпиталя Автандил Гогоберидзе собрал всех детей на сцене.

Он сообщил, что благодаря помощи детей медперсонала в лечении воинов Советской Армии наш госпиталь занял в этом году первое место по срокам выздоровления и возвращения бойцов в действующую армию. Потом он зачитал приказ, в котором отметил поимённо каждого ребёнка и его роль в выздоровлении солдат, и наградил каждого из нас половинкой стакана виноградного сока. Прямо на сцену вынесли бутылку с соком, и он лично наливал и давал его каждому из нас. Что творилось в зале! Все радостно улыбались сквозь слёзы и отчаянно нам аплодировали! Мы, стоя на трибуне, плакали вместе со всеми.

Были у меня в жизни потом всякие награды, но самой дорогой для меня наградой на всю жизнь остался этот стакан с наполовину налитым виноградным соком. Мы, дети войны, поняли свою сопричастность к жизни страны. Так фактически закончилось наше детство! И я глубоко уверен, что если бы вся страна от мала

до велика не поднялась на борьбу с врагом, неизвестно, чем и когда бы закончилась эта страшная война!

В октябре 1944 г. вся наша семья переехала в освобожденный г. Донецк, где родители работали по своей специальности. Я, после техникума работая на стройках Донбасса, закончил вечернее отделение Донецкого политехнического института по своей специальности. Более 20 лет я работал на стройках, пройдя по должностной лестнице от мастера до главного инженера огромного генподрядного строительного управления. Затем более 20 лет работал в проектно-институте республиканского значения, который возглавил в качестве генерального директора. Там же был избран членом-корреспондентом, а затем и действительным членом Академии строительства и архитектуры Украины. В 1997 г. репатриировался в Израиль в город Кирият-Шмона, где уже с 1991 г. жили мои дети и внуки.

Послесловие

Весной 1996 г. меня, как представителя «детей войны», пригласили на областной слёт «Дети полка», а потом на такой же слёт, но уже республиканский, проходивший в г. Киеве. Никто меня не предупредил, что я должен буду там выступить. Вдруг я слышу голос ведущего слёта: «Слово предоставляется господину Айзенбергу Я.М., из г. Донецк». И я вышел на трибуну.

Передо мною выступали «Дети полка», они рассказывали о своих подвигах, показывали свои награды, а я начал с того, что я тоже из «детей войны», но я не воевал, подвигов не совершал, наград за это не имею, после чего рассказал, как мы жили и чем занимались во время войны. Я сказал, что преклоняюсь перед солдатами, воевавшими в самых опасных местах, но нам, мальчишкам, не доросшим до призывного возраста, тоже нашлась полезная работа.

Во время моего рассказа в зале стояла гробовая тишина и, может быть поэтому, я обратил внимание на инвалида без ног, сидящего в инвалидной коляске и медленно продвигавшегося по проходу к трибуне. И, вдруг он закричал не своим голосом: «Яшка! Яшка! Это я Володя! Яшка! Яшка! Я живой! Яшка! Яшка!» У него была истерика от радости, мне еле удалось его успокоить.

Действительно, этим человеком оказался тот самый Володя, о котором я упомянул выше в этом рассказе. Зал бурно отреагировал на нашу встречу. Я же посетил его дома и познакомился с его семьёй. После войны Володя, вернувшись домой в Киев, женился на девушке, работавшей крановщицей на оборонном заводе, научился сапожному ремеслу и всю жизнь этим занимался. Оказалось, что и его жена Раиса и его сыновья с жёнами и его внуки знали историю пребывания его в эвакогоспитале №2452 в маленьком грузинском городке Цхалтубо и знали также, что был такой пацан Яшка, который спас жизнь их отцу и дедушке. Я не вправе считать себя его спасителем, но я получил огромное удовлетворение от этой встречи и понял, что если бы даже я ничего в жизни хорошего не сделал для множества людей, одного того, что Володя выжил, хватило бы мне, чтобы не считать свою жизнь прожитой напрасно.

Гарри Фельдман²

.....

Я родился в 1933 году в достопримечательном древнем еврейском местечке Романов (в советские годы – Дзержинск) на Житомирщине (Украина), где проживали родители моей матери и её сестра. Мой отец трудовую деятельность начинал рабочим, а затем стал директором фабрики по обработке гранита на Головинском карьере Черняховского района Житомирской области. Он был выдвинут на работу секретарём Черняховского райисполкома и направлен на учёбу в Харьковское юридическое училище, а после его окончания был избран народным судьёй в Черняхове.

Мать работала воспитательницей в детском саду. До войны я успел окончить первый класс. Единственным свидетельством моего безоблачного детства, опалённого после 22 июня 1941 года огненным вихрем Великой Отечественной войны, была чудом сохранившаяся фотография.

Третьего июля 1941 года отец получил предписание эвакуироваться в Черниговскую область и должен был выехать вместе с нами. Но в последний момент предписание было отменено, и отец был назначен ответственным за эвакуацию или, в крайнем случае, уничтожение особо важных документов советско-партийных органов, учреждений и организаций местечка. Выполнив эту миссию, он с последней отступающей частью покинул Черняхов и, явившись в Киевский военкомат, добровольно ушёл на фронт.

С приближением немецких фашистов к нашему местечку мне с матерью, как и многим другим семьям односельчан, пришлось бежать на восток, захватив из дому лишь самое необходимое. Нам была предоставлена подвода с лошадью, и я до сих пор

.....

2 Гарри Фельдман родился в 1933 в м. Романов (в 1933–2003 Дзержинск, Житомирская область, Украина), перед войной жил с родителями в г. Черняхов. Места эвакуации: Романовка Саратовской обл., Троицк Челябинской обл. Автор книги *Забвению не подлежит* (Житомир, 2000). В Израиле с 2001. Записано автором воспоминаний в 2011 в г. Нетания.

понять не могу, как, не имея на то ни опыта, ни физических сил, мне с матерью, удавалось с ними справляться.

Преодолев за несколько дней тяжёлый и опасный 150-километровый путь, мы сделали привал на опушке леса в Святошино (предместье Киева). Расположились под высоким раскидистым деревом. Не успели мы с попутчиками попасть лошадей и хоть мало-мальски ополоснуться в находившемся рядом водоёме, как над нами появились летящие с запада самолёты. Пробежавшие мимо нас военные сообщили, что поблизости высажен вражеский десант.

Я раскапризничался и стал просить немедленно уехать с этого места. На удивление меня послушали. Как только мы еще с двумя семьями сослуживцев отца отъехали, над нами завязался воздушный бой, и вскоре мы увидели, как сбитый самолёт врезался как раз в то дерево, под которым мы всего лишь несколько минут назад располагались.

Чтобы не загнать уставших лошадей, через несколько километров мы снова сделали привал, и ко мне подошёл единственный среди нас взрослый мужчина (не призванный в армию очевидно по состоянию здоровья и взявший шефство над нашей группой), погладил меня по голове и сказал, что вообще-то он не любит капризных ребят, особенно мальчиков, но сегодня мой каприз спас жизнь всем нам.

Это был первый, но не единственный случай, когда мы чудом разминувшись со смертью, убегая от преследовавшего нас жестокого фашистского зверя.

Преодолев ещё один участок тяжелейшего и опаснейшего пути, мы добрались до города Конотопа. На углу одной из улиц его окраины у ворот небольшого домика стояла женщина с полутора-двухгодовалым мальчиком на руках, а за её юбку держалась девчушка-замухрышка лет пяти. Мы попросили пустить нас во двор покормить лошадей и приготовить горячую еду для детей или хотя бы вскипятить воду для чая. В ответ женщина открыла калитку, показала на несколько стоявших за ней чемоданов, забитые досками окна и дверь дома и сказала, что они с минуты на минуту ожидают возвращения мужа с повозкой, чтобы

добраться до железнодорожной станции и постараться попасть в любой эшелон, направляющийся на восток. При этом она посоветовала поехать на находившийся невдалеке от их дома пруд, искупать в нём детей, а на берегу попасть лошадей.

Мы последовали её совету, после чего продолжили свой путь. На эвакуационном пункте при железнодорожной станции Курск мы услышали по радио тяжёлую весть о сдаче советскими войсками нашего областного центра Житомир. После приёма властями лошадей и телег нас эшелоном отправили в глубь страны. И снова постоянная тревога, жажда и голод, частые бомбёжки на пристанционных тупиках – ведь в первую очередь пропускались воинские составы. В пути нас постоянно преследовали кошмарные картины погибших и раненых в результате налётов фашистских стервятников. Нам же раз за разом удавалось разминуться со смертью.

На какой-то станции в Тамбовской области наш эшелон разгрузили. Там эвакуированных подводами развезли по близлежащим сёлам. Три наших семьи доставили в одно из них и разместили в здании бывшей церкви. Несколько недель мы по мере своих сил трудились в местном колхозе, обеспечившим нас питанием.

Затем ночью, чтобы не привлекать внимания вражеских самолётов, нас на подводах в сопровождении нескольких местных пожилых мужчин (в округе свирепствовали стаи волков) перевезли в село Романовку Саратовской области. Значительную часть пути нас преследовали несколько пар огоньков волчьих глаз. Но напасть на нас голодные хищники не решились.

В Романовке нас поселили в семью местных жителей. Трудоспособных направили на работу в колхоз, который оплачивал труд эвакуированных продуктами питания. Наконец после двухмесячных мытарств мы получили возможность есть горячую пищу за нормальным столом и спать в постели с чистым бельём. Прибыли мы в это село как раз накануне учебного года, и я пошёл во второй класс.

Местное население с сочувствием и состраданием относилось к нам, многие старались оказать беженцам всевозможную поддержку. Огромное спасибо им за это.

Однако война и здесь не давала забывать о себе. Как-то во время урока я услышал уже знакомые мне звуки воздушного боя. А через пару минут школьное здание содрогнулось от мощного взрыва: через дорогу от нас рухнул сбитый фашистами наш самолёт. Мы, школьники, стали первыми свидетелями гибели двух его пилотов. Возможно, последние их усилия были направлены на то, чтобы не дать самолёту упасть на школу. Так смерть еще раз пронеслась мимо меня. Невзирая на все тяготы, я и второй класс закончил с похвальной грамотой.

В середине 1942 года брату моей матери (они были близнецы) через действующую тогда службу розыска удалось найти нас и вызвать к себе в город Троицк Челябинской области. Там нас не обстреливали и не бомбили, но пережить пришлось такие лишения, которых и врагу не пожелаешь.

После нападения фашистов на нашу страну в этот город, насчитывающий около 40 тыс. населения, были эвакуированы ряд крупнейших военных заводов, в том числе и 34-й авиационный, на котором работал мой дядя. Вместе с их работниками прибыли десятки тысяч беженцев. Это привело по некоторым данным к 10-кратному увеличению количества его жителей. Под жильё пришлось приспособлять всё возможное и невозможное. И нам с матерью вместе с четырьмя членами семьи её брата, в том числе грудным младенцем и тяжелобольным отцом его жены, пришлось ютиться в крошечной комнатухе, в которой вместо кроватей были сооружены двухъярусные нары.

Получаемых по карточкам продовольственных продуктов катастрофически не хватало. Мы всегда были безнадежно голодны. Какое-то время хлебные карточки не отоваривали несколько дней, а затем вместо хлеба выдали на все неиспользованные талоны соевую макуху (отжимки, остающиеся после выдавливания из зёрен масла). На следующий день начался массовый мор: опухшие от голода люди, вдоволь наевшись этой даже не для всех животных пригодной еды, сотнями умерли в страшных муках.

С нетерпением мы ожидали прихода весны, чтобы вдоволь похлебать суп из крапивы, свекольной ботвы и другой съедобной зелени. А каково было переносить зимнюю стужу (морозы

иногда доходили до 40 градусов) в наших нетопленных конурках или в школьных классах!

Согласно постановлению объединённого заседания Троицкого горкома ВКП(б) и горисполкома для участия в сельхозработах были мобилизованы в обязательном порядке и учащиеся, начиная с шестого класса. Но иногда для этого привлекали и нас, «салажат» из четвёртых и пятых классов. Но это было нам не в тягость, так как мы это считали своей посильной помощью фронту.

Группа школьников в статусе «Сын полка» – детей, лишившихся родителей, на занятия приходила строем в военной форме. В нашем классе таких было пятеро. И это, кроме всего прочего, заставляло нас с большей ответственностью относиться к учёбе и своему поведению.

Единственной радостью для меня и матери было то, что отцу удалось разыскать нас, и мы начали получать от него письма с фронта в виде треугольников.

После ранения и выписки из госпиталя отец был направлен на краткосрочные курсы в Московское военное училище имени Верховного Совета и после окончания их получил назначение в действующую армию в качестве командира взвода 1130-го стрелкового полка 336-й стрелковой дивизии.

Перед отправкой к месту назначения отцу был предоставлен краткосрочный отпуск, и он на несколько суток приехал к нам в Троицк. Это была наша последняя встреча с ним. В одном из своих писем отец сообщил нам, что приближается со своей частью к городу, в котором жила его старшая сестра. И мы поняли, что это город Киев. Последнее письмо от отца пришло одновременно с похоронкой, в которой сообщалось о его гибели в бою 4 октября 1943 года.

Через несколько дней мы получили письмо от его боевых братьев, которые с теплотой и любовью отзывались о своём мужественном и заботливом командире, верном друге, человеке с доброй душой и щедрым сердцем, не раздумывая отдавшем жизнь для спасения личного состава взвода и обеспечения успеха военной операции.

После освобождения Житомирщины от захватчиков мой дядя съездил в наш родной Романов и привёз оттуда горестную весть: все евреи местечка, в том числе мой дедушка и тётя (сестра матери) зверски уничтожены нацистами и местными полициями, отчий дом разграблен и уничтожен. Бабушка умерла незадолго до войны.

На запрос, посланный матерью в Черняховский поселковый совет, она получила ответ, что дом, в котором была наша довоенная квартира, как и многие другие жилые помещения местечка, разрушен в ходе боевых действий и что предоставить нам жилплощадь в ближайшее время нет возможности.

В начале января 1946 года мы вернулись из эвакуации и временно поселились в Житомире. Здесь проживала сестра отца, прослужившая всю войну в госпитале, и её муж, демобилизованный воин. Мы расположились у моей тёти в комнатухе, служившей одновременно и кухней. Их отчий дом в центре Житомира, в котором они до войны имели квартиру, был разрушен при бомбёжке.

В Житомире я успел закончить шестой класс, и так как к тому времени демобилизовался сын хозяев квартиры, нам пришлось освободить для него занимаемый нами уголок и переехать в Романов. Здесь нас, как и абсолютное большинство возвратившихся из эвакуации, ожидало голодное, полунищенское существование. Почти на два года нас приютила также возвратившаяся из эвакуации еврейская семья, у которой сохранился дом. Позже нам выделили небольшую комнатуху, служащую одновременно и кухней, в коммунальном доме. В ней мы прожили 15 лет.

В первые послевоенные годы, не имея «ни кола, ни двора», выживая лишь за счёт мизерной пенсии за погибшего отца и незначительной зарплаты матери, мы ходили в лохмотьях, отказывали себе абсолютно во всём. Помню, как весной, когда уже таял снег, я шёл в школу в старых валенках без галош, так как другой обуви у меня не было.

Среднюю школу я окончил в Дзержинске в 1950 г. В том же году поступил в пединститут, окончив который, получил профессию учитель математики. После 47 лет работы в школах своего

родного района вышел на пенсию. В 2001 году репатриировался в Израиль, где поселился в г. Нетания.

Вернусь к эпизоду начала нашего пути в эвакуацию, упомянутому выше. Перед началом 1957–58 учебного года из окна отдела народного образования я заметил направляющуюся к зданию девушку с чемоданчиком в руках. Невольно подумал: какая судьба ожидает в наших краях эту выпускницу вуза, по чью душу она сюда прибыла?

Через несколько дней мы встретились с ней на работе в Дзержинской средней школе и со временем подружились. Когда же дружба переросла в любовь, она предложила приехать к ней во время каникул в Конотоп для знакомства с её матерью и младшим братом. (Её отец, многократно раненный на фронте, после демобилизации вскоре умер).

Представьте мою оторопь, когда явившись по указанному адресу, я оказался у ворот того домика, в котором при эвакуации мы просили кратковременного пристанища, и понял, что тогдашняя девчушка-замухрышка, державшаяся за материну юбку, моя невеста, а её мать, державшая на руках малыша, моя будущая тёща.

Воистину пути господни неисповедимы!

Уже более 55 лет мы вместе шагаем по жизни, едины в радости и в горе, стойко преодолеваем невзгоды, поддерживаем и помогаем друг другу во всём – в работе, в быту и в общественной деятельности.

Любовь Горелик³

Мой папа, Горелик Израиль Меерович, был кадровым офицером Красной Армии. Подразделение, в котором он служил, находилось в г. Бобруйске (Могилевская обл., Белоруссия).

Моя мама, Горелик Циля Бенционовна, вместе с годовалой дочкой Майей жила в Бобруйске, в доме для семей военнослужащих. 21 июня 1941 года папа приехал из воинской части на выходные дни домой. Утром 22 июня 1941 г. мама (беременная на пятом месяце) с папой и с коляской, в которой находилась Майя, вышли погулять в сквер, расположенный рядом с домом. Внезапно в воздухе появились самолеты без опознавательных знаков, поливая землю пулеметной стрельбой. Родителям здорово повезло в этот раз, потому что пули всего лишь взрыхлили клочок земли между ними, никого не задев. Счастье еще было в том, что коляска с дочкой стояла в стороне, и ее тоже обошла беда, а спустя время за папой приехал вестовой, и он отправился в часть. Больше мама его не видела. На все ее запросы во время войны и после войны она получала извещения о том, что «Горелик Израиль Меерович пропал без вести 27 июня 1941 года».

Маму с дочкой Майей и с семьей ее старшей сестры Берты, у которой было три дочери (самой младшей семь лет), вывезли на время в ближайший лес, как было сказано, на несколько часов, пока прекратится обстрел. Больше они в город не вернулись.

В лесу, куда их привезли, уже располагалась большая группа людей – беженцев из западной Белоруссии (в те времена Польши). В лесу они находились несколько дней без пищи, страдая от холода.

Муж Берты, который работал вторым секретарем горкома партии и отвечал за эвакуацию города, прислал в лес машину. Всех находящихся там забрали и отвезли на ближайшую железнодорожную станцию, где их погрузили на открытые товарные платформы, и состав отправился на Восток.

.....
3 Любовь Горелик родилась 7/11/1941 на станции Полетаево Челябинской области. Семья эвакуировалась из Бобруйска в с. Томино Челябинской обл. В Израиле с 1991. Рассказ записан автором воспоминаний в 2015 г., базируется на семейных воспоминаниях.

Платформа, на которой находилась мама с дочкой и ее сестра с детьми, была в конце состава. И когда на станциях поезд останавливался, они не могли добежать до места, примерно посередине состава, где организованно раздавалась пища для беженцев. Поэтому они ехали впроголодь, и все могло закончиться трагедией уже в пути, если бы не местное население на остановках, среди которых сердобольные иногда подбрасывали им пищу. Был и такой случай: на одной из станций пища, которую раздавали организованно, оказалась отравленной, и очень многие люди из первой половины состава, которым досталась эта пища, умерли.

В такой невероятно тяжелой обстановке они доехали до Тулы, где был распределительный эвакуационный пункт. По их просьбе всю семью (мама с сестрой и четверо детей) отправили на Урал в г. Челябинск, где главным инженером тракторного завода работал их двоюродный брат Цезарь Фейнберг.

До Челябинска они не доехали, так как у мамы начались схватки, и на станции Полетаево Челябинской области вся семья сошла с поезда.

Седьмого ноября 1941 года в медпункте этой станции я и родилась, находясь половину пути по дороге в эвакуацию под надежной защитой моей мамы.

Родилась я очень слабенькой. От голода и холода мама тоже была не в порядке. На Урале уже выпал снег, а одежда у всех была летняя, в которой ушли из дома. Из-за большой потери крови при родах маму со мной отправили в Челябинск в больницу. У неё не хватало грудного молока, и меня начали прикармливать коровьим, от которого я заболела бруцеллёзом. Необходимо было срочно сделать переливание крови. И эта процедура тоже легла на плечи и без того ослабленной моей мамы. В результате всех перипетий у нее вздулись вены на ногах так, что она не могла ходить. На одной ноге даже открылись раны, такой вот сильный развился тромбоз. С этой ногой она мучилась до самой смерти.

Но то было время, когда мама не думала о себе, она хотела любой ценой спасти меня. Интересная история произошла с моим именем. Они с папой договорились, что если будет девочка, назовут

Лилия. Когда мама пришла в районный ЗАГС зарегистрировать меня, служащая сказала, что такого имени нет, это название цветка. Как мама ее ни упрашивала, она не согласилась. И тогда мама зарегистрировала меня под именем Любовь в честь прадедушки, которого звали Лэйба. Но дома меня все звали Лилей, и я узнала о том, что у меня другое имя, только в 7 лет, когда пошла в школу.

В эвакуации

Со станции Полетаево все наше семейство отправили на подводах в село Томино. Село было большое. Местное население жило не в домах, а в юртах. Они занимались скотоводством и переезжали с одного места на другое. Кочевники перегоняли скот.

Цезарь Фейнберг, мамин двоюродный брат, который был главным инженером Челябинского тракторного завода, перепрофилированного на выпуск танков, распорядился отправить в Томино стройматериалы и несколько рабочих, которые построили нам дом из пяти комнат.

Кроме нас туда должны были прибыть еще три семьи родственников. Таким образом, было организовано подсобное хозяйство Челябинского тракторного завода, которое снабжало работников завода продуктами питания всю войну до мая 1945 года. Возглавлял это хозяйство Фридкин Евсей Кушелевич – муж старшей миной сестры Берты.

Он по состоянию здоровья, которое было подорвано пытками еще в 1937 году в застенках КГБ г. Бобруйск, не мог пойти на фронт.

Всю свою энергию он направил на то, чтобы спасти наши семьи, а их уже было пять, помочь голодающим жителям Челябинска и тем самым дать возможность работать на полную мощь Челябинскому тракторному заводу, с конвейера которого сходили танки, так необходимые фронту.

А мы, дети, еще не совсем осознавая всю серьезность обстановки, глядя на взрослых, старались им помочь, чем могли. Всего нас было 11 детей от 1 года до 10 лет. Были распределены обязанности. Старшие дети работали в огороде – сажали, пололи, поливали. По

очереди работали на кухне – чистили картошку, готовили еду на всех, убирали в доме и во дворе, заготавливали воду из речушки, передавая по цепочке ведра, воду из которых сливали в бочки.

Я была самая маленькая, стояла у бочки и тоже «переливала» воду маленьким детским ведерком в бочку. Помню и такой эпизод. Зимой были сильные морозы. У нас отелилась корова. Теленочка забрали в дом, чтобы не замерз. Он был маленький и все время дрожал. Кормили его из соски молоком. Мне поручали следить за ним, чтобы не нашкодил в доме. Но однажды он умудрился побегать по всем комнатам и пожевать одежду, которая висела на вешалках прямо на стенках. Меня не ругали, но я очень плакала, т.к. не уследила за ним и не позвала старших.

Зимой 1945 года умерла наша бабушка (мамина мама). Похоронили ее в мерзлую землю. Мама и ее сестры тетя Берта и тетя Тамара очень переживали, что весной все растает и могила бабушки провалится.

Возвращение домой

Пришло время, и мы стали собираться в Белоруссию, домой в Бобруйск. Местные жители уговаривали нас остаться хотя бы еще на год. Но мама была непреклонна. Она не верила, что папа погиб несмотря на то, что на все ее запросы о нем был один ответ – «Пропал без вести 27 июня 1941 года».

Мама говорила, если он жив, то будет искать нас в Бобруйске, куда мы вернулись в июне 1945 года. Город был почти весь разрушен. Дом, в котором до войны жили мама с папой и моей сестрой Майей, был разрушен одним из первых. Мама с нами на первых порах поселилась в квартире тети Берты, где мы в тесноте располагались на ночлег и спали на полу. У маминой тети Брохи было полдома, который во время войны оказался занят семьей полицейского. Он не хотел освобождать дом, угрожая оружием. Никто из руководства города не заступился за нашу семью. Пришлось вызвать из Москвы маминого брата Володю, который был летчиком в звании полковника.

И только после того, как он появился в своей форме с орденами, милиция занялась выселением семьи бывшего полицейского из этого дома.

После всех перипетий мама пошла работать, а мы с сестрой оставались одни дома, пока не открылись детские сады.

Мы часто оставались одни дома, так как мама работала бухгалтером торгового предприятия и брала дополнительную работу – проводила переучеты в магазинах.

Однажды вечером к нам в дом кто-то стал царапаться. Мы были закрыты снаружи и выяснить, что там происходит, не было возможности. Решили, что это кошка. Под утро пришла мама после переучета и увидела у нас на крыльце полузамерзшую девочку. Мама открыла дверь и втащила обессиленного ребенка в дом. Звали ее Люся. Она бежала со своей мамой из Украины в поисках пропитания, поскольку там в 1947 году был голод. По дороге ее мама умерла. Люся продолжала идти, куда глаза глядят. Она шла, падала, ползла, поднималась и снова падала. Так она добралась до Бобруйска. Она стучалась во все дома по дороге, но никто не открывал ей двери. Несмотря на то, что мы очень нуждались, мама оставила эту несчастную девочку у нас. Она была старше нас и старалась помочь маме во всем. Отводила нас поутру в детский сад и забирала вечером. Днем она ходила в школу, затем поступила в техникум. Окончила техникум, вышла замуж и уехала с мужем на Украину.

Становление

Ну а мы продолжали жить в Бобруйске. Я после 7-го класса уехала в Гомель, поступила в железнодорожный техникум на экономическое отделение. После окончания техникума в 17 лет уехала по назначению в г. Кызыл-Орда в Казахстане. Отработала там 4 года, училась заочно в Ташкентском институте железнодорожного транспорта на экономическом факультете. Мама в это время поменяла нашу квартиру в Бобруйске на маленькую квартирку без всяких удобств в Минске.

В 1991 году мы решили репатриироваться в Израиль, поселились в Араде.

Ефим Кипнис⁴

Родился я 27 июля 1931 года в г. Житомир. Мои родители были религиозными евреями. Отец, Иосиф Меерович, выходец из Польши, а мать, Лифша Шойлевна Ленцнер, родилась и проживала в г. Тульчин, Винницкой области. Мои будущие родители повстречались и поженились, когда мой отец служил в дивизии Щорса, расквартированной в Тульчине.

Кроме меня в нашей семье было еще двое детей – мои брат МIRON и сестра Бэлла. Жили мы на 3-м этаже в доме №55 по ул. Ленина. Квартира была прекрасная, с балконом, обставленная старинной мебелью вишневого цвета, сделанной из дуба, унаследованная от ранее очень богатого маминого отца.

Я хорошо помню 22 июня 1941 года. В шесть утра мама меня разбудила, надо было идти в магазин за хлебом. Стоя в очереди, я слышал, как люди перешептывались, что ночью бомбили Житомир, а когда заговорила «тарелка», висящий на столбе радиотрансляционный динамик, мы узнали о том, что Германия вероломно напала на СССР. В семье, не раздумывая, однозначно решили бежать в глубь страны. Четвертого июля родная сестра моего отца, Фаня, пришла к нам, и моя мама предложила ей бежать вместе. В ответ она сказала, что решила остаться, потому что у неё четверо детей, она работает учителем, а директор школы Мельниченко заверил ее: «Фаня Марковна! Вам нечего бежать, Вы уважаемый человек, и никто Вашу семью не тронет».

Пятого июля 1941 года на товарных открытых углярках наша семья бежала из Житомира, а шестого немецкие войска вошли в город. Забегая вперед, замечу, что возвратившись в Житомир по окончании войны, мы узнали о трагедии тети Фани и ее семьи. Как только фашисты овладели городом, директор школы Мельниченко с белой повязкой на руке пришел к ним с полицаями и арестовал её и детей: Володю, 14 лет; Розу, 12 лет; Филю, 6 лет и Клару – 2,5 года. Их отца, Иосифа Фукса, бывшего директора

.....
4 Ефим Кипнис родился в 1931 г. в Житомире, где проживал с родителями до эвакуации. Места эвакуации: Тихорецк, Сталинград. В Израиле с 1991. Записано автором воспоминаний в 2015 в г. Афула. Автор ушел из жизни в 2019 г.

школы, расстреляли еще в 1937 году советские власти, которого спустя много лет реабилитировали.

Тётю Фаню с детьми поместили в сарай, а на третий день тот же директор школы их расстрелял, собрав для этой показательной процедуры множество жителей города.

Неприятностью для этого подонка явилось лишь то, что старший сын тёти Фани, Володя, сумел сбежать из сарая, о чем и рассказал нам после войны.

Говоря о тяжелых физических потерях в годы Второй мировой войны, отмечу, что наша семья потеряла в Украине – 29 человек, на территории России – 5 человек, на территории Польши – 4 человека, в Голландии – 1-го человека и на фронте в ходе боевых сражений с фашистами – 3-х человек. Всего 42 человека!

Наша семья бежала, взяв с собой только предметы первой необходимости. Ужас начался уже с первых минут, как только мы забрались в железнодорожный вагон углярки. Состав стоял у моста, как вдруг налетели пикирующие «мессершмитты» и стали поливать из пулемётов по людям в открытых вагонах и бомбить мост. Это был кошмар. Вой самолетов, крики и кровь людей. Какой-то охранник стрелял из винтовки во вражеские самолёты, и в одно мгновение, смотрю, а он уже лежит на земле весь в крови.

В эти минуты мы с братом впервые увидели лицо фашистского пилота на низко летящем самолёте. К вечеру наш состав тронулся. Тяжким воспоминанием является короткая остановка на станции Ясиноватая. Фашистские самолёты её долбили день и ночь, не было возможности даже воды набрать, сплошной вой самолётов и крики людей. Нечто подобное случилось и на станции Знаменка. Постепенно моё юное сердце и разум привыкли к этим повседневным ужасам.

Наше бегство от фашистов прерывалось семь раз. Мы побывали в Белой Церкви, Полтаве, Днепропетровске, Таганроге, Тихорецкой, Сталинграде и затем в совхозе, расположенном в 70 км от Сталинграда. Там мама сказала: «Будь, что будет. Дальше бежать нет сил».

Я обязан воздать должное женщинам, нашим матерям. Они проявили истинный героизм, терпение и выносливость в самых критических для жизни ситуациях. Вечное им уважение и благодарность за героизм и теплоту.

Отец мой был призван в армию и отправлен на фронт. Спустя три месяца, после контузии, он пришёл к нам на неделю и вновь отправился воевать. Отец рассказывал, что, находясь в окопах, утром, днём и вечером он молился, а солдаты его подбадривали: «Молись, Иосиф, и за нас тоже». Правда, некоторые сослуживцы подсмеивались над его религиозностью.

Осталась в памяти наша жизнь в Тихорецке и Сталинграде. Город Тихорецк – это район проживания казачества. Юношеская любознательность влекла меня с братом каждую субботу наблюдать, как казаки в полной военной экипировке обучаются на скаку рубить голову врагу, тренируясь на бутафориях, изображавших человека в натуральную величину.

В Сталинграде мы жили в будке площадью не более 6 метров, которая находилась недалеко от пристани. Тогда же мы узнали, какими вкусными бывают арбузы. В тот год урожай арбузов оказался большим, а доставлялись они из знаменитого Быково. Мы ходили на пристань добывать арбузы, которые рабочие разгружали вручную. Как только очередной арбуз падал и разбивался, жаждущие поживиться, а их было не мало, с позволения начальства набрасывались на «подарок судьбы». Добычу мы тащили в семью, уложив арбуз в рубашку, завязав ее со стороны рукавов. Эту акцию мы иногда проводили по три раза в день. Поскольку хлеба в доме бывало мизерно мало, голод мы утоляли арбузами, благо урожай был громадный настолько, что хозяйственники едва справлялись с его обработкой.

В Тихорецке мы прожили чуть более месяца, а в Сталинграде на два дня меньше. Немцы все время наступали нам на пятки. Из Сталинграда мы бежали в совхоз, который был в 70 км от Сталинграда, рядом с большой узловой ж/д станцией Поворино, которую я часто посещал. В совхозе нам дали одну комнату в бараке, который стоял на железобетонных столбах, так что под

домом гулял ветер. Барак был деревянный, в комнате, площадью 18 м², в углу стояла печурка размером метр на метр, высотой 80 см, посредине чугунная плита и 4 горелки. Топили плиту дровами, а дрова надо было рубить в расположенном недалеко громадном лесу. К этому времени в нашей семье произошло пополнение – родилась сестричка Александра.

Брат Мирон пошел работать прицепщиком, и он почти не ночевал дома, поэтому на мои плечи легла ответственность обеспечивать семью едой, дровами и тому подобным. А мне-то было всего 11 лет, шёл 1942 год с суровой зимой. Иногда я уклонялся от своих прямых обязанностей. Был у меня друг, Виктор Амочаев, мы всегда и везде были вместе, он был моим ровесником. Мы часто уходили из дома на 2-3 дня, но возвращались не с пустыми руками. В качестве «трофеев» приносили крупу, иногда жмых, одежду, в общем, что «Бог пошлет». Однажды «Он» послал мне добротную одежду, естественно, с чужого плеча.

Случилось это в районе полустанка, расположенного в 30-ти километрах от Сталинграда, куда мы доехали в тамбуре вагона с горючим. По дороге к паровозному депо, передвигаясь по склону балки, увидели несколько убитых немцев.

Трое лежали с пристреленными лошадьми. С одного из них, замерзшего, левая нога которого оказалась под брюхом лошади, я снял жёлтую шинель, правый ботинок и кожаную сумку, в которой был парабеллум с комплектом патронов в дисках. Чтобы снять левый ботинок, нам пришлось тяжело потрудиться, но дело своё мы сделали. Все трофеи я забрал домой. Оружие спрятал, но сказал об этом матери. Мама укоротила шинель по моему росту, и я существенно утепился.

Недалеко от совхоза был естественный пруд довольно больших размеров, вокруг которого была красивая, утопающая в диких цветах природа. Вода была зеркально чистой, подпитываемая стекающими с гор ручьями. Недалеко были совхозные склады с льняным и семечковым жмыхом. Днём мы купались, а вечером шли воровать жмых, чтобы подкормить родных. Иногда удавалось за день сделать две ходки и принести домой не менее 10 кг.

Грызли мы добычу с удовольствием, к тому же жмых был очень сытным. Иногда уходили из дома для поездки на станцию Поворино, где был большой привокзальный базар и всегда стояло много поездов с военной техникой, солдатами и продуктами питания. Нашей целью было последнее. Очень часто военные угощали нас кашей и хлебом, иногда попадался бекон из американских наборов. В счастливые дни нам попадался большой улов – целый набор, который содержал 8-10 кг продуктов. Мы оба в то время курили.

Курили всё, что доставали, – «Ракету», которую называли «туберкулёзные палочки», курили махорку, «Север». Так текла наша жизнь в эвакуации. А после поражения немцев в Сталинград стали прибывать составы с иностранной, в основном американской военной техникой.

Однажды, когда мы купались в пруде, услышали вдали веселый женский говор. Быстро оделись и берегом пошли на звук. В какой-то момент перед нами предстала картина с полностью обнаженными молодыми женщинами. Это было завораживающе красиво. До конца 1943 года мы скрытно посещали это место, пока нас не засек военный в чине старшины. Он долго и строго стыдил нас, сообщив, что это женская воинская часть.

Мы решили навести мосты с военными, другими словами, наладить отношения. Рассказали, кто мы, где живём и чем занимаемся. Служивые отнеслись к нам дружелюбно, почти по-семейному, и пригласили периодически приходить в гости. Съедобные угощения мы частично тащили домой. В наших мальчишеских сердцах возникло желание быть полезными этим людям, и я попросил у них топор и пилу, чтобы заготавливать дрова для их нужд. Выполняя эту работу, мы получали еду, иногда по два раза в день.

Мы познакомились с Костей-поваром, старшиной Павлом Тихоновичем Гребневым, познакомились с зам. командира роты Марией Ивановной Шуваловой, тем не менее нас не впускали на территорию воинской части. В то же время мы обратили внимание на то, что все они свободно общаются на немецком языке. Поначалу мы от этого смущались и даже чего-то, наверное,

инстинктивно боялись, однако привыкли и в ходе общения страх прошёл. Иногда нам говорили, что завтра приходить не надо. Это были дни, когда наезжала инспекция с проверками. Все время нас не оставляло желание попасть внутрь территории части. В июле–августе 1944 года мы обратили внимание на то, что многих наших знакомых не видно, и в женском воинском подразделении появились новые лица.

Пришла зима, мы с другом пошли кататься на коньках, когда лед был ещё слабым, и оба провалились в ледяную воду, после чего слегли с воспалением легких. Мне удалось выжить, а друга моего не стало. Я долго ревел от горя, а когда пришёл к моим взрослым друзьям-военным, меня пожалели и, чтобы утешить, повели в часть.

На территории нам повстречался незнакомый мне офицер, как оказалось в дальнейшем, он был командиром роты, скромным и образованным. Этот строгий, неразговорчивый русский человек носил знак выпускника академии и орден Красного Знамени. Шувалова рассказала ему мою историю, и он обещал подумать и решить, как быть со мной в дальнейшем. Через месяц я уже свободно проходил в часть. Было там порядка пятидесяти женщин-связисток, морзисты, старшина, повар, техник по машинам, 13 машин и командир. Все машины были американскими. Моим штатным местом была кухня и машина с прицепом. Иногда меня привлекали мотать катушки, некоторые из них были непосильно тяжёлыми, но я справлялся.

Часто я ходил домой, приносил еду. Мама не возражала против моей «службы». Верхнюю одежду я поменял на солдатскую форму, которую мама подогнала мне по росту. Так было до декабря 1944 года. А в середине декабря старший лейтенант Шувалова сказала, что рота передислоцируется и спросила, хочу ли я вместе с ними поехать за пределы СССР, другими словами, на фронт. Я, не раздумывая, с радостью сказал «да!» и побежал к маме. Она плакала, а я, успокаивая ее, обещал скоро вернуться.

23 декабря часть снялась с точки, а 29-го мы уже были под Гродно. Германия была уже близко, а в январе мы уже стояли под г. Ольштын, на польской территории. Там мы встретили 1945 год, а в феврале были уже под Кенигсбергом (впоследствии Калининград).

Пятого мая 1945 г. пошли разговоры о полной победе над фашистской Германией и скором подписании договора о капитуляции.

Пятнадцатого мая по согласованию с командиром меня отправили домой к родным. Меня и ещё трёх солдаток на вокзал вёз старшина. Перед посадкой на поезд он полез в сумку и вручил мне в подарок ракетницу, из которой мне ранее очень нравилось стрелять, их в части было очень много. Мы тепло попрощались. Я очень уважал старшину, может это было нечто даже большее.

26 мая 1945 года я приехал в Житомир. Наш дом был занят конторой Сахартреста, а от нашей мебели ничего не осталось. Узнав, что отца послали работать в г. Бердичев на завод по производству кожи, я поехал туда. Наконец вся семья собралась вместе. Вот это была радость! Теперь в двухкомнатной квартире нас оказалось шестеро. Хотя отец работал главным бухгалтером завода, семья жила очень скудно. Я осмотрелся и пошёл подрабатывать в заводском кинотеатре – продавал в буфете пирожки, а вечером продавал папиросы. Так прошли два месяца, пока меня не погнали с работы, как малолетку.

Я был этим взбешён. Взяв ракетницу, залёг в огороде против холстяной афиши, висевшей на стене кинотеатра, и пальнул в неё. Афиша вспыхнула мгновенно и сгорела дотла. Так я рассчитался за несправедливость и вернулся домой. По причине скитаний я отстал в учебе, поэтому пошёл в школу рабочей молодёжи.

В Бердичеве мы прожили до марта 1946 года, после чего вернулись в Житомир, где в старом доме нам дали полуподвальные две комнаты.

Как-то в апреле 1991 г. мой сын и невестка сообщили о своем решении репатриироваться в Израиль. Ранее мы эту тему никогда в семье не обсуждали. А тут вопрос в лоб: «Вы с нами или...». И мы решили ехать. Не оставаться же одним без детей и внуков. Тем более, что моя мама перед смертью три года назад сказала на идиш: «Дети мои, в будущем постарайтесь уехать в Иерусалим, там есть могила моего деда, Файгенбойма Иосифа. Он был святым, уехал в Иерусалим в 1908 году и больше мы не виделись, он нам писал, но мы, боясь советской власти, не отвечали».

Яков Либерман⁵

До прихода немцев моя семья проживала в г. Ростов-на-Дону, на улице Пушкинской, 71/16. Моя мать с двумя детьми и ее сестра, Пергамент Р.И., с сыном жили вместе в одной квартире. Мама работала оптиком при аптеке. Неожиданно 21 ноября 1941 г. наши сдали Ростов без боя. Мы не успели уехать и вынужденно остались на оккупированной территории.

Немцы с музыкой прошли по Буденновскому проспекту, рядом с нашим домом, а чуть позже, также рядом с нашим домом, в здание райисполкома заселился большой фашистский чин. Детсья нам было некуда, поэтому скрывались мы в погребе и на чердаке. Кроме того, наша семья прятала у себя солдат, которых призвали в армию, но не успели выдать оружие. Всю мужскую одежду, что была у нас, отдали им, чтобы переоделись.

В дом дважды приводили немцев, чтобы сдать нас, но мы не обнаруживались. После войны моя мать сообщила в КГБ фамилии предателей, которые пытались выдать нас под расстрел.

В первый раз, когда привели соседи к нам фашистов, это был второй день оккупации Ростова-на-Дону. Мы жили на первом этаже четырёхэтажного дома, и соседи с верхних этажей, прятались у нас от бомбежки.

Одним из тех, кто у нас прятался, был мальчик, который знал немецкий язык. Когда соседка привела эсэсовцев к нам в квартиру, «где живут жидаы», спас нас случай, что мальчик на немецком сказал, что здесь нет евреев, и пока он отвлекал их, мы смогли убежать через черный ход.

Второй раз мы уже прятались в сарае нашего дома. В сарае было много всякого хлама (ненужных вещей) и большая доска, оббитая металлическим листом, на которой была нарисована реклама

5 Яков Либерман родился в 1937 г. в г. Ростов-на-Дону, где проживал с родителями до эвакуации. Место эвакуации: г. Фрунзе. В Израиле с 1994 г. Записано автором воспоминаний в Иерусалиме в 2015 и 2020 гг. по рассказам матери.

«Ремонт часов». Ее хранил мой дед – часовой мастер, ожидая, когда он снова сможет открыть частную часовую мастерскую. Мы прятались все за этой доской и кучей ненужных вещей.

Туда к нам второй раз привели фашистов. Они взломали дверь сарая. Мы сидели тихо. Фашисты стреляли из автоматов по всему сараю, и нас спасла эта дедушкина доска. Так нас не смогли убить во второй раз. Случай или еврейское счастье?

Мы не регистрировались и не надели желтые звезды на синем фоне, как было предписано новыми властями всем евреям города.

В подвале, где был наш сарай, была вода и туалет. Еды мы никакой не нашли. Мы голодали, но пили воду. Хорошо, что первая оккупация длилась только 9 дней. Но для нас это была вечность.

Мы никому не верили, скрывались и выжили! После освобождения Ростова от немцев 29.11.1941 мы еще какое-то время оставались в городе. Но, узнав, что немцы опять наступают, мы в феврале 1942 г. решили бежать без вещей на восток, направляясь в г. Фрунзе.

Наши родители организовали машину, но комендант Ростова не разрешал выезжать, пока не отработаю сколько-то часов на рытье окопов. Водитель посоветовал сшить из простыней тент с большим красным крестом. Так вот потом бомба попадет точно в этот крест.

Во время того, как мы бежали, не было ни одного светлого дня – голод, холод и никакой помощи ни от кого. Следующее бегство было из Ростова на открытой грузовой полуторке, битком набитой людьми. Когда началась бомбежка с воздуха, водитель остановил машину, и все быстро выпрыгнули и отбежали насколько могли. Пока мы прятались в кювете, машину прямым попаданием накрыла бомба. От машины ничего не осталось. И все, что у нас было с собой, пропало, включая документы.

До Фрунзе добирались мы очень долго и тяжело... В г. Фрунзе мы снимали сарай с глиняным полом, покрытым соломой, и за это платили большие деньги. Никто не встречал нас хлебом с солью.

Не имея ни денег, ни документов, мы сильно голодали... В столице Киргизии мы прожили до марта 1943 года.

Вернулись в Ростов-на-Дону мы в марте 1943 г. В Ростове квартира наша была занята. Долго судились и получили часть квартиры. И опять голодали. Помню день победы. Ни один мужчина из нашей семьи не вернулся после войны.

После войны долго учился, много работал и дошел до генерального директора ААО «Стройиндустрия».

Анна Лобачевская⁶

Жили мы в Украине в г. Запорожье. Когда началась война, мне было почти 4 года. Отца сразу призвали в армию, а город вскоре стал прифронтовой зоной, т.к. фашисты, захватив остров Хортица, оттуда прямой наводкой обстреливали город и железнодорожную станцию. В городе создалось тяжелое положение: не стало воды и света. И началась эвакуация оборудования заводов.

Мама в это время замещала директора школы. На ней была вся материальная часть школы и дети, у которых не было родителей, поэтому бросить их и уехать она не могла. В городском отделе образования говорили, что война скоро завершится и до Запорожья не дойдет. Но очень быстро стало ясно, что это не так.

Когда для мамы стало возможным уехать, уже всё, что можно, в основном было эвакуировано, и из города уходил последний эшелон. Поэтому с большим трудом удалось на него попасть.

На станции Передаточная нас первый раз бомбили. Впоследствии это повторилось еще несколько раз. Когда эшелон загорелся и пламя охватило весь состав, все побежали к лесопосадке. Вернувшись после налета, мы увидели страшную картину. На земле много трупов. На фоне догоравших вагонов кругом бежали раненые и обгоревшие люди. Все кричали. Матери звали своих детей, а дети матерей. Я очень испугалась и потеряла дар речи. В результате не разговаривала до пяти лет. Этот эпизод остался в моем детском сознании на всю жизнь и до сих пор часто мне снится. Мы к тому же остались без вещей и документов. Выжившие собрались в отряд, после чего двинулись на Восток.

Несколько дней канонада слышалась позади, а потом вдруг стала слышна впереди и вскоре все стихло. Стало ясно, что мы оказались на оккупированной территории. Шли только ночами по бездорожью, по пахотной земле, а днем прятались. Иногда заходили в села, где перепадало немного скромной еды. Скоро в селах

⁶ Анна Лобачевская родилась в Запорожье в 1937, где проживала с родителями до эвакуации. Место эвакуации: г. Первоуральск, Свердловской области. В Израиле с 2000 г. Записано автором воспоминаний в 2015 году в г. Арад.

начали появляться немецкие солдаты, из-за чего стало опасно в них заходить.

В конце августа ночи были холодные, пошли дожди, а тут еще и одежда начала рваться. В сентябре я сильно заболела и ночью, проходя мимо села, мама решилась тайком в него пробраться, так, чтобы никто не видел. Приютила нас женщина, у которой было двое своих детей чуть старше меня, а муж был на фронте. Днем мы прятались в погребе и выходили только ночью.

Так мы прожили больше двух месяцев, т.к. немцев в селе не было. Однажды в дом неожиданно зашел староста, которому хозяйка объяснила, что мы ее родственники. Узнав, что мама учительница немецкого языка, он взял ее на работу в комендатуру. Здесь маме тайно удалось сделать себе новые документы. Мама не была похожа на еврейку, свободно говорила на украинском языке, а я была немая. Так мы и жили. Однажды приехал карательный отряд. Согнали всех жителей на площадь, где казнили двоих людей, сказав, что это партизаны. После этого всех закрыли в сарае и не давали еды – только воду. Через несколько дней нас освободили партизаны, и мы ушли вместе с ними.

В отряде мы продержались несколько месяцев. Нашей обязанностью было собирать продукты в окрестных селениях, и когда в очередной раз мы вошли в село, нас захватили немцы. Они закрыли маму и меня в коровнике, обнесенном колючей проволокой. Там было много солдат и жителей ближайших сел. Еду и воду давали редко, но не препятствовали, когда дети из села приносили нам что-нибудь поесть. В этом загоне мы находились довольно долго, одних привозили, других увозили. Охрана была с собаками.

На всю жизнь мне запомнился огромный пес больше меня ростом. Мы часто смотрели друг на друга, но собака на меня не лаяла. Хозяин ее тоже обратил внимание на немую девочку, которая подолгу стояла возле забора и ждала, чтобы кто-нибудь дал еду. Узнав, что я немая, охранник стал жалеть меня (у него тоже были дети) и иногда даже угощал чем-нибудь съестным. Однажды он всунул мне записку, из которой мы узнали, что нас всех должны расстрелять. Ночью, когда все бросились бежать, он нам помог.

Мы долго бродили по лесу, пока не оказались вновь в партизанском отряде, в котором прожили до конца января 1942 года. Это были леса Харьковской области. На действия партизан немцы отвечали карательными облавами в лесу, и партизаны в боях несли потери. Стало ясно, что оставаться в этом районе больше нельзя. Людей разбили на немногочисленные группы, и все стали выходить из леса.

Нашей группе удалось перейти линию фронта и попасть к своим. Маму допросили. У меня же была высокая температура, началось воспаление легких. После осмотра врача, на попутной машине вместе с ранеными меня отправили в госпиталь. Пока я проходила лечение, мама работала в госпитале. Там она узнала, что ее брат учится в летном училище, а родители эвакуировались вместе с Трубным заводом в г. Первоуральск, Свердловской области, поэтому мы направились туда же. Так мама нашла всех родных и мы (три семьи) стали жить вместе в двухкомнатной квартире. Нам с мамой досталась кухня. Мама скрыла, что мы были более шести месяцев на оккупированной территории, и ей выдали заново документы.

Я же так сильно заболела, что врачи считали – не выживу. Но мне повезло, и после двух с половиной месяцев лечения в больнице я чудом выздоровела.

В феврале 1944 года был освобожден Никополь, а в начале января – Запорожье.

Многие стали возвращаться домой, и мы тоже поехали в Запорожье. Город представлял собой сплошные руины. В наш дом попала бомба и вместо дома была одна большая воронка.

Поэтому мы вернулись в Никополь к родителям мамы. Мама и ее сестра пошли работать в школу учителями. К этому времени я заговорила, и мне было строго приказано забыть обо всех приключениях на оккупированной территории и ничего никому не рассказывать. За всю жизнь мама дважды пыталась все рассказать, но это кончалось больницей. Первый раз она рассказала о перенесенном своей маме, я была еще маленькой. Второй раз – перед смертью. Умерла мама в 1985 году. Мы всегда писали

и говорили, что на оккупированной территории не были, иначе мама могла лишиться работы, а может быть и хуже.

А потом начались тяжелые годы голода.⁷ Ели траву, клевер, конский щавель, крапиву, цветы белой акации, а если находили куст паслена – это был праздник.

С пасленом пекли пирожки и варили вареники. Еще мы ели макуху – это отходы при выдавливании масла из семечек подсолнуха. Все это осталось в моей детской памяти. Игрушек я не знала, зато хорошо помню степь, куда мы, дети, с мешками ходили за несколько километров, чтобы раздобыть что-то съестное. Долгие годы эти события часто мне снились и сейчас порой всплывают. Так прошли страшные годы детства.

В 1946 году я пошла в первый класс, где давали бесплатные обеды (очень вкусные).

В Никополе я проработала сорок один год, а в марте 2000-го приехала в Израиль в г. Арад, где по сей день занимаюсь общественной деятельностью.

Виктор Розензафт⁸

Самый близкий мне человек МАМА. Моё тяжелое детство в эвакуации было крепко окутано её заботой и лаской, самопожертвованием и самоотверженностью.

*Еды чуть-чуть в семейной чашке,
Ведь жизнь тяжёлая была.
Но вспоминается всё чаще
Её простая доброта.
Война и смерть. И пайка хлеба.
Ты ломтик бережно берёшь
И хворой тётенке несёшь.
С сестрой у нас пустое брюхо.
– Тебя никак мы не поймём.
– Она одна, – внушает глухо, –
А мы семьёй не пропадём.*

Я родился в Полтаве в 1937 г. Это год повального уничтожения хозяйственных, политических и военных деятелей – противников сближения с Германией: Тухачевского, Якира, Уборевича, Корка, Эйдемана, Фельдмана, Путны, Примакова, командармов и комкомров и тысяч других военачальников, политработников и иных антифашистов. Моему отцу повезло, до него дело не дошло.

19 сентября 1941 года советские войска сдали Полтаву и покинули Киев. Лишь с 11 сентября начался спешный отход войск и населения из этих городов. Дороги были забиты отступающими, эвакуируемыми, беженцами. Вермахт и их десантники убивали и уничтожали всё на своём пути, создавая пробки и срывая отход и эвакуацию. Сентябрьское туманное, промозглое утро. Мама и бабушка в спешке что-то складывают в чемодан. Мама умоляет бабушку уйти с нами, а та не хочет.

8 Виктор Розензафт родился в Полтаве в 1937, где проживал с родителями до войны. Место эвакуации: г. Уральск (сейчас Орал, Казахстан). В Израиле с 1992 г. Записано автором в 2015 в Беэр-Шеве.

Наконец мы на железнодорожном вокзале. Масса людей. Сидят, стоят, снуют. Ничего не понимаю. Слышу: «Война... Котёл... Оставили... Убивают...». Подходят эшелоны. Вижу покалеченных и раненых, что-то накрыто брезентом. К вагонам не подпускают. Слышу вой. Узнаю новые слова: «сирена и бомбёжка». Приказ прятаться. Слышен нарастающий свист и рёв. Потом: «Бух! Бах! Бам! Бум!» В подвале, где находимся, трясётся пол. Затихло. Вышли. Не понимаю, почему всё изменилось. Горят вагоны, бегут люди. Кто вырыл ямы?

Наступает ночь. Холодно и голодно. Ходят военные, требуют документы. Кого-то куда-то уводят. Где-то стреляют. Слышу: «Шпионы, враг, фрицы...». Страшно. Дождь. Темень. Ветер. Тучи.

Вдруг все вскочили и бросились к вагонам. Бабушка и я держимся за маму. А на руках у неё дочь в возрасте год и три месяца. Подошёл один из последних сформированных эшелонов. Что здесь творилось! Крики и драки, кто-то падал в толпе. А в нашей маленькой компании кто-то родился под счастливой звездой, потому что находившийся рядом офицер силой протиснул нас к ступенькам вагона. Маму и бабушку толпа занесла внутрь, а я остался. Чудом выбрался из толпы и услышал мамины крики. Кто-то сильный и находчивый поднял меня на руки и передал в окно отходящего поезда. В вагоне, также поверху передавали меня из рук в руки, пока я не предстал перед мамой. Окружающие её успокаивали и что-то давали ей пить, а я не понимал причину её рыданий.

В вагоне не было ни туалета, ни воды. В пути нас неоднократно бомбили и обстреливали. Вскоре в вагоне появились умершие. Их некогда было хоронить. Помню запах разлагающихся трупов, горевшего человеческого тела, смрада и чада горящих строений и вагонов. Слышу крики, мольбу и стоны раненых и изувеченных. Вижу мёртвых мам и плачущих возле них детей, мам с трупиками на руках или у груди...

В памяти различные бомбоубежища, штурмы нашего вагона беженцами, поиск еды и воды. Слышал: «Москва закрыта. Едем в Среднюю Азию». Прибыли в Казахстан. Направили в аул, в

десятках километров от города Уральск. Подселили в дом сразу две семьи.

Зима выдалась суровая. Мне приходилось вылезать через дымоход на крышу, прыгать в снег и на ощупь у стены пробивать путь к наружной двери и разгребать сугробы, чтобы взрослые могли выйти из дому. Во время бурана, пурги или выюги включали сирену для путников.

Однажды и наш обоз попал в такую непогоду. Лошадей распрягли. Мы легли внутри круга, образованного животными. Завыли волки, а может быть, шакалы. Разожгли поленья. Хищники медленно приближались. Взрослые стреляли из двух берданок и бросали в них горящие головешки. Лошади лягались. Утром возвратились в аул. Обморозил ноги. Вскоре маму перевели на работу в Уральск.

Я переболел цингой, малярией, воспалением лёгких. Заболел рахитом. Был постоянно голоден.

Однажды, согревая ноги, встал на тёмные угли. В результате ожог. Помню, нашёл металлический предмет с красивой этикеткой. Пытался его разбить. Прохожий отвёл меня то ли в комендатуру, то ли в отделение милиции. Здесь впервые пил чай с сахаром. Вечером мама забрала меня и отвела в нашу сырую холодную комнату.

Зимой 1943 г. в очереди за хлебом, которую занимали с вечера предшествующего дня, у меня выкрали хлебную недельную карточку всей семьи. Низкий поклон маминым сотрудникам, которые давали маме по несколько граммов хлеба! До сих пор помню его вкус с клейким веществом и наполнителем, наподобие древесины. А вкус жмыха (макухи) с хрустом песка на зубах и кожуры от семечек подсолнуха – сплошное наслаждение. Запечённые же очистки картофеля – просто цимес! С приходом весны на нашем столе стал появляться суп, который мама варила из крапивы.

... Зима 1944 г. Умерла бабушка. Играя с сестренкой, прятались под простыней, которой она была укрыта, думали спит. А мама была на работе. Хоронили бабушку по еврейскому обычаю. В

этом же году после того, как папа приезжал в командировку, мама с тремя детьми возвратилась в Полтаву. Наш дом был сожжён. Так началась новая жизнь на освобождённой земле.

Да будет благословенна память тех, кто защитил наше поколение от уничтожения, жертвуя собой, и тех, кто, трудясь для победы, сберёг нас в тылу от смерти.

Семён Верновский⁹

«Человек, оставивший место своего жительства вследствие какого-нибудь бедствия» – такое определение дают толковые словари русского языка слову «беженец». В семантике слова «беженцы» звучит мотив осиротелости, поскольку человеку приходится под давлением зловещих, беспощадно жестоких сил, покинуть дом родной и ринуться в горькую неизвестность. Но бедствие, которое внезапно свалилось на Советский Союз, не имело аналогов. Фашистская орда, вооружённая до зубов, разбойная и беспощадная, отбросила прочь даже самые жестокие представления о войнах.

Фашисты, объявив «Блицкриг», ударным маршем и широким фронтом шли по стране, захватывая земли, города и веси, продвигаясь вперед с невероятной скоростью. Поэтому беженство из западных районов СССР в первые дни войны в большинстве своем было неорганизованным, поспешным. Бежало не только гражданское население, солдаты тоже, неся потери, уходили на Восток.

Как выглядели дороги, по которым передвигались беженцы в начале войны на Могилёвской и Смоленской земле, как бежали и гибли взрослые и дети, в том числе и мои ровесники нашло отражение в стихотворении К. Симонова:

*А те, что при дороге самой,
Вдруг так похожи на детей,
Что, не поверив в смерть, упрямо
Все хочется спросить: «Ты чей?»
Как будто их тут не убили,
А ехали из дома в дом
И уронили, и забыли
С дороги подобрать потом.*

⁹ Семён Верновский родился в 1927 в колхозе «Ленин вег», Крым, где проживал до эвакуации. Места эвакуации: Баку, Павлодар, Иртышск (ныне Ертис, Павлодарская обл., Казахстан). Записано автором воспоминаний в 2015 в г. Нацрат-Иллит (Ноф ха-Галиль). Автор ушел из жизни в 2018 г.

Я родился в Крыму, в степной его части, в еврейском колхозе, который назывался на идиш «Ленин вег» («Путь Ленина»). Наша деревня Аранда располагалась между городами Джанкой и Феодосия. Кстати, в Крыму было немало еврейских колхозов. Это были лучшие хозяйства Крыма: евреи зарекомендовали себя как очень умелые земледельцы.

Наша семья состояла из пяти человек: отец, мама и три сына. Я был средний. Старший, Исаак, 1922 г., был призван в 1940 г. на действительную службу в Красную Армию. Отец был мобилизован в Армию в начале войны. К концу лета 1941 г., когда немцы перекрыли Перекоп, выбраться из Крыма можно было только через Керченский пролив. Немцы наступали. И в сентябре 1941 г. было принято решение, что жители деревни должны оставить свои хозяйства и двигаться в Керчь.

На несколько семей давали пароконную телегу, на которую можно было положить несколько узлов с самым необходимым, включая продукты питания. Кроме того, было указано свыше забрать с собой весь колхозный скот и гнать его на Керчь. И где-то в середине сентября обоз, погоняемый в основном пацанами (мне было 13 лет), двинулся на Керчь. На четвёртый день пути хлынул холодный осенний степной дождь, ставший причиной очень тяжёлых для беженцев последствий. Одна телега с двумя многодетными семьями повернула назад в деревню в свои дома, где они и были зверски убиты немцами, а детей их побросали в заброшенный колодец за деревней. А наш обоз со скотом и беженцами, похоронив по пути четырёх человек, через две недели прибыл в Керчь.

Через Керченский пролив нас переправили на Таманский берег. И это (как оказалось позже) было только предисловием. Дальше с Таманского берега, добравшись до станции Крымская, Краснодарского края, мы погрузились в теплушки и добрались до узловой станции Невинномысская, Ставропольского края. Город Невинномысск расположен на берегу реки Кубань, а на другом берегу (через мост) располагалась большая станица Рождественская. Вот в этой станице нас и поселили, как говорится, в тесноте, да не в обиде. Мы, колхозники, сразу включились в полевые работы.

Самолёты здесь пролетали довольно часто, и мы в очередной раз не обратили внимания на летящую группу самолётов. И вдруг возле нас взорвались земля и небо, и всё вокруг. Бомбёжка Невинномысской ж. д. станции и самого города не прекращалась ни на минуту. Подлетали всё новые самолёты и шли по кругу, выбрасывая десятки, сотни бомб. Осколки свистели и в нашей станции Рождественской, выбивая стёкла, прошивая крыши домов.

На станции Невинномысской погибли 8 человек из нашей деревни. Всё было разгромлено и уничтожено так, что не нашли даже останков этих людей. А рано утром на следующий день мы оставляли наше пристанище, проклиная фашистов и чувствуя, как дамоклов меч вновь нависает над нашими головами. И опять беженство, и вновь (как это уже было) – пароконная бричка на несколько семей, и опять гоним скот, но теперь уже по Кавказской земле. Путь на Махачкалу.

Не стану описывать тяготы пути и говорить о жертвах этого похода. Измученные, с неисчезающим чувством голода (которое станет надолго нашим спутником) мы достигли Махачкалы, и через несколько дней нас отправили в Баку, где высадили на асфальт 26-й пристани, сплошь усеянной узлами и людьми. Здесь, под открытым небом, жарким солнцем днём и весьма прохладными ночами мы провели месяц, ожидая отправки через Каспий на Красноводск.

Через месяц к 26-й пристани подошёл громадный танкер «ВКП(б)», и всех, почти 9 тысяч человек, посадили на палубу, которая по штатному была приспособлена только для команды танкера. У нескольких туалетов и за питьевой водой сразу же выстроились огромные очереди. Многих трясла малярийная лихорадка, которая свирепствовала в Баку. Мой младший брат, измученный лихорадкой, жёлтый от хинина (лекарство от малярии), слабый от трясушки и недоедания не мог встать на ноги. Но он выжил. Тех, кто во время плавания на палубе танкера умирал, а таких, к сожалению, было немало, бросали за борт. И вот мы, наконец, в обезвоженном Красноводске. На станции нас погрузили (точнее, запихали) в товарные вагоны, которые стали для нас домом почти на целый месяц. Это жильё было своего рода испытанием (ещё

одним) на прочность. Наш товарный состав шёл вне графика – где, когда и на сколько он остановится, никто не знал.

Иногда он останавливался у поля, где после жатвы сено и солома были уложены в копны. И тогда всё взрослое население вагонов, дабы опорожниться, бросалось в поле под копны, на ходу растёгивая брюки или юбки. Не оставалось свободным ни одного кустика. Когда состав внезапно начинал движение, все выскакивали из укрытий, на ходу натягивая штаны и бегом настигая движущийся состав.

А иногда он стоял долго, и тогда даже пытались разжечь костёр, чтобы сварить какую-нибудь баланду. На станциях бросались за кипятком, а также к бабкам, чтобы по возможности пожить-ся чем-то съестным в обмен на какую-нибудь вещь. Чтобы подкормиться, покупали жмых, который был очень популярен. В теплушках царили теснота, завшивленность и постоянная вонь от горшков, на которых периодически восседал кто-либо из малышей.

Нас привезли в Павлодар, на реке Иртыш, а из Павлодара отправили на пароходике вниз по Иртышу в сторону города Омска и высадили в посёлке на берегу реки. Посёлок так и назывался Иртышск. Здесь нам предстояло жить. Это была ядрёная Сибирь, и это были последние месяцы 1942 года. Жизнь в Иртышске была для нас нелёгкой: было холодно и голодно. Аборигены называли нас «выковырованными» – так они произносили слово «эвакуированные», но в этом искажении заключался определённый смысл. Да, нас сковырнули из родных мест, и с тех пор мы стали жертвами Холокоста, скитальцами, беженцами, эвакуированными.

Кошмар для нас, беженцев Второй мировой войны, всегда будет сопровождать нашу жизнь как страшный сон, как чудовищное видение, как горькая память о погибших и уничтоженных в этой страшной и беспощадной человекодробилке. Здесь, в Израиле, беженцев ВОВ остаётся всё меньше и меньше – они каждый день «уходят» в мир иной.

И в заключение не могу не вспомнить строчки из стихотворения К. Симонова, фронтовика, шедшего по дорогам войны и беженства.

Майор привёз мальчишку на лафете.
Погибла мать. Сын не простился с ней.
За десять лет на том и этом свете
Ему зачтутся эти десять дней.

Отец был ранен, и разбита пушка
Привязанный к щиту, чтоб не упал.
Прижав к груди заснувшую игрушку,
Седой мальчишка на лафете спал.

Ты это горе знаешь понаслышке,
А нам оно оборвало сердца.
Кто раз увидел этого мальчишку,
Домой прийти не сможет до конца.

Я должен видеть теми же глазами,
Которыми я плакал там, в пыли,
Как тот мальчишка возвратится с нами
И поцелует горсть своей земли.

Михаил Винер¹⁰

Наша семья жила на станции Долгинцево, Криворожского района, Днепропетровской области. Мой отец, Винер Исаак Наумович, 1886 г. рождения, работал директором конторы Заготзерно; мать, Винер Миндель Гершковна, 1889 г. рождения, была домохозяйкой. Сестра и брат в первые дни войны были призваны в армию и отправлены на фронт. (Брат погиб под Сталинградом).

С приближением немцев началось и наше беженство по принципу «Спасайся, кто как может». Мы с трудом пробились на открытую платформу товарного состава, когда немцы были уже в 20 км от нас. На подходе к Запорожью наш состав разбомбили. И уже пешком, без еды, без жалкого скарба, который по началу у нас был с собой, мы добрались до ближайшей железнодорожной станции.

И вновь товарняк, и вновь открытая платформа, непогода, сопровождающаяся осадками, от которых не спрятаться, и голод. Ужасный голод. Так было до самого Ростова и следующей станции Ея, Краснодарского края, где мы остались работать в колхозе, так как считали, что немцы далеко и сюда не дойдут. Работали с отцом подсобными рабочими на комбайне, убирали урожай. Работали за еду и кров. И эта жизнь нам казалась раем. Однако наши надежды, что фронт не дойдет до этих земель, не оправдались.

Немецкие войска продвигались все глубже и глубже, и нам пришлось бежать дальше. И снова пешком 25 км до станции Ея, да еще и под насмешки местных казаков. Опять нелегальная посадка в товарняк, который двигался в направлении Сталинграда, опять бомбёжка в пути и все дорожные мытарства. И вот мы в Сталинграде, на сей раз в речном порту. Продукты, которые нам дали в колхозе, закончились. Опять голод. Нам удалось

¹⁰ Михаил Винер Родился в 1925 в поселке Бухарино (ныне Долгинцево, район г. Кривого Рога, Украина), где и проживал до войны. Места эвакуации: г. Наманган, Узбекистан. В Израиле с 1993 г. Записано автором воспоминаний в 2015 году в г. Пардес-Хана. Автор ушел из жизни в 2018 г.

уговорить капитана баржи, перевозившей соль, взять нас с собой. Спасибо команде баржи, которая нас подкармливала в пути.

Так мы добрались до г. Ангельс, оттуда из речного порта до железнодорожной станции и дальше в Узбекистан. В попытках раздобыть еду по дороге выскакивали на станциях, рискуя отстать от поезда. Мир, как оказалось, действительно не без добрых людей, с голоду не умерли. И вот мы в Намангане (Узбекистан).

Нас отправили в ближайший колхоз, где поселили на кладбище в помещении, предназначенном для культовых обрядов – в глиняной кибитке из трех стен с окнами, но без стёкол и без освещения. А на улице январь, мороз, снег. Чтобы получить скудную еду, нам приходилось собирать на хлопковом поле курак – нераскрытые коробочки хлопка, а они в это время года были замёрзшие. Мы собирали курак в мешки, приносили в кибитку, разжигали костёр, курак оттаивал, и при свете костра мы до утра раскрывали коробочки, доставали оттуда хлопок и относили в колхоз, расположенный в двух километрах от нас. За это нам давали лепёшки и молоко. Так мы жили и работали, пока не собрали весь курак. Не стало работы, не стало продуктов. Мы перебрались в г. Наманган, где отец и я устроились на работу грузчиками в Заготзерно. Теперь у нас были хлебные карточки и по 60 рублей в месяц зарплата. Снимали комнату в бараке, на лучшее у нас не было денег, да мы и этому были рады. К сожалению, работа была временной. Срок закончился и до свидания. А на самом деле, прощай!

С трудом добрались до Соль-Илецка, Чкаловской области, нашли там работу на элеваторе: отец заведующим складом, я весовщиком. В феврале 1943 года меня досрочно, в возрасте 17 лет, мобилизуют в армию и направляют в Рижское пехотное училище, которое находилось в Стерлитамаке.

Итак, для меня эвакуация закончилась, началась военная служба. В конце июня 1943 г. весь состав курсантов отправляют на Курскую дугу. С тяжёлыми боями, через Беларусь, дошёл до Кенигсберга. Дважды ранен. Награждён орденами Красной звезды, Отечественной войны I степени; медалями «За отвагу», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией». По окончании

войны признан инвалидом войны II группы. Было мне всего 20 лет.

После демобилизации закончил вечернюю школу и Всесоюзный заочный юридический институт. До репатриации проработал тридцать лет начальником юридического отдела Харьковского завода «Электротяжмаш».

В марте 1993 года репатриировался с семьёй в Израиль. Проживаю в г. Пардес-Хана.

Исаак Заславский¹¹

Начало моего повествования о моём детстве, начиная с самого рождения и до 3-4-летнего возраста, – это, конечно, как и у всех, кто пытается описать этот период жизни, то есть её начало, первые шаги и первые зацепки памяти, можно назвать «воспоминаниями о воспоминаниях».

Пишу эти строки, когда мне 75. Родился я в городе Херсон 9-го сентября 1940 года, то есть примерно за 9 месяцев до начала Великой Отечественной войны. Мои родители, евреи, были простыми людьми. Папа родился в 1902 году в селе Ольшаны, Киевской губернии, в семье сельских тружеников. Маму его звали Тойба, а папу Аба. Моя мама родилась в 1909 году в г. Володарск-Волынский, ей дали имя Хана-Малка Липовна. Её папу звали Липа, он работал печатником. А маму звали Бруха (наверное, точнее – Броха). Моя бабушка Бруха не работала. Она растила четырёх детей – Якова, Исаака, Малку и Клару.

Родители познакомились, когда жили, как они говорили, «на переселении». В 1930 году мама с папой поженились, а в 1931 году у них родился первенец – сын Абрашенька, впоследствии учёный-металлург, профессор, марафонец. Ему так и написали в метрике – Заславский Абраша Янкелевич, так как отца по-еврейски звали Янкль. Ох и намучился с этим именем в школьные годы, да и в годы зрелости мой самый старший брат. Я помню, что в годы моей жизни в России имена Абрам, Сара, Исаак и т.п. резали слух некоторым Иванам и Степанам, да так, что Абрам, закончивший в сорок восьмом году среднюю школу (в Челябинске), не хотел даже идти на выпускной вечер, на котором вручали аттестат зрелости, лишь бы не услышать в этот торжественный день насмешки в свой адрес.

.....

¹¹ Исаак Заславский родился в 1940 в Херсоне, где и находился до войны. Место эвакуации: Челябинск. В Израиле с 1990 г. Рассказ записан автором воспоминаний в 2015 г. в г. Кацрин, базируется на семейных воспоминаниях.

Каким образом мои родители оказались в Херсоне, я не помню, хотя они, конечно же, рассказывали. В 1939-м году, когда началась так называемая «финская кампания», папу призвали в армию, откуда он довольно скоро вернулся, потому что был ранен в ногу, была задета кость, и его комиссовали. Оправившись от ранения, он устроился на работу грузчиком в порту. Выражение «спина грузчика» ему здорово подходило. Он так и остался у меня в памяти с очень круглой спиной. (И таким и умер в 1981 году в Челябинске). Закончив к лету 41-го курсы трактористов, он искал работу, но началась война, и планы изменились.

Уже тогда, в первые месяцы войны, многие знали, что немцы никого не щадят, а об их отношении к евреям было известно ещё с 1933 года.

Отец твёрдо решил, что надо спасать семью и ехать на Восток – в Сибирь или Среднюю Азию, всё равно куда, лишь бы не попасть в звериные лапы фашистов. Он узнал, что некоторые предприятия, особенно оборонного значения, будут переводить на восток за Урал, в Сибирь, и там налаживать производство для фронта. И судьба привела отца на завод передвижных электростанций, который готовился к эвакуации, где он представился трактористом. Начальник кадров завода, увидев совсем свежее удостоверение об окончании отцом курсов, засомневался в его возможностях и устроил отцу экзамен прямо внутри завода. Отец взялся за рычаги трактора в неимоверном напряжении, но экзамен сдал. Рассказывал, что когда слез с трактора, он был мокрый насквозь, хоть выжимай, но счастливый – его взяли! Через несколько дней на заводе появился секретный циркуляр о подготовке, правилах и условиях эвакуации.

Отец под секретом рассказал об этом дома. Полностью оценить ситуацию могла только мама, немножко мой 10-летний старший брат Абрам, и, по-своему, думая, что им предстоит что-то необычное, возможно, пятилетний брат Толя. Мне было тогда приблизительно 10 месяцев, и мама ещё кормила меня своим молоком.

Формирование эшелона началось в первые дни августа. В нашем случае эшелон – это 15-20 товарных вагончиков и впереди несколько десятков вагонов с заводским оборудованием и паровоз!

В каждом товарном вагоне теплушка, в которой располагалось несколько семей вместе с принадлежащим им скарбом, который разрешили взять с собой. У нашей семьи это был фанерный сундук, кровать металлическая, матрас и перина. Папа взял также солдатскую шинель и настольную лампу с зелёным абажуром, солдатский ремень с железной пряжкой. Потом, при жизни в эвакуации, в Челябинске, все взятое в дорогу нам очень пригодилось, особенно солдатская шинель. Моя бабушка Бруха и дедушка Липа колебались: ехать – не ехать. Они, как и многие другие евреи, пережившие Первую мировую войну, помнили вполне приемлемое отношение немцев к евреям, во всяком случае, немцы тогда не убивали евреев, не было массовых истреблений. Поэтому бросать свои, хотя и скромные, дома они не очень хотели, и это нежелание одержало верх. Они отказались от эвакуации и были расстреляны вместе с другими в первые же дни прихода немцев.

Ближе к середине августа 1941 года эшелон двинулся в путь, дальнюю дорогу на Урал. Отцу было известно, что в конце пути эшелон должен прибыть в Челябинск. Однако пробиваться к нему, особенно в первые дни, по территории, подвергаемой постоянным бомбёжкам фашистской авиации, было не просто боязно, а очень опасно. Во время атак немецких самолётов, если поезд останавливался, большинство эвакуируемых выскакивали из вагонов-теплушек и рассеивались на местности, а иногда прятались под вагонами поезда.

Мама, держа меня на руках, обычно оставалась в вагоне и крепко прижимала меня к груди, старалась найти более защищённое место от пуль и молилась, молилась, молилась. И мы благополучно миновали все бомбёжки и обстрелы с воздуха. От переживаний и за всех нас, и за папу, и за моих братиков у неё пропадало грудное молоко, и я оставался на время голодным.

Пора было меня начинать подкармливать и отлучать от материнской груди. Она решила сделать это после прохождения эшелонном самых опасных мест. Но случилось это отлучение одномоментно. Наш поезд часто останавливался и в поле, и на небольших железнодорожных станциях. О времени остановок и их продолжительности никто не знал. Часто стояли по несколько

часов. И вот во время такой остановки на одной из подмосковных маленьких станций под названием Курская поезд в очередной раз остановился недалеко от небольшого здания станции. Отец сошёл с поезда, взял меня у мамы и пошёл на станцию купить мне печенье для подкормки.

Был прекрасный августовский день, было очень тепло. Папа был в брюках и в майке, я тоже был одет легко и держался одной ручкой за его шею, я ведь уже был большенький, мне было 11 месяцев. Такими запечатлелись мы с папой в глазах мамы, наблюдавшей за нами из вагона поезда. И вот когда папа со мной на руках скрылся в небольшом здании станции, поезд вдруг дёрнулся, а затем тихонько пошёл. Мама и братья подняли крик.

Когда папа вышел из здания станции, он увидел лишь хвост уходящего эшелона. Последний вагон эшелона вскоре исчез из видимости. Начальник станции, в кабинет которого зашел отец со мной на руках, сразу понял, что случилось ЧП. Он снял со своего стола красную скатерть и дал её отцу со словами «Заверни ребёнка». Затем начальник станции добавил: «Вот тебе направление в комнату матери и ребёнка, постараюсь отправить вас пассажирским поездом».

Вот так меня в этот день отлучили от материнской груди. Очень помогла женщины из комнаты матери и ребёнка. Всего день папе пришлось кантоваться со мной на станции. Начальник станции сдержал слово и выдал папе билет на пассажирский поезд до Челябинска. Поскольку связи с мамой не было, папа тоже волновался за оставшуюся в эшелоне часть семьи. Одно лишь обстоятельство его успокаивало: они были не одни, они были в дружном коллективе эвакуируемых людей, находившихся в эшелоне.

К маминым переживаниям о нас с папой прибавился мастит, так как грудь её наливалась молоком. Все подбадривали маму – руководство завода, директор, эвакуированные и говорили: «А за мужа и сынишку не беспокойся. Заславский знает, что делать». Эти слова несколько успокаивали маму. В то же время руководство эшелона на одной из больших станций решило оставить продовольственную помощь – коробку с едой. Объяснили начальнику станции ситуацию, просили связаться со станцией, на которой двое их пассажиров отстали.

Случилось так, что мы на своём пассажирском обогнали эшелон на несколько дней, поэтому папа высадился недалеко от железнодорожной станции Челябинск-товарная в посёлке Песочный и каждый день ходил справляться о прибытии товарняка. Как удалось ему вычислить, что эшелон должен был прибыть именно на эту станцию, не знаю, но чудо произошло! Мы приехали с папой в Челябинск 1-го сентября 1941-го года, а 9-го, когда мне исполнился ровно год, произошла эта долгожданная встреча и благополучное объединение семьи.

Меня передавали с рук на руки, многие называли меня «беженцем». Те, кто вместе с нами эвакуировался, ещё много лет после этого продолжали меня так называть. Что интересно, оставленная нам посылка на промежуточной ж/д станции – тот самый провиант в картонной коробке, – пришла на имя отца спустя месяц после нашего прибытия в Челябинск, в котором наша семья так и осела. Жизнь в эвакуации в военные, да и в послевоенные годы, была, мягко говоря, не сладкой. Жили мы в комнате площадью 15 квадратных метров – поначалу 8 человек, затем стало 10 – присоединились дальние родственники. Работал один папа. У мамы специальности для работы в городе не было, и родители решили завести хозяйство. Решили купить корову. Нашей семье тогда повезло: по облигациям госзайма родители выиграли пять тысяч рублей, что как раз хватило на покупку коровы. Папа соорудил для нее большой сарай из железа, где сначала была только корова, а затем к ней добавились куры и даже свиньи. Каждое лето с 47-го по 57-й я пас корову. Работы хватало на всех. Но это было уже после войны.

А во время войны было очень трудно, потому что мама родила в 1944-м году девочку. Девочка родилась лишь с одним лёгким – сказалось постоянное недоедание мамы. Я помню, как в три с половиной года я болел корью, а кушать было нечего, и я попросил у мамы хотя бы крошки дать мне, но их негде было взять. Частенько нормальную пищу нам приходилось подменять жмыхом – кормом для домашних животных. Иногда приходилось варить для еды не картошку, а лишь очистки от неё. По поводу одежды, обуви и других жизненно необходимых вещей и предметов говорить не приходится. Всё донашивалось до дыр, носки штопали,

а ношенную кем-то одежду перелатывали или подгоняли по размеру.

Конечно же, трудности, и прежде всего с пропитанием, с которыми пришлось столкнуться в период войны, сказались на здоровье многих из нас. Когда мой старший брат выходил из дома на экзамен по русскому языку и литературе и мама спрашивала его, как он готов к экзамену, то брат отвечал: «Если бы я выпил стакан сладкого чая с хлебом, я бы сдал на пять, а без этого – не знаю».

Мало того, так ещё и приходилось терпеть обострение антисемитских выходок с сопутствующими им оскорблениями, притеснениями и насмешками.

Тридцать первого августа я пошёл учиться во второй класс в другую школу. Когда я подошел к группе учащихся моего второго «Б», кто-то из ребят спросил: «А нет ли у нас в классе новеньких?» В ответ прозвучало: «Да есть тут в списке один жидёнок – Заславский Исаак». Кто-то ухмыльнулся, кто-то рассмеялся, а я промолчал. В восемь лет я даже словесно не мог защитить себя, еврея. Смалодушничал, чего и сейчас, уже будучи сам дедушкой, не могу себе простить.

Вадим Менделевич¹²

Наша семья, жившая много лет в г. Полтава, образовалась из большой семьи Блюменталь, выходцев из города Бердичев, Житомирской области.

Мамин отец работал бухгалтером на железной дороге и содержал семью из 9 человек, в которой из 8 детей было 5 мальчиков и 3 девочки. Самой младшей была моя мама. Все её братья были участниками гражданской войны, командирами Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА). Один из братьев погиб в 20-х годах. Мама взяла его 9-месячного сына Даню на воспитание и со временем переехала жить в Полтаву, где устроилась на работу. Отец мой в 1917 году бежал из Румынии на территорию советской России. У моих родителей была дружная, работающая еврейская семья. Они не были религиозными, но по мере возможности придерживались еврейских национальных традиций. Жили мы в центре красивого города Полтава, в доме по улице Гоголя, № 17, на втором этаже.

Летом сорок первого я был пятилетним ребёнком, но даже я понимал, что происходит что-то необычное, тревожное. Проводились учения Осовиахима, люди бегали по улицам с противогАЗами. Мои родители задерживались на работе, участвуя в подготовке населения к военным условиям. Старшая сестра Эмма, приехавшая к нам погостить вместе с Раей, вскоре срочно была отправлена обратно по просьбе её отца. Тяжело поверить, что всё это сохранилось в детской памяти, но это так.

Помню развлекательные игры и посещение кафе, где продавали вкусные пирожные, вместе с тем, я совсем не по-детски реагировал на проходившие у нас в доме беседы родителей с близкими. В начале 1941 года страшные слухи о войне витали в каждом доме. Говорили, что если и будет война, то она не продлится более трёх месяцев, и военные рекомендовали каждой семье создать запас

.....
12 Вадим Менделевич родился в 1936 г. в Полтаве, где и находился до войны. Место эвакуации: г. Каган, Узбекистан. В Израиле с 1992 г. Рассказ записан автором воспоминаний в 2015 г. в г. Афула.

продуктов на этот период и укрыть их от проникновения газа при возможной химической атаке. Обо всем этом нас информировал Даня, который учился в 9-ом классе. Они изучали методы противохимической защиты и оказание первой медицинской помощи людям.

Я хорошо помню, как мои родители паковали продукты, и 22-го июня 1941 года началась война, Великая Отечественная – словосочетание до боли всем знакомое.

Моя мама Блюменталь Фейга работала бухгалтером в магазине «Динамо», который подчинялся НКВД, а это ведомство имело особые права и обязанность покидать место жительства последними. И лишь 20 августа 1941 г. наша семья получила разрешение на эвакуацию.

Ключи от квартиры родители передали маминой сотруднице, и, взяв с собой крайне ограниченное количество вещей первой необходимости, мы прибыли на ж/д вокзал. Так мы, пять человек, более двух суток провели на вокзале. Там мы впервые стали свидетелями налётов немецкой авиации на стоящие эшелоны с ранеными и военной техникой. Немецкие самолеты же я впервые увидел немного раньше. Приближался вечер. Я и Даня стояли на балконе дома, когда неожиданно донёсся резкий звук летящего самолета. Он летел на небольшой высоте. Даня и я четко видели на крыльях самолёта белые кресты, а затем мы слышали взрывы сброшенных бомб.

Через двое суток пребывания на вокзале, 24 августа нас поместили в вагоны, в которых эвакуировались семьи сотрудников НКВД. Дорога в эвакуации была для нас тяжелым испытанием и требовала огромных усилий для выживания.

За время следования наш состав неоднократно подвергался обстрелам и бомбовым ударам фашистских самолетов. Особенно засело у меня в памяти происшествие, когда наш состав стоял на каком-то разъезде, а на соседних путях рядом стоял санитарный поезд, с другой стороны стоял состав с ёмкостями для перевозки горючего. Вдруг начался налет самолётов. Мама схватила меня и стала под вагонами пробираться в поле. Следом за нами

поспешали Даня и Рая. Уже в поле по примеру раненых, которые выскочили из санитарного вагона, мы все легли на землю. Огромное поле оказалось усеяно белыми пятнами от одежды пассажиров санитарного поезда. К сожалению, после налета не все смогли вернуться обратно. На всю жизнь запомнилось, как во время очередного налёта мы не успели выскочить, и мама уложила меня на пол в вагоне и накрыла своим телом.

Наш состав продолжал следовать своим маршрутом, однако он больше стоял, чем ехал. Еда, которую мы с собой прихватили, кончилась, и папа с Даней на остановках бродили в поисках пищи. Когда наш состав приближался к станции Калач, фашисты разбомбили его вместе с паровозом, мы то пешком, то на попутных машинах, случалось телегами, запряженными волами, добрались до колхоза «9 января» Меловецкого р-на Воронежской области.

В течение месяца мы работали на сельхозработах. Наконец пришло разрешение на наш переезд в город Энгельс. Нас поместили в товарные вагоны, и в течение 4-х недель мы вновь находились в пути. Оказалось, что нас везут не в г. Энгельс, а в Среднюю Азию. Наше «путешествие» по железной дороге завершилось на станции Каган, Узбекской ССР. На вокзальной площади стояли шалаши и палатки для беженцев. На вокзале была горячая вода, а за деньги, если они были, можно было купить продукты. Практиковался также товарообмен. Обсуждался вопрос трудоустройства людей. Так мы в течение месяца прожили на вокзальной площади. Надо отметить, что местные жители приносили нам чай, лепешки, сухофрукты, а иногда варёное мясо. По решению республиканских властей нас перевезли на станцию Кармене. Там нас встретили местные возницы на арбах. Арба – это двухколёсная телега, в которую запряжены лошади либо ослы. В связи с тем, что у нас вещей не было, мы все уместились в одной.

Так караван из 10 или более повозок двинулся в путь. Мы не знали, куда нас везут. С одной стороны дороги была степь, с другой – горы. Наш возница пел всю дорогу нескончаемую песню. Вдруг со стороны гор раздался топот сотен коней. Мы перепугались: сбежали от немцев, попали к (?) басмачам. Но всё обошлось лишь

испугом. Оказалось, что это проходившие обучение призывники прибыли нас встречать и принялись угощать лепешками и сухофруктами. В колхозе «Заревшан» всех расселили по кибиткам, где прибывших ожидало угощение: кислое молоко, зеленый чай и лепешки.

Вскоре моя мама пошла работать бухгалтером сельпо, а папа, художник по специальности, не нашел работы и уехал в Сталинабад, где уже жил мамин брат, отец Раи. В 1942 году папа нас вызвал к себе в Сталинабад. Там мама устроилась на работу в эвакогоспиталь белошвейкой. Во дворе госпиталя нам выделили одну комнату. У меня появились друзья, с которыми мы совершали набеги в огромный фруктовый сад, находящийся рядом с нашим домом, за что нам перепали подзатыльники от сторожей. Вскоре папу призвали в армию, а Даню на учёбу в Волчанское военное училище авиамехаников, которое находилось за забором нашего двора. А мы с мамой остались вдвоём. Времени у меня было много, и я часто тратил его лишь на то, чтобы где-то стащить что-нибудь съестное. Чувство голода было постоянным. Даня боролся с голодом по-своему: получая хлеб по карточке, делил дневную норму на много порций и съедал по одной растянув это «мероприятие» на весь день.

Как-то вечером мы с мамой слышали стук в дверь. Мама открыла. На пороге стоял Сабир, сын женщины, у которой мы жили в колхозе «Заревшан». В руках его был маленький, черный, не более чем 3-месячный, барашек. Сабир призвали в армию и направили служить в Сталинабад. Он узнал наш адрес и решил нас проведать, а барашка он привез мне в подарок. Я от рождения был смуглым, черноволосым, и Сабир меня называл узбеком. Не знаю дальнейшую судьбу этого человека, но хорошие воспоминания о нём сохранились у меня навсегда. Наша жизнь в Сталинабаде постепенно налаживалась и у нас появились знакомые среди местного населения.

Прожив в Таджикистане более 50-ти лет, я сохранил огромное уважение к этому отзывчивому, трудолюбивому, полунцическому народу, который всегда был готов помочь человеку в любой беде. Не обошли нас и тяжелые времена. Дело в том, что нас заедали

комары, и я заболел брюшным тифом. Мама моя делала для моего выздоровления всё, что могла.

Говоря о детях войны, необходимо с чувством глубокого уважения и благодарности помнить о матерях, которые в годы войны героически вели себя, спасая своих детей.

Мама работала бухгалтером в медучилище. В 1942 г. в окрестностях Сталинабада было решено построить вторую очередь ГЭС. Для этого необходимо было прорыть канал длиной несколько километров. Землеройной техники в тот период не было, и правительство решило построить канал силами жителей Сталинабада.

В этой кампании и мне пришлось принять участие. Единственным инструментом были кирки, лопаты и носилки. Рабочий день продолжался 12 часов. Таких как я, 7-летних пацанов было много, и мы наравне со взрослыми выполняли посильную работу. После окончания строительства мама была награждена медалью.

В Волчанском училище, где учился Даня, служил по тем временам пожилой барабанщик-еврей. Я не помню, как он познакомился с мамой, приводил его к нам Даня. Он любил бывать у нас, возможно, потому что он, как и папа, попал в СССР из Румынии. Он иногда приносил и кусковой сахар, и некоторые продукты питания. С мамой он разговаривал на идиш, так что я не понимал, о чем они говорят.

Однажды он пришёл с какой-то пожилой женщиной. Она была старой, худой, изможденной, с седой копной волос. Насколько я запомнил, эта женщина приехала перед войной из Иерусалима и застряла в СССР. Она говорила на русском языке, рассказывала о Палестине и о Иерусалиме.

Холодной осенью 1943 года я пошел в школу. Основным продуктом, поставляемым стране для общей победы, был хлопок. В том году из-за неблагоприятных климатических условий осень оказалась ранней, поэтому затянулось раскрытие хлопковых коробочек. Для сбора «курака», так называются нераскрывшиеся коробочки, стали привлекать школьников. Учебу прекращали, и нас направляли на работу. Такая практика была в октябре–ноябре

месяцах. Часто мы всем классом после учебы направлялись в госпиталь для встречи с ранеными. Помню, как наши соседи общили нам, что война закончилась. Охватившая нас общая радость была неопишуемой, все семьи, живущие в бараке, а их было пятнадцать, на улице сделали большой праздничный ужин. Папа мой вернулся из армии и устроился на работу в театр.

Он не очень хотел возвращаться в Полтаву, а мама горела желанием вернуться. Многие инстанции нам отказывали в выезде домой, мама обратилась с письмом к Ворошилову К. Е., и мы получили разрешение на переезд. В связи с этим моя учеба в третьем классе прервалась. Учился я не очень успешно о чём свидетельствуют сохранившиеся школьные табели.

Целый месяц с большими трудностями мы добирались до Полтавы. Город нельзя было узнать, стояли одни руины. Дом, в котором мы жили, не избежал общей участи. По приезде родители обратились в горсовет и получили чёткий ответ: «Жилой площади для вас нет, возвращайтесь туда, откуда приехали». Мы некоторое время прожили в подвале, я пошел в единственный третий класс, который был в помещении бывшей кухни. Окна были забиты фанерой, учебник был один на 3-5 человек, сидели в верхней одежде, писали на полях газет.

В Полтаве я встретил свой первый Новый год. На базаре мне подарили несколько ёлочных веток. Из газет мы сделали гирлянды. Так мы встречали 1946 год. Мама случайно увидела женщину, которая до войны была дворником возле наших домов. Она рассказала, что как только мы уехали, приятельница мамы, которой она доверила на хранение ключи от квартиры, подъехала на машине и всё имущество увезла. Эта приятельница рассказала маме, что она вынуждена была для выживания менять наши вещи на продукты питания. Да Б-г с ней!

Очень скоро мы опять переехали к маминому брату в Запорожье, мама устроилась на работу, а папа работу не находил. Это был 1947 год. Мы долго искали комнату. Наконец по указанию милиции владелица пяти домов в одном дворе сдала нам комнату. Уходя, она бросила фразу, которую я запомнил: «Лучше бы этот дом сгорел, чем сдавать в нём комнату жидам».

В Запорожье я пошёл в четвертый класс, и у нас подобралась тёплая компания. Помню, мы уходили с уроков и ехали смотреть, как восстанавливается Днепрогэс, особенно любили посещать места недавних сражений. Иногда находили оставшееся оружие, боеприпасы. С особым героизмом бросали патроны от винтовок в костры и ждали их разрывов.

Вообще, несмотря на голод, жизнь была увлекательной. Маме на работе выделили за городом участок под огород, и мы засадили его картошкой. К сожалению, после суровой зимы наступило жаркое лето. Дождей не было, на огороде всё пересохло. Устав от всего этого отец решил вернуться обратно в Сталинабад. Мы распродали всё, что успели нажить, и в 1947 году вернулись в Сталинабад (ныне Душанбе). Сложилось так, что большую часть своей жизни я вместе с родителями прожил в Сталинабаде. Там прошла моя юность, учёба в институте. Там я начал работать.

В 1992 году наша семья репатриировалась в Израиль, и мы обрели вторую Родину.

Любовь Лернер¹³

Я, Лернер Любовь, родилась в 1936 году в г. Каменец-Подольск, Украина. Папа, Лернер Соломон Иосифович, 1910 г. рождения, служащий; мама, Гальперин Этя Львовна, 1912 г. рождения, домохозяйка. Когда мне было два года, родители переехали из Украины в Ставропольский край, город Георгиевск, по месту новой работы папы. Там же родился мой, ныне покойный, брат Александр.

Когда началась война, мне было не полных пять лет. Мне кажется, что жизнь начала восприниматься мною именно с того момента, когда случилась большая беда. Я помню жаркий вечер августа 1941. Жили мы тогда на окраине города, в месте, которое почему-то называли Чёртов яр. В дверь нашей небольшой квартиры в Ставрополе, тогда он назывался Ворошиловск, постучали. Мы все побежали к двери. Я увидела очень много людей с маленькими детьми, с мешками, с чемоданами, все в пыли, все кричали, плакали, дрожали и, перебивая друг друга, что-то рассказывали. Я с любопытством вглядывалась в новые лица, но навсегда запомнила только глаза моей дорогой мамочки.

Она с надеждой смотрела в глаза родственников и все спрашивала и спрашивала, где её мама, папа и маленькая сестричка. Никто толком не отвечал. Спустя годы, когда я была студенткой, то узнала, что дедушку Лейбиша, бабушку Рейзел, тётю Нэсю немцы закопали живыми, но до конца жизни мама эти подробности не знала.

В то время как гости возбужденно обменивались информацией мои родители должны были решать, как расположить людей, как их накормить, напоить, дать им умыться. У нас тогда не было ни водопровода, ни электричества. И лишь светилась лампа под стеклом.

¹³ Любовь Лернер родилась в 1936 г. Каменец-Подольске, Украина, где и находилась до войны. Место эвакуации: Ташкент. В Израиле с 1999 г. Рассказ записан автором воспоминаний в 2015 г. в г. Нетания.

Помню, что все ютились у нас несколько недель, за водой бегали к ручейку, детей купали в корыте по очереди в одной и той же воде, которая была скользкой и коричневой от грязи. Помню, как дядя уходил в армию, а у его жены должен был родиться ребёнок, и все плакали. Папа сутками работал на производстве по изготовлению патронов и ящиков для них. Однажды он прибежал и сказал, чтобы все быстро собрались и бежали на вокзал. К Ставрополю подходят немцы. Он добился разрешения посадить нас в вагон, который эвакуировал семьи военнослужащих. Их жёны были очень недовольны этим и обрушили на нас ушат ругани.

Я помню моего высокого, красивого папу, по лицу которого текли ручьи пота, пока он всех нас не впахнул в этот вагон и поезд пополз вперед. Папа остался. Мы выбрались из Ставрополя, только благодаря его усилиям.

Помню, как через какое-то время все начали кричать «бомбёжка» и выпрыгивать из вагонов на траву и камни. Мамочка выскочила с нами на руках. Она легла и прикрыла нас телом. Я из-под её живота видела, как летят огромные чёрные птицы, а из них падают чёрные бутылки. Это были мессершмитты, бомбившие поезд. Помню, когда они улетели, все опять взобрались в свои вагоны, и вдруг в нашем поднялся крик. Я оглянулась и увидела рядом с собой маленькую дырочку в стенке вагона на уровне моей головы, через которую шёл луч солнца. Все разволновались не на шутку, некоторые плакали, говоря, что пуля, пробившая стенку, могла меня убить. Я вряд ли понимала, почему все так взволнованы, и продолжала играть, вставив в дырочку пальчик.

Когда поезд дополз до очередной станции, кто-то из военных сказал, что это Георгиевск и город горит. Мама схватила нас и хотела выпрыгнуть, ведь папа сказал, чтобы она ждала его в Георгиевске. Я помню небо оранжево-красное и чёрно-серый дым. Офицер, старший в нашем вагоне сказал, что детей не даст, и крепко нас держал, чтобы мама не выпрыгнула, а она кричала, что потеряет папу. Бомбёжка по дороге повторялась много раз, а однажды, пока мы лежали на траве прикрытые мамой, наш поезд ушёл. Мама, держа нас с братом на руках, шагала по шпалам, пока другой паровоз нас не подобрал. В конечном итоге мы добрались до города Баку.

Все наши родственники сидели на набережной, на земле, в пыли, а бабушка, папина мама, придерживала голову дедушки, который едва дышал. Люди длинной очередью направлялись на пароход. Вдруг одна из родственниц закричала, обращаясь к маме: «Бетя, смотри – Сёма!» Это был мой папа. Я помню человека в коричневом пыльном пиджаке, который стоял к нам спиной и смотрел на толпу, движущуюся к пароходу. Он оглянулся на крик и побежал к нам. Прежде всего он бросился к бабушке. Встал на колени, прислонил свою голову к нему, дедушка последний раз вздохнул и умер. Все кричали, что нужно идти на посадку, а умершего дедушку завернуть в простыни и сбросить в море. Папа не разрешил. Он быстро нашёл двух еврейских женщин, и они обещали похоронить дедушку в Баку по всем правилам. Мы пробрались на пароход, и в это мгновение папа упал, он потерял сознание.

Это, конечно, было следствием предшествовавших событий. Когда немцы вошли в Ставрополь, отец сумел пешком выбраться из города и добраться до Баку. В пути он питался зёрнами, травой, чем попало, и пил воду из любой лужи, заразившись брюшным тифом.

Когда мы примостились на палубе папу положили на мамины ноги, и мама капала ему воду в рот. Мы тоже очень хотели пить, но нам сказали, чтобы мы не шевелились, иначе люди сбросят больного папу с парохода в воду.

С жуткими трудностями мы попали в Ташкент. Родственники разъехались по Узбекистану. Мама не покидала папу, которого забрали в больницу. С нами еще осталась бабушка. Я слышала, что все шептались, что папа не выживет. Мама не выходила из больницы. Есть было нечего, и она голодала и ела то, что папа выплёвывал от рвотного рефлекса. Благодаря мамочке, врачам больницы, в которой работали эвакуированные евреи – специалисты медики, и сопротивлению папиного железного организма, он выжил.

Мы же в это время жили с бабушкой в сарае у хозяйки. Это ветхое строение имело лишь три стенки и земляной пол. Бабушка с трудом добывала еду, и мы бывали счастливы, когда кто-нибудь

угощал нас кашей, которую мы ели по крупинкам, а если крупинки выпадали изо рта, то подбирали их и ели грязными.

У нас развился конъюнктивит, и мы по утрам не могли раскрыть глаза, так они слипались. Когда мама выходила из больницы, она нам размачивала веки водой из арыка и приносила лепёшки. Праздником была еда, когда бабушка доставала бараньи кишки, и промыв их в арыке готовила из них необыкновенно вкусную еду.

Выйдя из больницы, папа стал понемножку работать, а когда Ставрополь освободили от немцев, мы возвратились домой. В квартире ничего из наших вещей не оказалось. Здесь продолжали жить эвакуированные, среди которых один был болен туберкулёзом. Мама плакала и просила его, чтобы он не плевался, чтобы не заразить нас, но он продолжал плевать с кровью, не считаясь с окружающими. Потом моего братика долго лечили от возникшего бронхоаденита. Папа попросил соседей вернуть нам хоть что-то из вещей, в ответ один из соседей пообещал папу убить, когда он ночью будет возвращаться с работы.

Помню, мама с соседкой однажды пошли в село менять одежду на продукты. Они два дня не возвращались, а дорога пролегла через лес. Соседи говорили, что их скорее всего съели волки. Мы сидели голодные и даже боялись плакать. Я очень хорошо помню нашу трудную жизнь, но понимаю, что у тех, чьи отцы не возвратились, она была ещё тяжелее.

Помню день, когда кончилась война. Играла музыка, люди плакали, пели, танцевали и кричали от радости. Помню, что и после войны было много слёз, как мы переживали, когда арестовали сына наших друзей за то, что он был в плену и вернулся. Наверно, все считали его предателем. Да, было очень трудно. Но я вспоминаю, сколько счастья было у нас с братиком от тепла наших любящих, дорогих, мужественных родителей. Я стала врачом, защитила диссертацию, более 40 лет я работала врачом в г. Кисловодск с большой любовью к людям.

Рива Фукс¹⁴

Моя девичья фамилия Рабинович. Родилась в марте 1938 г. в городе Днепрпетровск, где война и застала нашу семью: маму – Несью Янкелевну (в девичестве Гейман), папу – Рабиновича Менделя Мордкова, сестру Фанечку. Во время бомбежек, когда звучала сирена воздушной тревоги, я говорила моей сестричке Фанечке, благословенна ее память: «Маня (я тогда не выговаривала букву «Ф»), кутай меня, неси меня в щель». Щелью я называла траншеи, вырытые возле дома, в которых прятались соседи и люди из близлежащих домов.

Папа работал на заводе «Мельмашстрой», он отвечал за эвакуацию сотрудников и их семей. Конечно, в первую очередь он прислал машину за нами. Моя мама сообщила об этом родственникам, которые жили в этом же районе, и кузов машины мгновенно был забит до отказа людьми с вещами. Папа страшно нервничал, говорил, что его арестуют и убьют, если семьи других сотрудников не будут вовремя отправлены на вокзал, но никто не собирался покинуть машину.

Тогда водитель, к сожалению, не помню его имени, сказал: «Поихалы, я повернусь знову (укр. – поехали, я вернусь снова – ред.)». Погрузились в поезд уже без папы – ему был сорок один год, и он обязан был явиться на призывной пункт. Именно на такой случай его самые необходимые вещи были заранее собраны в отдельном узелке. Как назло, узелок потерялся, отчего мама сильно расстроилась, потому что считала это плохой приметой.

Скученность в товарных вагонах была страшная. По дороге на юг первые несколько дней поезд сопровождали наши самолеты, чтобы фашисты не могли бомбить состав. Затем мы остались без охраны и в полной мере испытали ужасы бомбежки на открытой местности. Когда налетали вражеские самолеты, машинист

.....

14 Зива Фукс (в девичестве Рабинович) родилась в 1938 г. Днепрпетровске, где и находилась до войны. Место эвакуации: Казахстан, Чувашская АССР, г. Джамбул, Узбекистан. В Израиле с 1990 г. Рассказ записан автором воспоминаний в 2015 г. в г. Цфат.

останавливал поезд, люди выскакивали из вагонов, бежали прятаться в степь или залезали под вагоны. Иногда машинист маневрировал составом, двигаясь вперед или назад. Сколько людей погибло в пути, сколько потерялось?! В этом поезде нас было трое: я, моя сестра Фанечка 9-ти лет и 33-летняя мама. Спустя годы, я спросила у мамы, как она выдержала все это, как не потеряла нас? Мамуся мне ответила: «Я решила, что, если суждено погибнуть, так погибнем вместе, и поэтому я не выпускала вас ни на минуту, держа все время возле себя».

Добрались мы до Казахстана. Поселили нас в какое-то общежитии, где было много людей из разных мест. Мама хваталась за любые подработки, чтобы достать нам какой-либо еды. Женщины научили маму доставать соленую воду, выпаривать соль и ходить по селам, продавая ее. Однажды ей очень «повезло». У знакомой, убиравшей по ночам кухню и столовую, на пальце руки образовался страшный нарыв. Она не могла работать, но и потерять такую работу было смерти подобно. Поэтому она предложила маме подменить ее. Мама с радостью согласилась. Ночью надо было вымывать огромные тяжеленные котлы, но на дне их всегда были остатки супов или каш, и мама была счастлива, так как утром приносила эту еду нам. Когда мамочка мыла полы, крысы бегали чуть ли не по рукам, а она их очень боялась.

Затем мы переехали в Чувашию. Это был уже 1943 год. Мама получила извещение о том, что папа находится в госпитале где-то не очень далеко. Написали, что его можно забрать. Что с ним, ничего не сообщили. Как потом оказалось, у папы были серьезные проблемы с сердцем, и его комиссовали. Мама рассказывала, что от отеков он был огромен, как бревно. Сколько дней после отъезда мамы мы с сестрой оставались одни, не знаю. Знаю, что мы съели все, что мама нам оставила. Однажды сидим мы с сестрой вдвоем, прижавшись и грея друг друга. Дело было зимой, а печь затопить не можем. Что-то сестра мне рассказывает, и вдруг входит хозяйка – чувашка и что-то говорит на своем языке. Ничего не понимаем. Она берет Фанечку за руку и куда-то ведет. Потом Фаня рассказывала, что привела она ее на чердак. Там висели огромные бараньи туши. Большим ножом отрезает кусок мяса и дает Фане. Фаня, увидев, что по мясу ползают белые черви, в ужасе и с криком убежала.

Мама привезла папу в ужасном состоянии. Как ей удалось достать транспорт? Конечно, кто-то помог. В это время нас нашел мамин старший брат – дядя Айзик, который с семьей эвакуировался из Киева. Узнав о нашем бедственном положении, он вызвал нас к себе. Надо было выхаживать папу, и мы снова двинулись в путь, в город Джамбул. Там мама работала в колхозе, сестра пошла в школу. Хорошо помню двор, в котором мы жили. Здесь, в глинобитном доме, жило несколько эвакуированных семей. У каждой семьи была маленькая комнатка. Двор был как сплошная беседка, с переплетений которой висели огромные гроздья винограда. Интересно, что у меня даже не возникала мысль о том, что это вкусно и вообще съедобно.

Хозяйка дома мне казалась старухой, ее сын был на фронте. Жила она со своей невесткой. Невестка была молодой и красивой. Я была черненькая, шустрая. Невестка меня очень любила, заплетала мне 28 косичек и брала с собой на базар. Там мы вместе продавали холодную воду из колодца и лепешки, которые пекла старуха в печи с названием тандыр.

Интересной была эта печь – небольшая яма, в которой горит уголь, над ямой сферообразное строение из глины, открытое сверху. Перед печью садилась старая хозяйка, оголяла правое бедро, на котором формовала лепешку, и налепляла ее ловким броском на внутреннюю стенку тандыра. Там лепешка приклеивалась и по мере готовности падала вниз на угли. Женщина тут же ее выхватывала и стряхивала с нее золу. Я хорошо это запомнила, так как этот процесс просто завораживал меня, и я стояла возле нее часами.

В этом же дворе жил старый узбек почему-то без семьи. Каждый день он варил суп, в котором было много перца и одна картофелина. Когда он заканчивал варить, кричал: «Дочкалым, неси миска». Я бежала к нему с железной мисочкой, а потом несла этот суп в нашу комнатку. Должна сказать, мало кто мог есть эту гoryючую жидкость. Думаю, что во дворе не было больше таких маленьких детей, как я, и потому все меня баловали. В школе моей сестре давали бесплатно завтрак. Не помню случая, чтобы она этот завтрак съела сама и не принесла мне домой.

Папа стал немного приходить в себя, даже начал где-то работать. Ему, как бывшему фронтовику, предложили работать ездовым. Лошадь, которую ему доверили, была старой и больной. Почти через неделю она сдохла. Папу хотели судить, но, разобравшись, отпустили. Предложили какую-то другую работу. Жить стало немного легче.

Помню, как мама, спустя несколько лет, рассказывала, что однажды, когда она шла с работы и несла в сумке несколько штук репы, которую ей дали в колхозе, повстречался ей дядя Айзик. Увидев сумку, он спросил: «Яблоки несешь?» Маме было горько это слышать, ведь мы давно не ели досыта. Какие уж тут яблоки?

26 октября 1944 года мы узнали, что наша армия освободила Днепропетровск. Тотчас стали собираться домой. Как плакала невестка хозяйки и просила хоть на время оставить меня у них! Мама и слышать об этом не хотела. Не помню, как мы ехали домой. И вот наконец родная Чечелевка (район города) и дом номер шесть по ул. Орловская.

Квартира в полуподвальном этаже, которую мы снимали до войны, была занята семьей хозяйки дома, потому что крыша над ее жильем была разрушена после бомбардировки.

Хозяйка дома Христина Алексеевна Козаченко приняла нас как родных. Она обратилась к папе с просьбой, чтобы завод, на котором он работал, отремонтировал крышу, и тогда она с семьей вернется на свой этаж, а мы поселимся в своей квартире, как было до войны.

Крышу починили, и Христина Алексеевна вернула нам все наши вещи (мебель, постельное белье, посуду, даже игрушки Фани). Она позвала маму и сказала: «Все, что видишь свое, – бери». Мамочка заплакала и ответила, что своего ничего не видит. Тогда бабушка (так я называла нашу хозяйку, ведь она была бабушкой моей подружки-ровесницы, с которой мы дружим по сей день) начала собирать наши вещи и сносить их в нашу квартиру, окна в которой были на уровне земли.

Помню еще примечательный момент. После освобождения города была какая-то контора, которая собирала по квартирам вещи

уехавших людей. Так у бабушки увидели два шкафа для одежды. Значит, один шкаф чужой. Она показала наше письмо о том, что мы возвращаемся. Ничего не помогло. Шкаф увезли. Когда мы стали обживать, бабушка с мамой поехали в эту контору, нашли наш шкаф, погрузили его на двухколесную тачку и повезли через Днепр по мосту. Неожиданно налетел фашистский самолет и застрочил из пулемета. Мама с бабушкой спрятались под тачку. Когда немец улетел, мамочка умоляла Алексеевну все бросить и бежать домой, но она была непреклонна. Так эти две маленькие хрупкие женщины притащили шкаф. Он долго еще нам прослужил. Кстати, я сама была свидетелем такого неожиданного налета. Произошло все так быстро, что мы, дети, игравшие на улице, не успели даже испугаться. Потом я, как и другие, нашла в кустах что-то вроде пультки, еще даже теплую. Ощущение этого тепла в моей ладошке осталось надолго. Конечно, дома мне досталось за этот подарок, который я принесла.

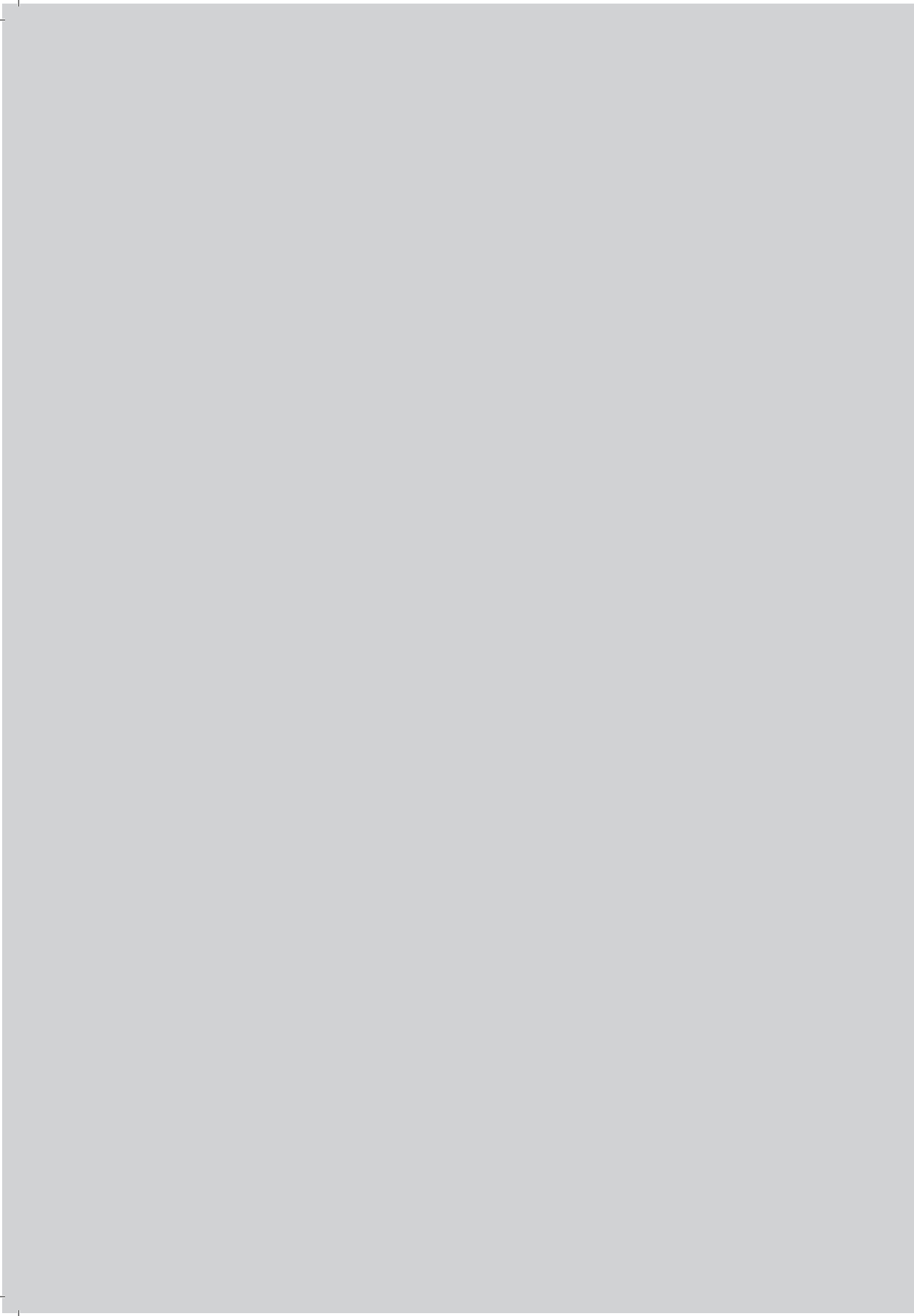
Затем началась наша послевоенная жизнь – бедная и с большими проблемами. Но все были счастливы и говорили: «Все хорошо, лишь бы не было войны». Папа был послан от завода с бригадой на лесозаготовки. Там он простыл, после чего у него развился туберкулёз. Кроме лекарств, необходимо было усиленное питание. Мама покупала на базаре куриные потрошки – печеночка, пупок, два крылышка – и варила бульон. Его она делила на два раза. Я бегала к папе (больница была недалеко) и приносила ему «обед». Папа выпивал бульон, а мясо заставлял съесть меня, договариваясь со мной, что мама ничего не узнает. Я немного сопротивлялась, но съедала в мгновение ока. Сейчас мне страшно стыдно.

После школы я окончила Мукомольно-элеваторный техникум, затем Горный институт по специальности инженер-механик, металлорежущие станки и инструменты. Работала технологом, конструктором на Днепропетровском электромеханическом заводе. После окончания Московского института метрологии и стандартизации работала руководителем бюро стандартизации. На заводе проработала двадцать шесть лет.

Репатриировалась в Израиль в 1990 году с мужем и дочерью. Сын приехал спустя десять лет. Работала на уборках в гостинице,

работала в семьях с детьми. Было много тяжелого и хорошего в первые годы жизни в новой стране, но никогда меня никто не обидел ни словом, ни деньгами. Мне везло на встречи с добрыми, внимательными людьми. Я старалась понять язык, обычаи и поведение израильтян. Я твердо убеждена – это мой народ, и здесь моя страна.

**СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ
И ИНДЕКС ГЕОГРАФИЧЕСКИХ
НАЗВАНИЙ**

БИБЛИОГРАФИЯ*

Альтман И.А. «История Холокоста на территории СССР в 1941 году в контексте противодействия мифам о Великой Отечественной войне» // Киличенков А.А. (сост.). *Преддверие и начало Великой Отечественной войны: проблемы современной историографии и источниковедения. Материалы международной научно-практической конференции, к 70-летию начала Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.* (М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2012).

Арад, Ицхак. *Катастрофа евреев на оккупированных территориях Советского Союза (1941–1945)* (Днепропетровск – Москва, 2007).

Бегин, Менахем. *В белые ночи* (М. – Иерусалим, 1991).

Белоносов И. И. «Эвакуация населения из прифронтовой полосы в 1941–1942 гг.» // *Эшелоны идут на восток* (М., 1966).

Берман, Александр (сост.). *Неизвестная эвакуация. Воспоминания еврейских беженцев. СССР, 1941–1945.* (Иерусалим: Хазит ха-кавод и Союз ученых репатриантов Израиля, 2015).

Бугай Н.Ф. «Корейский вопрос на Дальнем Востоке и депортация 1937 года», *Проблемы Дальнего Востока* №4 (1992).

Бугай Н.Ф. *Иосиф Сталин – Лаврентию Берию: «Их надо депортировать»: Документы, факты, комментарии* (М.: 1992).

.....

* Библиография представлена в трех частях: (1) литература на русском, украинском и других языках, пользующихся кириллицей, (2) литература на языках, пользующихся латинским алфавитом, и (3) литература на иврите.

Бугай Н.Ф. *Л. Берия – И. Сталину. «Согласно Вашему указанию»* (Москва, 1995).

Варашинскас, Казимерас. *Деятельность эвакуированного населения Литовской ССР в советском тылу в период Великой Отечественной войны (1941–1944гг.): Автореф. Дисс.... к. и. н.* (Вильнюс, 1971).

Военное детство. Сборник воспоминаний (Ашкелон – Тель Авив, 2014).

Гнатюк, Оля. *Відвага і страх* (Київ, 2015).

Гончаров, Г.А. *«Трудовая армия» на Урале в годы Великой Отечественной войны* (Челябинск, 2006).

Гурьянов А.Э. «Масштабы депортации населения в глубь СССР в мае–июне 1941 гг.» // *Репрессии против поляков и польских граждан* (М., 1997).

Давыдов И. В. *На земле друзей* (М., 1981).

Ерусалимчик, Герман. *Разные судьбы – общая судьба: из истории евреев Челябинска* (Челябинск, 1999).

Есаков, Иосиф / Iossif Jessakow. *Шрамы войны. О евреях – новых гражданах Нюрнберга, переживших войну и Холокост / Narben des Krieges. Über jüdische Neubürger Nürnbergs, die Krieg und Holocaust erlebten* (Нюрнберг /Nürnberg, 2013).

История, память, люди. Материалы VI Международной научно-практической конференции 18 октября 2012 г. (Алматы, 2013).

Кипнис, Анна (сост. и ред.). *Взрослое детство войны. Сборник воспоминаний – 1.* (Ашдод, 2013).

Кипнис, Анна (сост. и ред.). *Взрослое детство войны. Сборник воспоминаний – 2.* (Ашдод, 2013).

Кипнис, Ефим (сост.). *Чтобы помнили. Сборник воспоминаний беженцев Холокоста* (Израиль, 2017).

Ковальчук В. М. «Эвакуация населения Ленинграда летом 1941 года», *Отечественная история* №3 (2000) 15–24.

Козлова Н. Н. *Горизонты повседневности советской эпохи: голоса из хора.* (М.: Ин-т философии РАН, 1996).

Костырченко, Геннадий. *Государственный антисемитизм в СССР 1938–1953* (Москва, 2005).

Костырченко, Геннадий. *Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм*. 2-е изд. (М., 2003).

Кох, Альфред, и Полян, Павел (сост.). *Отрицание отрицания, или Битва под Аушвицем. Дебаты о демографии и геополитике Холокоста* (М., 2008).

Кринко, Евгений; Тажидинова, Ирина; Хлынина, Татьяна. *Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций* (Ростов-на-Дону, 2011).

Куманев Г.А. «Перебазирование производительных сил на восток СССР в 1941–1942 гг.», *Военно-исторический журнал* №3 (1963) 114–117.

Куманев Г.А. «Эвакуация населения СССР: достигнутые результаты и потери» // *Людские потери СССР в период Второй мировой войны. Сборник статей* (СПб., 1995) 137–146.

Куманев, Георгий. «Война и эвакуация в СССР. 1941–1942 годы», *Новая и новейшая история* 6 (2006), 7–27.

Куртуа, Стефан; Верт, Николя; Панне, Жан-Луи; Пачковский, Анджей; Бартошек, Карел; Марголен, Жан-Луи. *Чёрная книга коммунизма. Преступления, террор, репрессии* (М., 1999).

Лебина Н.Б. *Советская повседневность: нормы и аномалии. от военного коммунизма к большому стилю*. Сер. «Культура повседневности» (3-е издание) (Москва, 2018).

Лейбович, Олег. «Антисемитские настроения в советском тылу» // *СССР во Второй мировой войне. Оккупация. Холокост. Сталинизм* (М.: РОССПЭН, 2014).

Ли У Хе, Ким Ен Ун (авт. – сост.). *Белая книга о депортации корейского населения России в 30–40-х годах*. Книга первая (М., 1992).

Лихоманов М.И. *Партийное руководство эвакуацией в первый период Великой Отечественной войны, 1941–42* (Ленинград, 1985).

Машихин, Евгений. *Статистические публикации в СССР* (М., 1975).

Медник, Женнидора (сост.). «Как хочется жить!» *Война глазами ее «детей»* (Тель-Авив, 2011).

Михаил Бейзер. *Евреи Ленинграда, 1917–1939: Национальная жизнь и советизация* (М. Иерусалим, 1999).

Мотревич, Владимир. «Миграция евреев на Урал в 1930–1940-е гг.» // *История. Память. Люди. Материалы 6 международной научно-практической конференции. 18 октября 2012 г. Алматы* (Алматы, 2012).

Мунчаев Ш.М., «Эвакуация населения в годы Великой Отечественной войны», *История СССР* №3 (1975).

Никитина, Алла (сост.) *Эвакуация. Воспоминания о детстве, опаленном огнем Катастрофы. СССР, 1941–1945.* (Иерусалим: Союз ученых-репатриантов Израиля и Ассоциация Хазит ха-кавод, 2009).

Нисенбойм, Григорий (сост. и ред.). *С войной покончили мы счеты...* (Израиль, 2015).

Олехнович, Галина. *Трудящиеся Белоруссии – фронту* (Минск, 1972).

Пасат, Валерий. *Трудные страницы истории Молдовы: 1940–1950 гг.* (М., 1994).

Пиримкулов, Шодманкул. *Польское население в СССР. 1941–1946 гг.* Автореф. Дисс. ...д. и. н. (М., 1990);

Пиримкулов, Шодмонкул. *Сургун килинган поляк фукаролари Ўзбекистонда (1941–1946)* (Тошкент, 2006).

Позина Л.Т. «Эвакуация населения в годы Великой Отечественной войны» // Ежов В.А. и др. (ред.). *Народ и война. 50 лет Великой Победы* (СПб., 1995) 265–281.

Поляков, Юрий; Жиромская, Валентина (ред.). *Население России в XX веке. Исторические очерки. Т. 2. 1940–1959 гг.* (М., 2001).

Полян П.М. (2002). *Жертвы двух диктатур. Жизнь, труд, унижение и смерть советских военнопленных и остарбайтеров на чужбине и на родине* (М.: Росспэн).

Потемкина М.Н. «Эвакуация и национальные отношения в советском тылу в годы Великой Отечественной войны (по материалам Урала)». *Отечественная история* №3 (2002).

Потемкина М.Н. *Эваконаселение в Уральском тылу (1941–1948)* (Магнитогорск, 2006).

Проект «Опаленное детство» 2007–2020 гг. «Воспоминания спасшихся беженцев Холокоста об эвакуации. СССР. 1941–1945 гг.». Интернет-сайт движения «Хазит ха-кавод» на 4-х языках – русском, иврите, английском и немецком: www.lost-childhood.com

Прощенок, Татьяна. *Еврейское население Урала в XIX–XX вв.: демографическое и этнокультурное развитие* (Екатеринбург, 2000).

Райскин, Наум (сост.). *Опаленное детство* (Тель-Авив, 2014).

Рогинский А.Б. «Об арестах в западных областях Белоруссии и Украины в 1939–1941 гг.» // *Репрессии против поляков и польских граждан* (М., 1997) табл. 9–12.

Свердлов Ф.Д. *Энциклопедия еврейского героизма*. М.: Дограф, 2002.

Скарбовский, Иосиф (автор и составитель). *Дети войны помнят хлеба вкус* (Израиль: Studio Fresco, 2016).

Слобин, Лев. *Осталось за кадром и между строк* (Минск, 2009).

Снегирева Л.И. (сост. и отв. ред.). *Во имя победы: эвакуация гражданского населения в Западную Сибирь* (Томск, 2005).

Файнштейн, Берта. «Крапивка». Повесть // *Девочка из гетто* (Израиль: Компас, 2016).

Фицпатрик, Шейла. *Повседневный сталинизм. Социальная история советской России в 30-е гг.* (М., 2008).

Фукс, Рива (сост.). *Военное детство. Сборник воспоминаний жителей Цфата, переживших войну* (Цфат, 2015).

Альтман, И. (ред). *Холокост на территории СССР. Энциклопедия* (Москва, 2009).

Цфасман, Аркадий. «Последние свидетели Войны и Холокоста» / „Die letzten Zeugen des Krieges und des Holocaust“ // *Zeitgeschichte regional Sonderheft* 5 (Rostock, 2012) 63–67.

Цфасман, Аркадий/ Arkady Tsfasman. *Последние свидетели войны и Холокоста. Еврейские мигранты Мекленбурга – Передней Померании вспоминают о своем детстве в СССР в годы Второй мировой войны* / *Die letzten Zeugen des Krieges und des Holocaust. Jüdische Migrantinnen und Migranten aus Mecklenburg-Vorpommern erinnern sich an ihre Kindheit in der UdSSR während des Zweiten Weltkrieges* (Росток/Rostock, 2012).

Шварц, Соломон. *Антисемитизм в Советском Союзе* (Нью-Йорк, 1952).

Швейбиш, Семен. «Эвакуация и советские евреи в годы Катастрофы» // *Вестник Еврейского университета в Москве*, №2 (9) (1995) 36–55.

Швейбиш, Семен. «Эвакуация, реэвакуация, антисемитизм в СССР во время Шоа» // *Заметки по еврейской истории*. 2012 №10 (157). Режим доступа: <http://berkovichzametki.com/2012/Zametki/Nomer10/Shvejbish1.php>

Шкурко, Эмма. *Очерки истории евреев Башкортостана* (Уфа, 1999).

Яковлева Л. В., Чирко Б. В., Пишко С. П. (составители). *Німці в Україні, 20–30-ті рр. XX ст.: Збірник документів державних архівів України* (Київ, 1994).

Altshuler, Mordechai (intr.) "Were a Majority of the Creative Intelligentsia Antisemitic? A Letter of the Head of NRVD to Nikita Khrushchev in 1943," in *Jews in Eastern Europe* (The Hebrew University of Jerusalem, Fall 2000) 76–85.

Altshuler, Mordechai. "Escape and evacuation of Soviet Jews at the time of the Nazi invasion: policies and realities," in *The Holocaust in the Soviet Union* (Jerusalem, 1993) 77–104.

Altshuler, Mordechai. *Soviet Jewry on the Eve of the Holocaust* (Jerusalem, 1998).

Altshuler, Mordechai. *Soviet Jewry on the eve of the Holocaust: A social and demographic profile* (Jerusalem, 1998).

Baberowski, Jörg. *Der rote Terror. Die Geschichte des Stalinismus* (Frankfurt am Main, 2007) 218–221.

Blattberg Blumstein, Rita. *Like Leaves in the Wind* (London, Portland 2003) 37.

Blum, Alain. *L'anarchie bureaucratique* (Paris, 2003) 171–183.

Conquest, Robert. *The Nation Killers: The Soviet Deportation of Nationalities* (London, 1977).

Dekel, Michal. *Tehran Children: A Holocaust Refugee Odyssey* (W. W. Norton & Company, 2019).

Dekel-Chen, Jonathan. *Farming the Red Land* (Yale University Press, 2005).

Dov Levin, *Żydzi wschodnioeuropejscy podczas II wojny światowej* (Warszawa, 2005) 92.

Dubson, Vadim. "On the Problem of the Evacuation of Soviet Jews in 1941 (New Archival Sources)," in *Jews in Eastern Europe*. Vol. 40, № 3 (1999), 37–56.

Dubson, Vadim. "On the problem of the evacuation of Soviet Jews in 1941 (new archival sources)," in *Jews in Eastern Europe*, 3 (1999) 37–56.

Dubson, Vadim. "Toward a Central Database of Evacuated Soviet Jews' Names, for the Study of the Holocaust in the Occupied Soviet Territories," in *Holocaust and Genocide Studies*, Vol. 26, № 1 (2012), 95–119.

Edwards, Kristen Elizabeth. "Fleeing to Siberia: The wartime relocation of evacuees to Novosibirsk, 1941–1943" (Ph.D. dissertation, Stanford University, 1996).

Erlichson, Yitzkhak. *My Four Years in Soviet Russia* (Boston, 2013)

Fishman, David. "Judaism in the USSR, 1917–1930: The Fate of Religious Education," in Zvi Gitelman and Yaacov Ro'i, eds. *Revolution, Repression, and Revival the Soviet Jewish Experience* (Rowman, 2007) 251–260.

Fitzpatrick, Sheila. "Blat in Stalin's Time," in Stephen Lovell et al eds., *Bribery and Blat in Russia: Negotiating Reciprocity from the Middle Ages to the 1990s* (New York: St. Martin's Press, in association with the School of Slavonic and East European Studies, University of London, 2000).

Fitzpatrick, Sheila. *Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times* (New York: Oxford University Press, 1999).

Flucht und Evakuierung. Die unbekannten Geschichten jüdischer Kinder im Schatten des Holocaust. Chefredakteur: Dr. Alexander Berman, deutsche Übersetzung: Viatcheslav Obodzinskiy (Jerusalem: Hazit Hakavod Association & Israeli Association of Immigrant Scientists, 2019).

Flutsztejn-Gruda, Ilona. *Byłam w tedy dzieckiem* (Lublin, 2004) 52.

Gatrell, Peter. *A Whole Empire Walking: Refugees in Russia during World War I* (Bloomington, 1999).

Gelb, Michael. "The Western Finnic Minorities and the Origins of the Stalinist Nationalities Deportations," *Nationalities Papers* 24 (June 1996) 242–44

Gitelman, Zvi Y. (ed.) *Bitter Legacy: Confronting the Holocaust in the USSR*. (Indiana University Press, 1997).

Gitelman, Zvi Y. *Jewish Nationality and Soviet Politics* (Princeton University Press, 1972) 233–512.

Grodner, D. "In Soviet Poland and Lithuania," *Contemporary Jewish Record*, Vol. 4, (April 1941) 141–142.

Herling-Grudziński, Gustaw. *Inny świat* (Kraków, 2006).

Holmes, Larry E. *War, evacuation, and the exercise of power: The center, periphery, and Kirov's Pedagogical Institute, 1941–1952* (Plymouth: Lexington Books, 2012).

Jakub Bukowski, *Opowieść o życiu* (Warszawa, 2002).

Kaganovich, Albert. "Jewish Refugees and Soviet Authorities during World War II," *Yad VaShem Studies* 38 (2) 2010, 85–210.

Kaganovitch A. "Jewish Refugees and Soviet Authorities during World War II," in *Yad Vashem Studies*. Vol. 38, № 2 (2010), 85–122.

Katz, Zev. *From the Gestapo to the Gulags. One Jewish Life* (London, Portland 2004) 80.

Kotkin S. *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization* (Oakland: University of California Press, 1995).

Ledeneva, Alena V. *Russia's economy of favors: blat, networking, and informal exchange* (Cambridge, UK, 1998).

Levin, Zeev. "Antisemitism and the Jewish Refugees in Soviet Kirgizia 1942," in *Jews in Russia and in Eastern Europe*, № 1 (50) (2003).

Levin, Zeev. "Antisemitism and the Jewish Refugees in Soviet Kirgizia 1942," *Jews in Russia and in Eastern Europe*, 1(50), Summer, 2003, 191–203.

Lieberman, Sanford R. "Evacuation of Industry in the Soviet Union During World War II," *Soviet Studies* 35 (January 1983) 90–102.

Manley R. *To the Tashkent station: Evacuation and survival in the Soviet Union at war* (Ithaca: Cornell University Press, 2009).

Manley, Rebecca. "The Perils of Displacement: The Soviet Evacuee between Refugee and Deportee," *Contemporary European History*, Vol. 16, 4 (November 2007) 495–497.

Marrus, Michael R. (ed.). *The Nazi Holocaust. Part 8: Bystanders to the Holocaust*, Band 3 (London, 1989).

Martin, Terry. "Origins of Soviet Ethnic Cleansing," *The Journal of Modern History*, Vol.70, No. 4 (Dec.,1998) 830–831.

Martin, Terry. "The Empire's New Frontiers: New Russia's Path from Frontier to Okraina, 1774–1920," *Russian History* 19 (1992) 181–201.

Martin, Terry. *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939* (Ithaca: Cornell University Press, 2001).

Minz, Pearl. *Surviving the Holocaust in Siberia, 1940–1945* (D. de Frain, 2010).

Nekrich, Aleksandr M. *The Punished Peoples: The Deportation and Fate of Soviet Minorities at the End of the Second World War* (New York, 1978).

Ocalony na Wschodzie. Z Julianem Strykowskiem rozmawia Piotr Szewc (Montricher, 1991) 136–138.

Pinchuk, Ben Cion. "Facing Hitler and Stalin: On the Subject of Jewish "Collaboration" in Soviet-Occupied Eastern Poland, 1939–1941," in D. Zimmerman, ed., *Contested Memories* (Rutgers University Press, 2003) 60–68.

Pinchuk, Ben-Zion. *Soviet Jews in the Face of the Holocaust: A Study in Deportation and Removal Problems*. (Tel Aviv: Tel-Aviv University Press, 1979).

Redlich, Shimon. *The Jews under Soviet rule during world war II*, PhD dissertation, (New-York University, 1968).

Schwarz, Solomon M. *The Jews in the Soviet Union* (Syracuse University Press, 1951).

Sekules, Edith. *Surviving the Nazis, Exile and Siberia* (London, 2000).

Siemaszko, Zbigniew S. *Generał Anders w latach 1892–1942*. (London, Warszawa, 2012) 171.

Shneer D., Shternshis Anna, Levin Zeev (eds). *East European Jewish Affairs* special issue: Jews in the Soviet Union during World War II: German occupation, Soviet evacuation, and the imagined relationship between these two experiences, 46(1) (2016).

Skarbovsky, Joseph (author and compiler). *The children of the war remember the taste of bread* (Israel: Studio Fresco Publishers, 2016).

Slezkine, Yuri “The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism,” *Slavic Review* 53 (Summer 1994) 414–52.

The Refugees: Jewish Refugees and evacuees in the USSR 1941–1945. Recollections of Wartime Childhood. From Russian Sergei Makarov, Michael Gribov, English editors: Fern Seckbach, Gila Ansell Brauner, Marie Cochran (Jerusalem: Hazit Hakavod Association & Israeli Association of Immigrant Scientists, 2017).

Wat, Aleksander. *Mój wiek. Pamiętnik mówiony. Część druga* (Warszawa, 1990) 229.

Wawer, Zbigniew. *Armia generała Władysława Andersa w ZSRR, 1941–1942* (Warszawa, 2012).

Weiner, Amir. “Saving Private Ivan: From What, Why, and How?” in *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* 1, no. 2 (Spring 2000), 305–36.

Widziałem anioła śmierci. Losy deportowanych Żydów polskich w ZSRR w latach II wojny światowej. Opracowanie i wstęp Maciej Siekierski, Feliks Tychy. (Warszawa, 2006) 311.

Zeltser, Arkady. “The Belorussian Shtetl in the 1920s and the 1930s,” in Zvi Gitelman and Yaacov Ro’i, eds. *Revolution, Repression, and Revival the Soviet Jewish Experience* (Rowman, 2007) 91–106.

אלטשולר, מרדכי. הפינוי והמנוסה של יהודים מביילורוסיה המזרחית בתקופת השואה (יוני - אוגוסט 1941), יהדות זמננו 1986 (3) 119-158.

ארד, יצחק. תולדות השואה בברית המועצות והשטחים המסופחים (ירושלים, 2004).

לבבי, יעקב. ההתיישבות היהודית בבירוביג'ן (ירושלים, 1965) 100.

ליטבק, יוסף. פליטים יהודיים מפולין בברית המועצות, 1939-1946 (תל אביב, 1988).

לשצינסקי, יעקב. היהודים ברוסיה הסובייטית (תל אביב, 1943).

נוסבאום, קלמן. חלקם של היהודים בארגון ובפעילות הלחימה של הצבא הפולני בברית המועצות (תל אביב, 1979).

פורת, דינה. ריכוז הפליטים היהודים בוילנה בשנים 1939-1943. עבודת תואר שני (אוניברסיטת תל אביב, 1973).

פינצ'וק, בנציון. יהודי ברית-המועצות מול פני השואה: מחקר בבעיות הגליה ופינוי (תל אביב, 1979).

פליטי השואה. פליטים ומפונים יהודים בברית המועצות. זיכרונות של ילדות בצל השואה והמלחמה, 1941-1945. מרוסית: דינאל פידלמן, חיים דולגופולסקי (ירושלים: חזית הכבוד, אגודה ישראלית למדענים עולים, 2015).

קלס, שלמה. בדרך לא סלולה (תל אביב: מורשת, 1993).

קלס, שלמה. גבולות מחתרת ובריחה (תל אביב: מורשת, 1989).

רודניצקי, אליהו. שנה ברוסיה (תל אביב, 1943).

ИНДЕКС ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

А

Акмолинск (ныне Нур-Султан, до этого Астана, Акмола, Целиноград), Казахстан 189–190

Алма-Ата (ныне Алматы), Казахстан 145 154, 156, 177, 179, 180, 184, 189, 193, 194, 195, 203, 208

Афганистан 92

Ашхабад, Туркменистан 50

Б

Баку 268, 270, 290, 291

Белосток, Польша (в 1939–1944 – в составе Белорусской ССР) 98, 99, 101, 102,

Биробиджан 23, 24, 36, 37

Бирск, Башкирия 118, 122

Бобруйск, Белоруссия 245, 247–249

Бухара, Узбекистан 49, 98, 101

Бухарино (Долгинцево), ныне район г. Кривого Рога, Украина 273

В

Велиж, Смоленская область 74

Вильно / Вильнюс (Польша, затем Литва) 34, 50, 55, 89

Винница, Украина 60

Воронеж 112, 284

Г

Глуск, Белоруссия 112

Гомель, Белоруссия 118, 249

Горы, поселок в Гурьевская (ныне Атырауской) области, Казахстан 149

Грузия 24, 25, 63, 229–237

Д

Джамбул (ныне Тараз), Казахстан 100, 154, 170–176, 184–185, 239, 295

Джизак, Узбекистан 90

Днепропетровск (ныне Днепр), Украина 251, 273, 293, 296, 297

Донбасс 36, 236

Донецк, Украина 107, 236

Е

Ерцево, Архангельская
область 93

Ея, станция, Краснодарский
край 273

Ж

Житомир, Украина 240, 243,
250, 256, 281, 282

З

Запорожье, Украина 260, 262,
273, 287, 288

Заркент, Ташкентская область,
Узбекистан 84, 85

И

Или, поселок Алма-Атинская
область, Казахстана 206–207

Иртышск (ныне Ертис),
Казахстан 268, 271

К

Каган, Бухарская область,
Узбекистан 81, 82, 282, 284

Каменец-Подольск, Украина
289

Караганда 150

Каунас 88

Кенигсберг, Германия
(ныне Калининград, Россия)
129, 255, 274

Киев 109, 111, 112, 113, 116,
119, 122, 150, 174, 236–239, 242,
264, 295

Кировоград, Украина
127, 131

Коканд, Узбекистан 51

Комарин, поселок,
Гомельская область,
Белоруссия 74

Конотоп, Украина 239, 244

Красногвардейск
(ныне Булунгур),
Самаркандская область,
Узбекистан 76

Краснодар 70, 113, 229

Крым 24, 228, 268, 269

Куйбышев (ныне Самара)
100

Л

Ленин-вег, колхоз в селе
Аранда (ныне Пчельники),
Крым 269

Ленинабад (ныне Худжанд),
Таджикистан 95

Ленинград 13, 24, 28, 68, 72, 90,
109, 111, 112, 115, 122, 151

Львов, Польша, затем Украина
48, 51, 126, 128, 130

М

Маргилан, Узбекистан 90

Мелитополь, Украина 71

Минск 61, 218, 249

Москва 24, 68, 69, 72, 108,
111, 112, 116, 122, 128, 141, 149,
171, 184, 187, 248, 265

Н

Наманган, Узбекистан 85,
273, 274

Невинномысск,
Кубанская область (ныне
Стравропольский край)
269, 270

Нижний Тагил 93

Никополь, Украина 262–263

Новороссийск 113, 228–229

Новосибирск 13

О

Одесса 106, 107, 108, 110,
113, 126, 127

П

Павлодар, Казахстан 151,
268, 271

Палестина 36, 49, 81, 286

Первоуральск, Свердловская
область 260, 262

Персия 80, 92

Пинск 41

Полоцк 50

Полтава 251, 264–267, 282,
287

Р

Романов, Житомирская
область, Украина 238, 243

Романовка, Саратовская
область 240

Ростов-на-Дону 257–259, 273

С

Самарканд, Узбекистан 82, 86,
88, 90, 100, 185

Самтреди, Грузия 63

Свияжск, Татарстан, РФ
126

Семипалатинск
(ныне Семей), Казахстан 51,
81, 84, 151

Соль-Илецк, Чкаловская
область 274

Сталинабад (ныне Душанбе),
Таджикистан 285–286, 288

Сталинград (ныне Волгоград)
113, 250–254, 273

Старый Крым, город в Крыму
228

Т

Ташкент 50, 51, 78–84, 90, 92,
95, 98, 100–101, 155, 171, 185,
194, 221, 249, 289, 291

Тельши (Тельшяй),
Литва 50

Тихорецк, Краснодарский
край 250–252

Токмак, Киргизия 159–161,
163–169

Томашев-Мазовецкий,
Польша 131, 133

Томино, Челябинская область
245, 247

Троицк, Челябинская область
238, 241–242

У

Уральск (ныне Орал),
Казахстан 264, 266

Усть-Лабинская, станица,
Краснодарский край 229

Уфа, Башкирия 18, 73, 104,
105–107, 110–121, 123

Ф

Фергана, Узбекистан 96

Ферганская долина 51 85

Фрунзе (ныне Бишкек),
Киргизия 89, 100, 158–160, 171,
185, 257–258

Х

Херсон, Украина 276–277

Ц

Цхалтубо, Грузия 228,
229, 237

Ч

Челябинск 246, 247, 276–280

Черниковск
(ныне Черниковка, район
г. Уфы), Башкирия 104, 116,
123

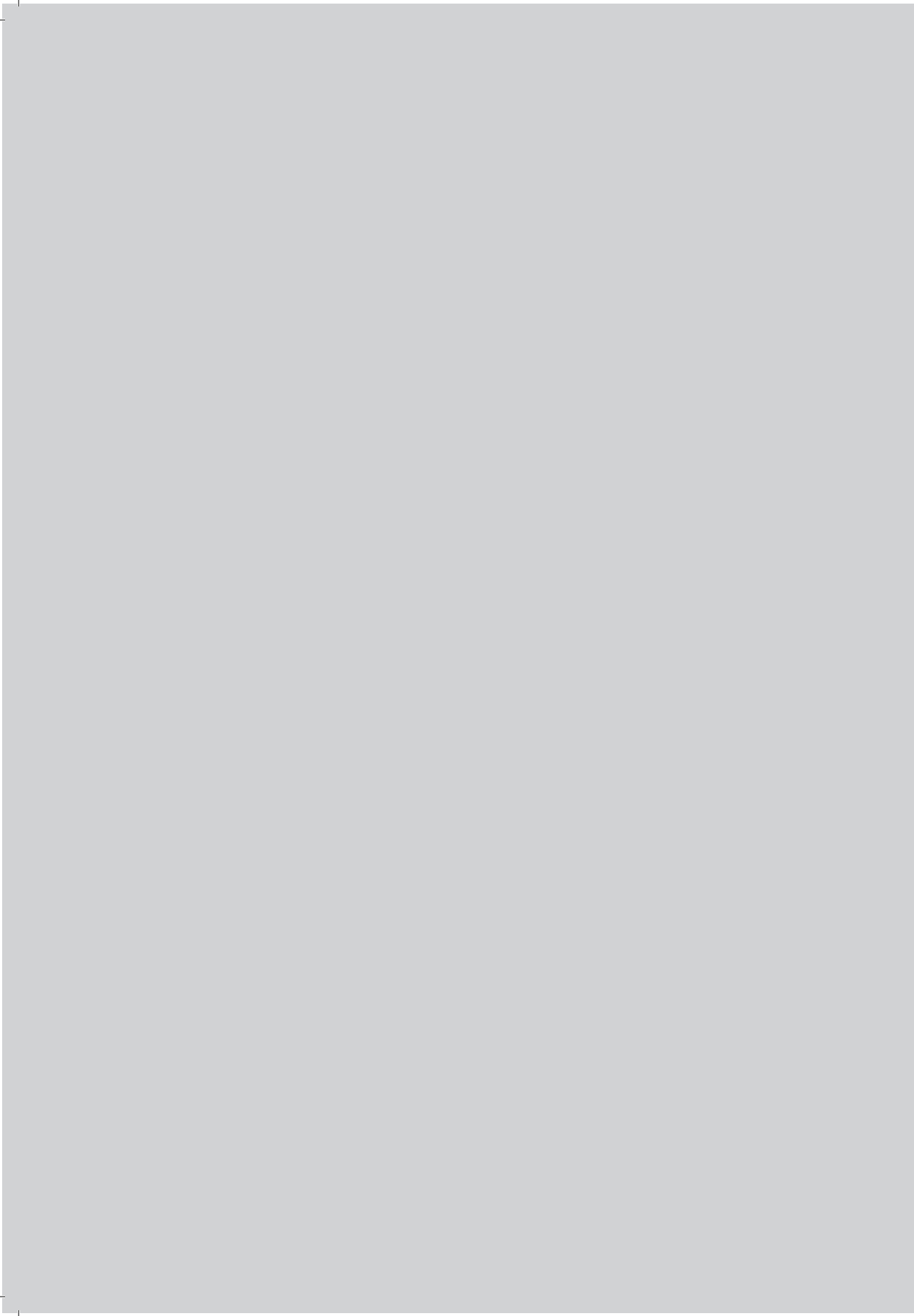
Черняхов, Житомирская
область, Украина 238, 243

Чимкент (ныне Шымкент),
Казахстан 49, 154

Чкалов (ныне Оренбург)
72, 116

Чувашская АССР 239

**JEWISH REFUGEES AND EVACUEES
IN THE SOVIET UNION, 1939–1946**
Introduction and Summary

JEWISH REFUGEES AND EVACUEES IN THE SOVIET UNION, 1939–1946

Introduction and Summary

Zeev Levin

This edited volume follows a decade-long research project I begun in 2010 during my Post-Doc project at the Tel-Aviv University, which was generously supported by a donation from the Beck family. Several years have passed, and I was still preoccupied with questions about and sources for the history of Jewish evacuation. In 2014, the Hebrew University of Jerusalem hosted an international conference, which brought together prominent scholars from three continents to discuss the topic of Jewish Evacuees and Deportees in the Soviet Union during WW II. It was co-sponsored by partners from Hazit HaKavod Association and the Claims Conference. The outcome of this conference was the publication of a special thematic volume of the *East European Jewish Affairs*, dedicated to Jewish refugees and evacuees¹. In addition to the scholarly gathering and the very fruitful exchange of views, the conference also had a public face, bringing together hundreds of veterans and survivors. Although many topics were presented in the conference, many more are yet to be resolved. In 2016, another conference was organized at the Hebrew University, which targeted questions about refugees and their neighbors. Although a decade has passed and despite all I have learned about this topic, many questions remain open and further, future, research will be exceedingly welcomed.

1 See: Shneer D., Shternshis Anna, Levin Zeev (eds). *East European Jewish Affairs* special issue: Jews in the Soviet Union during World War II: German occupation, Soviet evacuation, and the imagined relationship between these two experiences, 46(1) (2016).

This volume comprises three sections: scholarly articles, a collection of documents and personal testimonies. This combination provides a multidisciplinary approach and can be read as a multi-levelled narrative based on academic references combined with personal accounts by witnesses, backed by a collection of archival documents. The collection presents a unique chapter on Jewish survival during the Holocaust. It discusses the Soviet Union's official strategies and their implementation, its political use of evacuated Jews in the international arena, as well as the overall mood of the evacuated Jewish population.

Over the years, research has studied Soviet Jews and Jews exiled from the Soviet occupied territories during World War II. But, as of yet, no comprehensive monograph has been written on this particular subject.² Jews who were deported from the annexed territories of Poland, Romania and the Baltic Republics have been particularly investigated. Much of this research has been undertaken before the archives of the Soviet Union became available to western scholars.³ After the collapse of the Soviet Union, only a handful of articles were published. As of now, most of these focus on specific aspects of the Jewish evacuation.⁴

The evacuation process provides a lens through which to examine the implications of Soviet nationalities policy: its execution and to what degree it was implemented by local and regional subordinates. The evacuation operation aimed to tighten control over Soviet land, which in the eyes of the authorities had been under threat of enemy infiltration,

.....

- 2 A monograph on the Holocaust in the Soviet Union only briefly mentions the refugees. See Itshak Arad, *toldot ha-shoa bi-vrit ha-mo'atsot voha-shtahim ha-mesupahim* (Jerusalem, 2004).
- 3 Ben-Tsion Pinchuk, *yehudei brit ya-moatsot mul pnei ha-shoa: mehkar bi-veayot haglaia u-finui* (Tel-Aviv, 1979); Dina Porat, *rikuz ha-plitim ha-yehudiim be-vilna bashanim 1939–1943*, M.A. Thesis, Tel-Aviv University (1973); Kalman Nusbaum, *helkam shel ha-yehudim be-irgun ube-pe'i'lut ha-lehima shel ha-tsava ha-polani bi-vrit ha-mo'atsot* (Tel-Aviv, 1979); Shimon Redlich, *The Jews under Soviet rule during World War II*, PhD dissertation, New-York University, 1968; Yosef Litvak, *plitim yehudiim mi-polin bi-vrit ha-mo'atsot 1939–1946* (Tel-Aviv, 1988); Shlomo Kless, *gvulot mahteret u-vriha* (Moresheet, 1989).
- 4 Mordechai Altshuler, "Escape and evacuation of Soviet Jews at the time of the Nazi invasion: policies and realities", *The Holocaust in the Soviet Union* (Jerusalem, 1993) 77–104; Vadim Dubson, "On the problem of the evacuation of Soviet Jews in 1941 (new archival sources)", *Jews in Eastern Europe*, 3 (1999) 37–56; S. Shveibish, "Evakuatsiia i Sovetskie evrei v gody katastrofy", *Vestnik Evreiskogo universiteta v Moskve*, N.2(9) (1995) 36–55.

infectious disease and internal dissolution. Facing a massive and largely uncontrolled movement of people, Soviet authorities attempted to fix people in their place – thus blurring the distinction between evacuees and deportees. The evacuation sheds some light on the vast gray area which distinguishes between forced and voluntary migration in Soviet society under Stalin. Moreover, this topic of study offers an opportunity to investigate national deportations in the Soviet Union, which is subject to constantly growing scholarly research.⁵

In recent years, several monographs that discuss evacuation in general terms have been published. The topic was subject to several researches in Russia and in the West. Research in this field in the Russian Federation most often originated from the rural regions (especially Siberia and the Far East). These regions apparently exhibit a growing interest in documenting their contribution to the victory of the Soviet Union's "Great Patriotic War" – a contribution that over the years had been neglected by Soviet historians. Most recently, there has been an attempt to break free from the stranglehold of the "1930s studies", manifested primarily in a surge of interest in the post-war years, while wartime studies are virtually avoided.⁶

These trends reflect a general inclination of the study of history in the Russian Federation today. Social, cultural and political histories of the Soviet Union typically pause in the 1940s and resume in the post-war period. To an unparalleled degree, the war period in the Soviet Union remains largely the preserve of military and political history. Current literature focuses almost exclusively on soldiers, veterans and the populations of the occupied territories, while studies of the home front remain limited. Overall, documentation and research on Jewish evacuation was neglected and overshadowed by the voluminous literature about the "Great Patriotic War" produced in the Soviet Union

.....

5 On ethnic deportations, see Alexandr M. Nekrich, *The Punished Peoples: The Deportation and Fate of Soviet Minorities at the End of the Second World War* (New York, 1978); Robert Conquest, *The Nation Killers: The Soviet Deportation of Nationalities* (London, 1977). For recent archival findings, see N. F. Bugai, L. Beriia-I. Stalinu: "Soglasno vashemu ukazaniuu" (Moscow, 1995). For a detailed study of the pre-war Soviet nationalities policy and its consequences, see Terry Martin, *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939* (Ithaca: Cornell University Press, 2001).

6 Amir Weiner, "Saving Private Ivan: From What, Why, and How?," *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* 1, no. 2 (Spring 2000), 305–36.

and its successor states. To date, only a handful of books on this topic were written in Russian, most of which concentrate on the evacuation of factories rather than people.⁷ The evacuations won some attention in the West, where research whose focus most often revolved around narrow episodes was produced. Recently, however, at least two PhD dissertations have been written on the topic, one of which was published as a manuscript.⁸ This collection endeavors to contribute to filling this gap.

The present study also sheds light on the importance of both formal and informal networks in Soviet society. The evacuation casts the nature and importance of social bonds among Soviet citizens under Stalin into sharp relief. The process of displacement broke up existing communities: husbands were separated from wives, parents from children, employees from employers, and friends from each other. During that period, Soviet citizens struggled to reconstitute the networks they had depended on, not merely for camaraderie, but for access to food, housing and work – in short, for survival. The way that Soviet citizens coped with displacement emphasizes the importance of

7 I.I. Belonosov, “Evakuatsiia naseleniia iz prifrontovoi polosy v 1941–1942 gg,” in: Iu.A. Poliakov, ed., *Eshelony idut na vostok* (Moscow, 1966) 15–30; M.I. Likhomanov, *Partiinoe rukovodstvo evakuatsii v pervyi period VOV, 1941–2* (Leningrad, 1985); G.A. Goncharov, “*Trudovaia armiiia*” na Urale v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (Cheliabinsk, 2006); M.N. Potemkina *Evakonaselenie v Ural’skom tyilu (1941–1948)* (Magnitogorsk, 2006); *Vo imia Pobedy: evakuatsia grazhdanskogo naselenia v Zapadnuuiu Sibir’* (Tomsk, 2005); Publications in periodicals dealing with the evacuations are constantly growing but primarily concerned with evacuation of industry. The only articles to deal specifically with civilians are Sh. M. Munchaev, “Evakuatsiia naseleniia v gody Velikoi Otechestvennoi voiny,” *Istoriia SSSR* 3 (1975); L. T. Pozina, “Evakuatsiia naselenia v gody Velikoi Otechestvennoi voiny,” in Ezhov V.A. et al., ed., *Narod i Voina 50 Let Velikoi Pobedy* (Saint Petersburg, 1995) 265–281; and V. M. Koval’chuk, “Evakuatsiia naselenia Leningrada letom 1941 goda,” *Otechestvennaia Istoriia* 3 (2000) 15–24; G.A. Kumanov, “Evakuatsiia naseleniia SSSR: dostignutye rezul’taty i poteri,” in *Liudskie poteri SSSR v period vtoroi mirovoi voiny: sbornik statei* (Saint Petersburg, 1995), 137–146; and by the same author, “Perebazirovanie porizvoditel’nykh sil na vostok SSSR v 1941–1942 gg,” *Voenno–Istoriicheskii zhurnal* 2 (1963), 114–117.

8 See Rebecca Manley, *To the Tashkent Station* (Cornell, 2009). For other western scholarship, Sanford R Lieberman, “Evacuation of Industry in the Soviet Union During World War II,” *Soviet Studies* 35 (January 1983) 90–102; Kristen Elizabeth Edwards, “Fleeing to Siberia: The wartime relocation of evacuees to Novosibirsk, 1941–1943” (Ph.D. dissertation, Stanford University, 1996). The latter is a case study of Novosibirsk. See also a recent study: Michal Dekel, *Tehran Children: A Holocaust Refugee Odyssey* (W. W. Norton & Company, 2019).

both informal and formal networks to the fabric of Soviet society and everyday life under Stalin.⁹

Soviet definitions: Deportee, Refugee, Evacuee and Ex-convict

The terms *refugee*, *deportee* and *evacuee* are critical to this study and thus require clarification. Basically, the origin of these terms stems from administrative classifications which determined the specific legal status of their holders. *Refugee* is a term usually used to describe a displaced person who was forced to flee from his homeland to another place (another country) under life-threatening circumstances. *Deportee* was usually employed to describe a foreign citizen whose entrance to a new country was rejected or whose presence in said country was legally annulled due to misbehavior. In the Soviet reality, however, deportees were mostly Soviet citizens who were not deported to another country, but rather sent to special settlements or to labor camps in Siberia or the Soviet Far East. The introduction of *evacuee* into Russian history served to replace prior terminology; whereas *refugee* had been the principle term used to denote subjects of population displacement during World War II, *evacuee* served this purpose during World War II.¹⁰ The switch from *refugee* to *evacuee* was not simply a matter of semantics; it reflected a profound transformation in the State's approach to wartime population displacement.

The evolution of Soviet evacuation policy is marked by two key developments. The first of these was the heightened attention to and increasing systemization of the government's approach to the economic dimensions of warfare following the outbreak of World War II. The war gave birth to a range of new economic practices that had not been foreseen in the pre-war period, including grain requisitions, government control of industry, rationing and evacuation. The second key development followed the Stalinist "revolution from above" and involved a fundamental rethinking of the problem of population management during

9 Sheila Fitzpatrick, "Blat in Stalin's Time," in Stephen Lovell et al, eds., *Bribery and Blat in Russia: Negotiating Reciprocity From the Middle Ages to the 1990s*; Sheila Fitzpatrick, *Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times* (New York, 1999); Alena V. Ledeneva, *Russia's economy of favors: blat, networking, and informal exchange* (Cambridge, UK, 1998).

10 On the emergence of the notion of "refugeedom" during World War I, see Peter Gatrell, *A Whole Empire Walking: Refugees in Russia during World War I* (Bloomington, 1999).

wartime. This was linked to the militarization of Soviet society, the development of new practices of population transfer and the changing practices and concepts of warfare. Refugeedom as a category of wartime planning was eclipsed by the concept of evacuation, which became the unified approach to population displacement on the eve of the war. The semantic shift from *refugee* to *evacuee* marked a fundamental shift from *organizing displaced populations* to *controlling the displacement*.¹¹

The change applied, however, only in theory. In practice, the Soviet administration regarded and granted evacuee status to all Soviet citizens who were displaced during the war and were free from direct control by the NKVD, regardless of whether they were officially evacuated or left of their own volition. This applied even to ethnic German populations (which were actually deported) and later to released ex-Polish convicts. The latter were granted Soviet documentation upon their release and were considered Soviet citizens even if they had not been such prior to their arrest or were willing not to obtain such citizenship.¹²

Whereas official evacuees were fixed to a particular place – a factory or another government enterprise, unofficial evacuees had to find their own place of work and take care of themselves. Due to an immense shortage of manpower (especially male), they enjoyed greater freedom of occupation and a greater freedom of movement from place to place.¹³ Regardless of their official status or the Soviet citizenship that was imposed on them, many of the displaced regarded themselves (and later described themselves in their memoirs) not as evacuees but as refugees – displaced only temporarily because of the war and willing to return to their homelands at the first opportunity.¹⁴

.....

11 Rebecca Manley, “The Perils of Displacement: The Soviet Evacuee between Refugee and Deportee,” *Contemporary European History*, Vol. 16, 4 (November 2007) 495–497; and Manley, *Tashkent Station*, chap. 1.

12 On Soviet documentation and refugees, see: Presidential Archive of Kazakhstan: Fond: 685 opis’ 6 delo 62 list 157 (Document No. 5 in this collection) and: Interview with Barukh Mints (Kfar-Sava, 16th February 2010).

13 There was a need for a permit from a work place or other Soviet authority that gave the holder an assignment to travel to buy tickets; see Litvak, *plitim* pp. 193–198.; Shlomo Kles, *bederekh lo slula* (Moreshet, 1993) pp. 21–22.

14 This is a common feature in testimonies and memoirs. There are some scholars (as well as survivors) who apply “refugee” to all displaced foreign subjects in wartime Soviet Union; see: Litvak, *plitim*; Redlich, *Jews under Soviet rule*.

* * *

The format of this volume, its division into three individual parts comprising scholarly articles, primary sources and unique survival testimonies, was designed to trace and point out the complications and unique circumstances Jewish refugees, evacuees and deportees faced and survived. Furthermore, the collection of articles allows us to focus the discussion on evacuation – from a diversity of perspectives and through a range of approaches.

First section – Research articles

The first article in this section sets the scene for the general narrative, describing the situation in the USSR prior to the Ribbentrop-Molotov Pact (1939) and its immediate impact on the Jewish population of the newly annexed territories, and the genesis of the refugee problem in the region. It demonstrates that even though Soviet historiography sets the beginning of WW II in June 1941, for as many as hundreds of thousands of Jews who became refugees following the pact, the war began two years earlier. In addition, this chapter places the deportation of ex Polish citizens within the broader framework of many other ethnic deportations, grounding them for the first time in archival based sources.

The second article, by Marina Potemkina, a leading expert in the field of history of evacuation, is a bird's-eye view that weaves the unique Jewish experiences into the general context of the hardships and implications of war. It describes the chronology of evacuation, central government and local authorities efforts and hardships, and places the Jewish evacuation odyssey in a wider concept of a horrible war time realities.

The third article, by the Polish-German scholar, Maciej Wąs, describes the realities of survival which Polish refugees arriving in Central Asia met with. In this context, Wąs discusses the extreme socio-cultural gaps between the different types of “Soviet” citizens, comparing between the Polish refugees – who in late 1939 fled to the Soviet Union from Nazi-occupied territories. Many of them were sent to Gulags in 1940, then released in 1941 to arrive in Central Asia, where they met with a reality worlds apart their own traditional one – and the local Muslim and Jewish populations, which gravely differed from what the Polish

exiles have ever known in their experiences in the USSR. This article delineates several circles of belonging and estrangement, describing the life of outsiders and locals, who lived very different lives, while sharing the same place of residence and same citizenship.

The fourth article once again discusses the refugees in the framework of a specific and limited geographical sphere. Emma Shkurko from Ufa presents a case study of surviving realities in Soviet Bashkiria. Her article makes a clear distinction between evacuees, whose arrival was organized, and the refugee “masses”. The first brought an influx of cultural life, development of enlightenment and economic growth to the remote Ufa, while the second group suffered from numerous problems and difficulties and had trouble striking roots in the city and contributing to its cultural and economic life.

The fifth and concluding article, by Olha Radchenko, studies the macro history of one family whose members were separated between the Russian and the German sides. Their desperate efforts to reunite on the Soviet side of the border are yet another example of Jewish suffering met by resourceful strategies of survival, and showcases the impossible decisions so many Jews were forced to make, such as choosing between returning from the Soviet Union to reunite with their family and then try to immigrate elsewhere from the German side, or remaining stranded in the USSR.

Those who were sentenced and sent to Siberia were deemed doomed in the eyes of those who remain at the border towns. If only they knew back then, that the wheel of fortune will turn again in a short time and it will be they on the less fortunate side when they face the Nazi attack in 1941.

Second section – Documents

This section contains 24 documents that I collected during several work trips to Central Asia where I studied the World War II Jewish refugees and evacuees. These documents are a bold attempt at a concise and document-based representation of the reality in which hundreds of thousands of refugees and evacuees lived and survived.

Soviet-time archival material is riddled with problems. Most of them are related to a certain administrative culture that was formed at the height

of the 1930s purges, when each document could be used as evidence not just against its subject but against its drafter as well. Therefore, the documents gloss over numerous aspects of life, and references to most of the problems and realities that existed at that time can be found only in top secret documents. In Russia, a significant number of these documents remains classified until today. For this reason, most of the material that I collected was found in archives of Republic of Kazakhstan and Republic of Kyrgyzstan.

The documents in this sample are presented in a chronological order. Each document is followed by a detailed commentary that offers the relevant context and explains the most significant aspects related to it. In my view, the sample is far from being perfect and still has numerous “blind spots” that make it impossible to present a full picture of the evacuation. Nevertheless, the sample is an important addition to the academic papers and testimonies because it enables us to present a certain view from above, at various levels of government. This perspective is usually absent from personal testimonies and eye witness accounts.

Third section – Testimonies

This part of the book opens with an introductory article by Alexander Berman, a long-time chairman of Hazit Hakavod Association and the Israeli Association of Immigrant Scientists Organizations, that since 2009, under Mr. Berman’s leadership, had considerably contributed to the collection and publishing of memories of Holocaust survivors. Dr Berman’s remarks and a short summary discuss major topics related to the testimonies’ section.

The section comprises 12 vastly diverse testimonies. All were recorded in Israel, but present a wide range of evacuation experiences. The survivors whose testimonies are brought forth were evacuated from different locations, they had different life stories and backgrounds and their survival odysseys are also very disparate. Nevertheless, these testimonies all represent narratives of survival, and they all lived to tell their tale. Unfortunately, we will never hear the stories of the hundreds of thousands who had not survived the war in evacuation. In this sense, this book is an attempt to contribute to their commemoration.

The publication of this volume would not have been possible without the help and financial assistance of so many. As editor it is my privilege to thank the Claims Conference and Rabbi Israel Miller Fund for Shoah Research, Documentation and Education; the Israeli Ministry of Social Equality, and the Helping Hand Foundation, for providing financial support to the project; the scholars Dr Marina Potemkina, Dr Maciej Wąs, Dr Emma Shkurko and Dr Olha Radchenko, for kindly submitting their research for this publication; Mr Gregory Nissenboym for preparing and providing us with the testimonies of the refugees; Dr Alexander Berman, for his contribution and all possible help in organizing this issue, and Mr Haim Dolgopolsky, for his much valued work as Production Editor.

Zeev Levin,

Jerusalem, June 2020